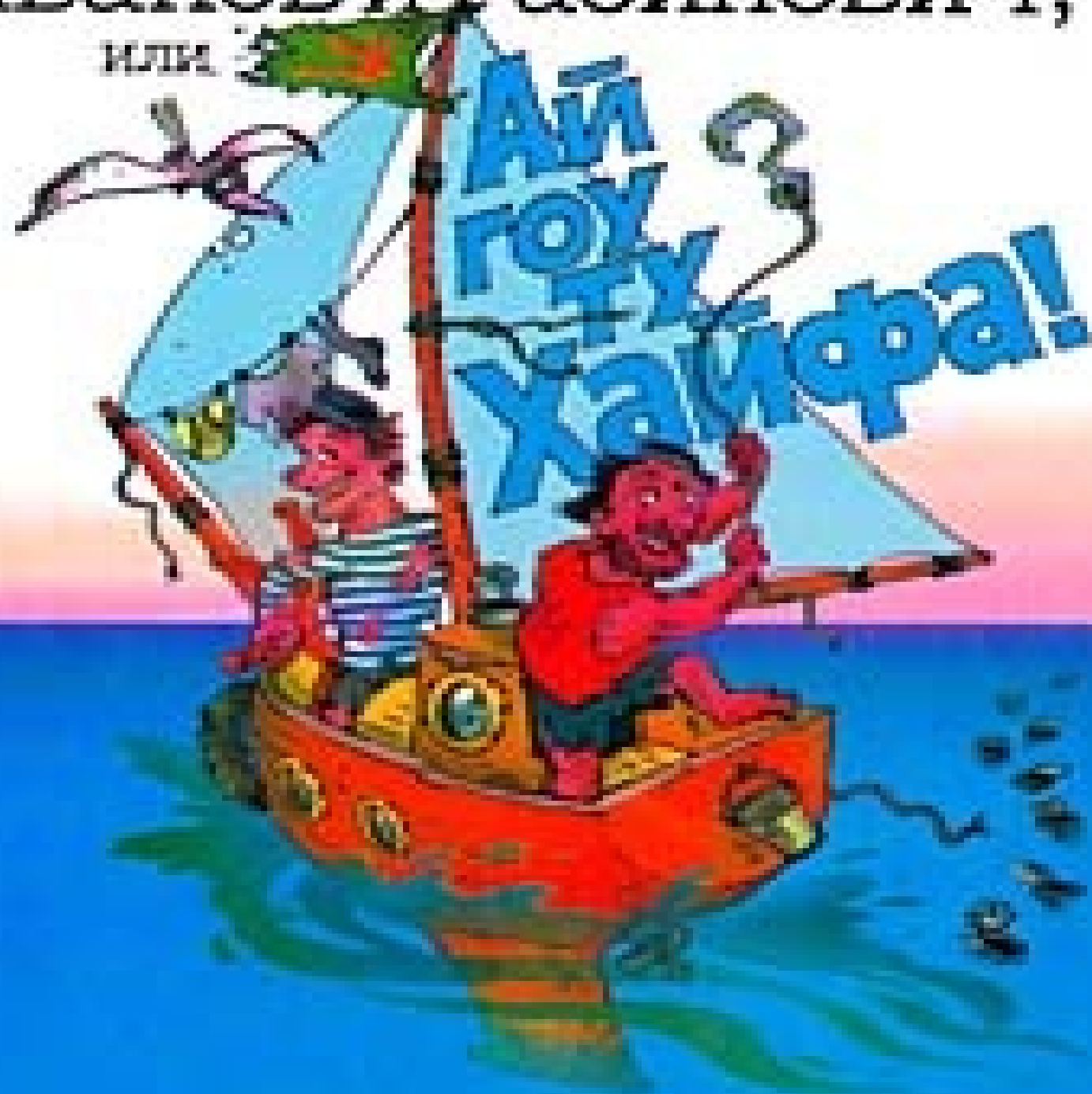

Владимир

КУНИН

Иванов и Рабинович,

или

Annotation

Перед вами — подлинная КЛАССИКА отечественного «диссидентского юмора».

Книга, над которой хохотали — и будут хохотать — миллионы российских читателей, снова и снова не устающих наслаждаться «одиссеей» Иванова и Рабиновича, купивших по дешевке «исторически ценное» антикварное суденышко и отправившихся па нем в «далекую и загадочную» Хайфу.

Где она, эта самая Хайфа, и что она вообще такое?!

Пожалуй, не важно это не только для Иванова и Рабиновича, но и для нас — покоренных полетом иронического воображения Владимира Кунина!

- [Владимир Кунин](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
-

Владимир Кунин

Иванов и Рабинович, или Ай гоу ту Хайфа

Часть первая

Иванов и Рабинович

Как стать уголовным преступником

В тот вечер сорокачетырехлетний Арон Рабинович в рабочей спецовке стоял в пивной за кружкой пива и держал в руке соленого подлещика.

У самой стойки очередь вспухала и скандально пульсировала от напора жаждущих получить пиво без всякой очереди.

— Э, мужики! Ну, встаньте вы в очередь. Неужели трудно? Все же стоим, — миролюбиво сказал Арон.

Трое здоровенных молодых парней рассмеялись. Один вздохнул:

— Господи... До каких же пор жида будут в России порядки устанавливать?! Ой, Гитлера нет на вас, сучье племя!..

Арон хозяйственно спрятал подлещика в карман рабочих штанов и ударом в челюсть отправил поклонника гитлеризма в глубокий нокаут.

Двое других бросились на Арона. Но он с ходу воткнул свой огромный кулак в живот одному, а другого просто насадил физиономией на собственное колено.

И тогда в пивной началась генеральная драка...

У здания районного суда стоял арестантский автофургон.

На другой стороне узенькой улочки — старый, битый «Москвич». Около него топталась пышнотелая Ривка — сестра Арона.

Неподалеку от фургона мельтешилась маленькая, ярко накрашенная женщина — не отрываясь смотрела на двери суда.

Милиционеры вывели из суда Арона Рабиновича с подбитым глазом. За ним — худенького блондинчика лет сорока.

— Арончик!!! — метнулась через улочку Ривка.

— Машину береги. Не гоняй, как идиотка, — сказал ей Арон.

— Васечка!.. — крикнула маленькая накрашенная женщина.

— Прощай, Клавочка... — потерянно проговорил блондин.

— Па-а-апрррошу! — зычно пропел старший конвоя.

Арон и блондинчик влезли в фургон. Туда же сели два милиционера. Двери захлопнулись, и «воронок» покатил.

В полусумраке фургона Арон спросил своего соседа:

- Жена провожала?
- Сестра. Клава.
- И меня сестра. Ривка... Тебе сколько дали?
- Два года. С лишением прав работать в сфере торговли. А вам?
- Тоже два. По двести шестой. Драка.
- Иванов Василий, — представился блондин.
- Арон Рабинович. Есть возражения?
- Что вы?! У меня лучшие друзья...
- Разговорчики! — рявкнул конвойный.

И пойдет лагерная жизнь Иванова и Рабиновича: утренние и вечерние проверки, работы в каменном карьере, на лесоповале, шмоны-обыски, хождения строем, двухъярусные нары в бараке, вышки с часовыми вокруг зоны...

Зима... Лето... Снова зима... Снова лето... И повсюду мы будем видеть Иванова рядом с Рабиновичем.

Пролетят эти два года, и выйдут они в один и тот же день на свободу...

Как обретают свободу

В специальном помещении с лозунгом «На свободу с чистой совестью!» специальный офицер говорил специальные слова:

— Надеюсь, что пребывание в нашей колонии не прошло для вас даром и на свободе вы станете снова полезными членами нашего общества, — офицер заглянул в документы, освежил в памяти имена Иванова и Рабиновича и добавил:

- Так, Василий Петрович и Арон Моисеевич?
- Так точно, гражданин начальник! — хором ответили Арон и Вася.
- Теперь я для вас не «гражданин начальник», а «товарищ».
- Ну да? — удивился Арон.
- Конечно! Конечно, «товарищ»! — быстро согласился Иванов.
- Теперь, Арон Моисеевич и Василий Петрович, для вас весь мир друзья и товарищи! — улыбнулся офицер.

Разъехались многотонные лагерные ворота, к которым намертво были приварены проржавевшие буквы «СЛАВА КПСС!», и Рабинович с Ивановым оказались на Свободе.

И тут же были встречены воплями Клавки и Ривки, вылетевшими из стоявшего рядом старенького «Москвича».

— Сестреночка!.. — нежно всхлипнул Василий. — Клавочка...

Ривка рванулась к Арону. Но тот остановил ее, обошел старый расхлябанный «Москвич», оглядел его со всех сторон и только потом ласково похлопал Ривку по обширному заду в кургузой юбке:

— Совсем изблядовалась?

— Ой, Арончик... Ну, что ты такое говоришь? Люди же...

— Вовремя мамочка откинула копытца. Она бы твоего вида не перенесла, — и Арон, наконец, поцеловал Ривку.

— Ну, правильно! Она была бы в восторге, что тебя в тюрьму посадили на два года, шлемазл! Садись за руль. Твои права в бардачке. А то у меня уже месяца три как доверенность кончилась. Клавочка! Так мы едем к вам или к нам?

— Без разницы! — весело крикнула Клавка.

Поздней ночью на маленькой кухне стандартной двухкомнатной квартиры, после загульного вечера, на правах гостеприимных хозяев дома, сильно хмельные Клавка и Вася мыли посуду.

— Я три года был за ним, как за каменной стеной... — говорил Вася. Ко мне ни один уголовник приблизиться не мог — в таком он был «авторитете»... Он мне, как брат родной теперь!..

— Жаль, — усмехнулась Клавка. — А я его только собралась трахнуть. Теперь нельзя. Он тебе брат — значит, и мне брат. Жаль...

— Клавка!..

— Чего «Клавка»?! Ты на Ривку глаз положил? А я, что, рыжая?

— Дура ты, мать твою...

— В таком случае и твою.

В комнате пьяный Арон говорил Ривке:

— Я три года был за ним, как за каменной стеной... Голова — Совет министров! Я евреев таких деловых не видел!!! На него вся зона молилась: он и наряды всем закроет, и коэффициент выведет, и ни один ЗЭК в обиде не останется! А если какой «бык» начнет права качать, я ему оттяжку сделаю, и опять все тихо... Мы еще в лагере решили — и на воле друг без друга никуда.

— А он ничего... — сладко потянулась Ривка.

— Ривка! Я тебя умоляю... Вспомни своих хахалей. Ты им всем жизнь искалечила! Наш дом за три квартала обходят. Ваську не трогай!.. Это я тебе говорю — старший и единственный брат. А то я тебе так по жопе надаю — ноги отнимутся!

— Ой, ой, ой, ой. Нужен мне твой Васька. Смотреть не на что.

Под утро все образовалось — в проходной комнате большая Ривка

спала с худеньким Васей Ивановым, а в другой комнатке маленькая Клавка уютно посапывала на могучем плече Арона Рабиновича...

Как трудно найти место под советским солнцем

На входных дверях большого учреждения доска:

«СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ»...

и внизу перечень двух десятков специальностей.

В отделе кадров строгая женщина с высокой взбитой прической возвращала Васе Иванову его документы:

— С судимостью не берем. Тем более в снабжение. У нас предприятие режимное.

— Было режимное, — мягко поправил ее Вася. — Теперь вы, слава богу, кастрюли штампуете.

— А вы уверены, что только кастрюли? — усмехнулась женщина. — Следующий!

— Автослесарь, — Арон положил на стол свои документы.

— Вот это другое дело! Автослесари нам — как воздух!.. — женщина раскрыла паспорт Арона, прочитала его фамилию и имя-отчество и тут же протянула его обратно. — Я и забыла, Арон Моисеевич, автослесарей-то мы уже всех набрали. Следующий!

В другом отделе кадров молодой человек в желтом галстуке на красной ковбойке говорил Васе Иванову:

— Эх, Василий Петрович! Да, была б моя воля!.. Нам снабженцы с таким опытом — во как нужны! Но без судимости. Извини, Иванов. Извини, — и молодой человек повернулся к Арону: — У тебя что?

— Автослесарь я...

— Автослесарь? Давай паспорт!

Внимательно изучил паспорт Арона, покачал головой, бросил паспорт на стол и огорченно сказал:

— Слушай, Рабинович! Ты смеешься надо мной? Я тебя сегодня возьму, а ты завтра уедешь в Израиль?!

— Да не собираюсь я никуда уезжать! — рявкнул Арон.

— Все так говорят. А потом — привет из Тель-Авива! Ты в Средиземном море купаешься, а я со строгачом снова ищу автослесаря!

— Что же ты меня из страны выпихиваешь, сука?! — заревел Арон и потянулся было к молодому человеку, но Вася Иванов, словно фокстерьер,

повис на Ароне, приговаривая:

— Арончик!.. Умоляю!.. Вспомни зону, Арон!!!

В третьем отделе кадров уже вопил Вася Иванов:

— Но я же отсидел свое! Я же все искупил!..

Шестидесятилетний отставник очень спокойно, отечески говорил:

— Знаю, знаю. Сам двадцать лет в лагерях отработал. Знак почетного чекиста имею. Сколько вашего брата через мои руки прошло!.. И вижу я, что ты хороший человек — у меня глаз наметан. А инструкция? Раз судимость — не положено.

Он повернулся к Арону:

— Тебе что?

— Автослесарь я. Вот документы...

— А зачем мне твои документы? Я и так вижу, кто ты. Мне лично, хоть негр, хоть китаец — все едино. Я интернационалист старой закалки. А наш генеральный директор этого не любит...

— Чего ЭТОГО?!! — заорал Василий и бросился на отставника.

Но тут Арон сгреб Васю в охапку и вынес из кабинета:

— Тебе еще один срок нужен, засранец?..

Как Арон стал «Ивановым», а Вася — «Рабиновичем»

— Я не хочу больше жить в этой стране!!! — бился в истерике сильно поддавший Вася Иванов.

Правда, бился он в могучих руках Ривки, рвался с ее колен, а она прижимала его голову к своей необъятной груди и шептала:

— Ну, Васечка... Ну, мальчик мой... Ну, успокойся, детка... Арон!!! Прекрати жрать водку! Сделай же что-нибудь!.. Что ты сидишь как говно на именинах?!

— Что я могу сделать? — Арон печально выпил стакан.

— Закуси, зайчик, — Клавка тут же сунула ему бутерброд.

— Я просто не могу больше здесь жить... — заплакал Вася.

— Арон! Ты видишь, в каком он состоянии?! Сделай что-нибудь! — повторила Ривка.

— Что я — простой работяга — могу сделать, если они русского интеллигентного человека довели до того, что он хочет покинуть свою родину?.. — Арон постепенно от печального настроения переходил в зоологическую свирепость: — А я вот в гробу их всех видел в белых

тапочках! И хрен им в грызло, вообще никуда отсюда не двинусь!!! Хотя я и «Рабинович»!..

— Боже мой!.. — тоненько прокричал Вася. — Если бы я был «Рабиновичем»!.. Только бы вы меня здесь и видели!..

И тут вдруг Ривка ссадила Васю со своих колен, поставила прямо перед собой и торжественно произнесла:

— «Вы просите песен — их есть у меня!» Ты хочешь быть «Рабиновичем»? Нет вопросов. Мы с тобой женимся, ты берешь мою фамилию, я устраиваю всем четверым по вызову, и мы отваливаем отсюда в лучшем виде!

— Ой... — испугался Арон и тревожно посмотрел на Васю.

— Гениально!.. — Вася был потрясен простотой решения.

— А если эти два идиота не захотят ехать с нами — будут прилетать к нам в гости, — Ривка показала на Арона и Клавку. — Сейчас, говорят, это запросто.

Клавка забралась на колени к Арону и нежно прижалась к нему.

— А ты, Арончик, женишься на мне и берешь мою фамилию. И становишься «Ивановым». Пусть тогда попробуют тебя не взять на работу!..

Как жили и работали Арон Иванов и Василий Рабинович

Из репродуктора гремит «Свадебный марш» Мендельсона.

Висит простенький преysкурant:

«1. Разбортовка колеса — 1 рубль.

2. Заклеить камеру — 1 рубль.

3. Забортовка колеса — 1 рубль.

4. Балансировка 1 рубль».

Под торжественные звуки «Свадебного марша» грязные, зачуханные Арон и Василий работали в мастерской при кооперативном гараже.

Медленно, со скрежетом проворачивается лежащее на шиномонтажном станке старое колесо. Поддев ломом кромку покрышки, Арон силится отделить ее от проржавевшего диска...

На балансировочном станке быстро вертится второе, уже смонтированное колесо. Вася следит за стрелкой прибора. То остановит станок, пометит мелом, то снова пустит колесо вертеться...

Гремит «Свадебный марш»... На верстаке вулканизируется сразу

несколько камер. А вокруг — нагромождение покрышек, рулоны «сырой» резины, погнутые диски, ниппеля, грузики для баланса, инструменты, компрессор с огромным манометром, чан с водой для проверки камер...

Около мастерской — штук десять автомобилей. Владельцы несут дырявые покрышки и рваные камеры к Арону и Васе, тащут от Васи и Арона уже починенные, залатанные, накаченные...

Вася ведет расчеты с клиентами, складывает трешки и рублевки в большую железную коробку, что-то отмечает в журнале.

У Арона и Васи черные руки, замызганные комбинезоны, мокрые грязные изможденные лица. Тяжелая, адовая работа... А над всем этим — Мендельсон. «Свадебный марш»!..

В мастерскую входит председатель гаражного кооператива:

— Рабинович! Тебя жена к телефону!

— Спасибо, шеф! — говорит ему Вася и убегает.

— Арон Моисеевич! Иванов!.. Распишись, что с противопожарной инструкцией ознакомлен, — председатель протягивает Арону папку.

Арон вытирает руки ветошью, берет карандаш:

— Где?

— А вот — «Иванов А.М.»... Порядок!

Гремит «Свадебный марш» Мендельсона...

Вечером, умытые и измотанные, ехали с работы. «Москвич» скрипел, стучал, фыркал прогоревшим глушителем.

Вася считал деньги, раскладывал в две кучки на «торпедке».

— Один хмырь болотный приволок грузики из Тольятти. Я ему отстегнул полтинник...

— Молодец, — похвалил его Арон.

— Четвертак вода и электричество за прошлый месяц... Двадцать процентов арендной платы. И червонец я заслал ночным сторожам. Мало ли что!

— Правильно.

— Договорился с шиноремонтным заводом. Будем отдавать им колеса в наварку. Они хотят по тридцатнику, мы будем брать с клиентов по полста. Двадцать наши...

— Здорово.

— Держи. Тебе семьдесят восемь и мне семьдесят восемь.

— И день прошел не зря, — Арон спрятал деньги в карман и остановил машину у дома Василия. — Чего Ривка звонила?

— Сдала в ОВИР все наши документы. Велели ждать.

— Сколько?

— Тебе-то что? Ты же ехать не собираешься.

— Мне партнера подыскивать нужно. Не Клавку же я поставлю к балансировочному станку! А ты у меня, Васюся, временный.

— А может быть, все-таки... вместе, Арончик? А?..

— Все! Вали. До завтра. Ривке привет!

Вася вышел из машины. Арон отъехал несколько метров, затормозил и дал назад. Открыл дверцу и крикнул негромко:

— Эй! Рабинович!..

Вася с готовностью повернулся.

— Я слышал, что на израильской границе всех мужиков вместе с паспортом заставляют болт предъявлять. Нет обрезания — поворачивай обратно! Так что готовься, Васька! — заржал Арон и уехал.

Василий посмотрел ему во след, покачал головой:

— Ну, шлемазл, мать твою! Ну, что с тебя взять, выкрест?..

Как тяжелый физический труд влияет на семейную жизнь

После ужина Клавка вышла из ванной в коротком соблазнительном пеньюарчике. В коридоре перед зеркалом опрыскала себя духами, кокетливо распустила волосы и только после этого открыла дверь в комнату:

— Зайчик! Я готова к употреблению!..

На диване-кровати глубоким и тяжелым сном спал разметавшийся, измученный за день, Арон. Его могучий храп вздыбливал тонкие занавески на окнах и заставлял позвякивать подвески на чешской люстре.

— Ты же обещал, зайчик... — растерянно проговорила Клавка. — Ведь сколько уже дней...

Чудовищный храп Арона был ей ответом. Клавка опустилась на стул у дверей и горько заплакала...

Точно в такой же квартире, но на другом конце города, Ривка в постели хлопотала над бесчувственным от усталости Васькой.

— Ну, и что? И в чем трагедия? Ну, устал мой мальчик... Ну, не стоит у маленького! Так он сейчас у всех плохо стоит. Даже у иностранцев. А вот мой Васечка отдохнет — мы им всем покажем! Да? Лежи, лежи, котик, не расстраивайся. Я тебе сама все сделаю в лучшем виде...

Снова шиномонтажная мастерская. Вечер.

Снова дырявые камеры, рваные покрышки, погнутые диски, очередь

клиентов с автомобилями...

Грохочет шиномонтажный станок, воет компрессор. Арон работает один — мокрый, грязный, усталый.

В мастерскую заглянул председатель кооператива:

— Притормози, Иванов.

Арон остановил станок, выключил компрессор.

— А где Рабинович?

— На курсах по изучению языка. Мы же вас предупреждали, что Вася работает здесь только до отъезда...

— А что, если я его у тебя заберу и сделаю своим замом по производству и экономике?

— Не надо. Он свое уже отсидел.

— Тьфу!.. — председатель даже перекрестился. — Типун тебе на язык и два на жопу!

— Нет, серьезно, он не пойдет. Он за бугор намылился...

— Ладно... Бог в помощь, — председатель усмехнулся, покачал головой и удивленно сказал: — «Василий Рабинович»... Странно звучит, да, Арон Моисеевич?

Арон включил шиномонтажный станок, завел компрессор и прокричал председателю сквозь шум и грохот:

— А то, что я «Иванов», это нормально?..

В подвале старого петербургского дома под трубами парового отопления и электрическими кабелями, на колченогих стульях, за обшарпанными столами сидели человек пятнадцать будущих эмигрантов и изучали «иврит».

Модно одетый молодой человек с еврейско-тореадорской косичкой мелом писал на старенькой школьной доске древние слова...

Он что-то еще говорил вслух, но измочаленный работой Вася сквозь сонную одурь видел только егодвигающийся рот и ничего не слышал.

Иногда Ривка толкала его в бок локтем. Тогда Вася испуганно оглядывался и таращил глаза на школьную доску. Все вокруг усердно записывали премудрости языка предков. Каждый раз, когда преподаватель поворачивался к аудитории, он встречал нахальные и зовущие глаза крупной и яркой Ривки. Когда же Ривка медленно и плотоядно облизнула губы и закинула ногу за ногу так, что ее роскошные ляжки открылись до самых трусиков, у молодого преподавателя иврита исчез дар речи и встала дыбом косичка...

У Русского музея расфуфыренная Ривка говорила расфуфыренной

Клавке:

— ...а к нему приехал друг из Стокгольма на своей тачке. Живет в «Астории».

— В «Асторию» я не пойду! — перетрусила Клавка. — Там меня каждая собака знает. Если бы в «Прибалтийскую»...

— Ну, правильно! А я в «Прибалтийской» инкогнито, да?! Повезем к тебе или ко мне, — решительно сказала Ривка.

— Ой, Ривка!.. Подумать страшно! А вдруг...

— Сейчас двенадцать. Раньше восьми наши не вернутся. Уйма времени! Посидим, выпьем, расслабимся...

Подкатил красивый автомобиль с иностранными номерами. Из него выскочил учитель иврита со своей тореадорской косичкой, а из-за руля вылез его иноземный приятель и восхищенно сказал:

— Какие потрясные вомен! Чтоб я так жил, мама мия!..

Как становятся холостяками

Распахнулась дверь шиномонтажной, и в мастерскую вошли председатель кооператива и пожилой старший лейтенант милиции.

— Ребята, это наш новый участковый уполномоченный, — сказал председатель. — Он с вами поговорить хочет.

— Значит, товарищи... Попрошу вас, товарищ Рабинович... — участковый безошибочно обратился к Арону. — И вас, товарищ Иванов, — он посмотрел на Василия. — Сроченько привезти мне ваши справки об освобождении из мест заключения.

— Рабинович — это я, — сказал Василий.

— А я Иванов, — сказал Арон.

Участковый справился с недоумением и жестко проговорил:

— Тем более, граждане. Справочки мне ваши сегодня же до семнадцати ноль-ноль.

— Ну, я свою привезу, а Васькина-то вам зачем? Он в гараже не числится, мне помогает, пока ОВИР не даст разрешения на выезд.

— Рабинович у нас не числится!.. — радостно сказал председатель. — У нас по штату вообще один шиномонтажник! Он, так сказать, по договоренности с Ивановым, с Ароном Моисеевичем...

— Короче! — прервал его участковый. — Обе справки чтоб у меня были. Кто из вас «Рабинович», а кто «Иванов» — мне без разницы. Я

должен знать, что происходит на моем участке. Социализм — это учет!

Когда у дома Василия они вылезли из своего жуткого «Москвича», там уже стоял роскошный иностранный автомобиль.

— Какая тачка! — восхитился Арон.

— Поедешь с нами в Израиль, и у тебя будет такая же.

— А пошел ты!.. При таких бабках, что мы сейчас с тобой зарабатываем — и здесь прожить можно. А там я пропаду.

Уже поднимаясь по лестнице, Василий говорил:

— Не пропадешь... В Советском Союзе живут двести восемьдесят миллионов человек, а во всем мире — около пяти миллиардов. Значит, четыре миллиарда семьсот двадцать миллионов как-то ведь обходятся без Советского Союза? Не пропадают?

— Я здесь родился и вырос, — упрямо сказал Арон.

— Там ты хоть гарантирован, что тебе никто не скажет «жидовская морда»... — Вася открыл ключом свою дверь, из-за которой неслась громкая музыка, и нежно улыбнулся: — Тоскует моя лапочка.

Они с Ароном вошли в квартиру и захлопнули за собой дверь.

Спустя мгновение музыка оборвалась, раздался чей-то сдавленный крик, грохот... Было слышно, как разлетелось что-то стеклянное, какое-то рычание и мягкие удары, сопровождавшиеся треском чего-то ломающегося...

А потом с шумом распахнулась дверь и на лестничную площадку голыми были выброшены учитель иврита со своим иноземным другом. Вслед им полетели части их одежды.

На ходу натягивая штаны, они в ужасе бросились вниз по лестнице, и уже через секунду было слышно, как взревел мощным двигателем замечательный заграничный автомобиль, взвизгнул покрышками и умчался...

Вечером Арон привез Василия к себе. Еще из «Москвича» оба они увидели, как от дома отъезжает грузовик, набитый мебелью, холодильником, телевизором, торшером, гитарой и фикусом.

В широкой кабине рядом с шофером, с видом оскорбленной невинности, сидели Клавка со вздутой губой и Ривка с подбитым глазом.

Вася и Арон переглянулись и стали разгружать «Москвич». На свет божий появился потертый Васин чемоданчик, с которым он вышел еще из лагеря, две стопки книг, увязанные бельевой веревкой, и единственный костюм на «плечиках», в прозрачном пластиковом чехле.

На этом разгрузка и закончилась.

— «Была без радости любовь, разлука будет без печали...»

продекламировал Арон и поволок Васины вещи в свою квартиру.

В полупустой квартире (Клавка умудрилась вывезти из нее все, что возможно!) на кухне шла Большая Мужская Пьянка.

Две бутылки из-под водки были уже пустыми, одна наполовину опорожненная и две целехонькие ждали своей очереди...

— Чего им не хватало?! Чего?! — негромко и отчаянно восклицал Вася. — Вламывали мы, как папы Карлы!.. От полтинника до столтника каждый день в дом волокли! По пятьдесят колес за смену. Причем, заметь, Арончик, мы же были связаны двойными родственными узами...

— Чем?

— «Узами». Ну, связями!..

— Как это?

— Объясняю. Клавка была тебе кто? Жена?

— Жена.

— А мне сестра. Твоя Ривка была мне кто?

— Жена...

— А тебе сестра! Двойная повязка!!! Мало того!.. Ривка хочет за бугор — нет вопросов! Клавочка хочет оставаться здесь, — да бога ради! Все! Все для них!.. И на тебе! За что?! Почему?!

— Ну, бляди они, Вася! Бляди! А волка сколько ни корми... Ты, кстати, закусывай. Дай-ка, я тебе хлебца намажу...

— погоди! Давай выпьем. Мы с тобой лагеря прошли... На одних нарах, из одной миски баланду хлебали... Не обижайся, Арон, но твоя сестра Ривка оказалась курвой. Не обижайся...

— И ты, Василий, не обижайся. Я тебя жутко уважаю!.. Я за тебя в зоне мазу держал и на воле никогда не брошу. Но твоя сестра Клава тоже порядочная сука! Извини.

— А я тебя, знаешь, как уважаю?! Но с сегодняшнего дня у меня нет жены Ривки и сестры Клавки! Я от них отрекаюсь!!! У меня есть только ты, Арончик, и больше мне ни хера не нужно!..

— Дай я тебя поцелую, — прослезился Арон. — Век свободы не видать! И у меня теперь нету никого — только ты, бесценный мой друг Вася, и забил я болт на все на свете!.. Пьем стоя!

Оба с трудом поднялись из-за стола, выпили и немножко поплакали друг у друга на плече.

— Все! — сказал Вася. — Все!.. Жизнь продолжается! Надо смотреть в завтрашний день!

— Правильно! — закричал Арон. — Завтра же я приведу пару отличных профурсеток, и мы с тобой такое устроим!..

— Я имею в виду глобальный момент нашего существования.

— Давай выпьем, — Арон открыл четвертую бутылку.

— Наливай. Хорош!.. — Вася поднял стопку. — Теперь, Арон, когда тебя здесь больше ничего не удерживает, ты должен ехать со мной!

— Поехали, — с готовностью согласился Арон. — Шлепнем еще по стопарю и — поехали! Только переодеться надо...

— Ты не понял меня, Арон. Мы должны вместе уехать в Израиль.

Арон выпил водку, неторопливо закусил и тяжело посмотрел на Василия:

— Мне сорок семь, Вася...

— А мне сорок четыре! — прокричал Вася. — Я что?

— Мне сорок семь, — упрямо повторил Арон. — Но начинать все сначала без языка, без крыши, без денег...

— Язык — дело наживное. Квартирой и небольшими деньгами обеспечивают всех эмигрантов.

— Да на кой мне хрен эти эмигрантские подачки?! Я всю жизнь вот этими руками!.. И никому никогда обязан не был!

— Не ори. Мы с тобой оформим «статус беженцев»...

— Это еще что за хреновина?

— Ну, вроде мы пострадали от Советской власти. В тюрьме сидели...

— Васька! У тебя совесть есть?! Ты вспомни, за что сидели. Я рыло трем дуракам начистил, ты — в своем магазине стройматериалов крутил как хотел. Какие мы «беженцы»? Чего ты мелешь, страдалец?!

— Я все понял. Ты хочешь дожидаться еврейского погрома!

— Еще посмотрим кто кого, — и Арон завязал узлом вилку.

— Тогда чего же? Гражданской войны? Так она уже идет! В Армении, в Азербайджане! Узбеки турков режут, туркмены русских, киргизы узбеков!.. Завтра президенты наших республик не поделят кусок пирога, и мы будем втянуты в кровавую мясорубку! Тебе обязательно находиться в гуще ИХ событий, идиот?! А может быть, тебе нужен новый Афганистан?!

— Что ты! Что ты?! Васька! Опомнись! — испугался Арон.

— Сегодня страна дает тебе шанс сделать ей ручкой и свалить. А завтра она перекроет границы и объявит, что во всем виноваты евреи, интеллигенты и частные предприниматели... Как же можно не использовать этот шанс? Даже без политики — просто так, из любопытства... Ты же дальше Сестрорецка в своей жизни ничего не видел!

— Почему? — обиделся Арон. — Я в семьдесят девятом был в Кисловодске. Мне от завода путевку давали...

— Тьфу ты, дубина стоеросовая! — сплюнул Василий. — Наливай,

Арон Моисеевич Иванов! Наливай, наливай! Я про тебя все понял! Ты просто хочешь бросить меня!

— Я?! Я его хочу бросить! Это ты хочешь бросить меня здесь одного!!! Тебе, видишь ли, ехать присралось, а ты подумал, на что там жить?! Если бы прибыть туда сразу же упакованным, с бабками, я еще подумал бы! А ехать с протянутой рукой — хрен тебе в задницу, чтоб штаны не падали! Я себя не в дровах нашел!..

— Слава те, Господи! Раскололся!.. Приехать туда в порядке — есть сто тысяч способов!.. — обрадовался Василий.

— Знаю я эти способы, уголовная твоя морда! Здесь достать валютку и сесть по восемьдесят восьмой статье? Или на все наши трудовые бабки закупить бриллианты, а потом перед таможенной запихивать их себе в жопу? Авось не заглянут! Да я лучше в сортире от стыда повешусь! Я же мужик, едрена вошь!..

— Люди везут иконы, произведения искусств, — уже робко предложил Василий. — Мне говорили...

— Нассы и забудь! Это все контрабанда! А я уже свое отсидел и больше сидеть не собираюсь. И тебе не дам сесть! Хватит!

— А если я найду совершенно законный и легальный способ прибыть туда уже состоятельными людьми — поедешь со мной?

— Если без уголовщины, и если верняк — еду! Если нет — следите за рукой! — и Арон, ударив левой ладонью о локтевой сгиб правой руки, показал Василию здоровенный кулак. — Ну, чего смотришь? Наливай, Вася Рабинович!.. Наливай!

Как уберечь себя от соблазнов

И опять дырявые камеры, рваные покрышки, погнутые диски... Опять грязь, пот, изнурительная работа, работа, работа... Через окно шиноремонтной мастерской видны автомобили клиентов.

Подкатила черная «девятка» в спойлерах, наклейках, нашлепках, примочках... На лобовом стекле — розовая голозадая куколка.

Вышел из машины джинсовый малый. Рубашка расстегнута до пупа, рукава закатаны. На шее толстая золотая цепь, на левой руке «Роллекс», на правой — золотой браслет. Массивные кольца на пальцах. Вынул пачку «Данхилла», щелкнул зажигалкой...

— Вовка-мажор приехал... Я на минутку... — вдруг засуетился Вася и

сбросил рукавицы.

— Учти, Васька! — строго сказал Арон. — Если ты с этим подонком провернешь хоть какой-нибудь гешефт, я вам обоим уши оборву! Не хватает нам еще с жульем дело иметь!.. Мало нам было двух лет...

— Пуганая ворона куста боится!..

— Васька!.. — угрожающе проговорил Арон, но Вася уже выскочил из мастерской и кликнул Вовке-мажору:

— Привет, Вовик!

— «Рабинович»! Васька!.. — Вовка заржал. — Люди от таких кликух, как черт от ладана, а он сам голову в петлю! Отваливаете?

— Отваливаем, Вовик.

— Я так и подумал. Поэтому и приехал... Капуста зеленая нужна?

— Почему?

— А то ты цен не знаешь! Двадцатник — доллар.

Василий покосился на окно мастерской. Оттуда на него в упор глядел Арон...

— Да нет, Вовик, этого добра у нас, как грязи.

— Ну, крутизна!.. — Леха нервно закурил. — Могу взять по пятнашке!

— Лежит — пусть лежит. Есть не просит.

Вовик метнулся к багажнику, поднял его, сунул Рабиновича нос внутрь. Перед глазами Василия предстала выставка икон.

— Там, за бугром, бешеные бабки!.. — жарко шептал Вовик.

— Сколько вот эта?

— Семь тонн — как отдать!

— А вот эта, плохонькая?

— Ну, козел!.. «Плохонькая»! Да это пятнадцатый век, фрайер! Двадцать штук и ни цента меньше! Чем старше — тем дороже... Ретруха в чистом виде!

Василий украдкой оглянулся и увидел, что Арон через окно мастерской показывает ему свой огромный кулак.

— Старик, нам эта шелупонь, честно говоря, до фени, — небрежно проговорил Вася и захлопнул багажник «девятки».

— Мы, старичок, настолько серьезно упакованы, что иметь дело с мелочами просто нет смысла.

Но Вовик не мог уехать просто так:

— Есть каналы переправки в обход таможни. За бабки, конечно.

Тут Василий увидел, что на пороге мастерской, занимая собой весь дверной проем, уже стоит грозный Арон.

Вася покровительственно похлопал грязной рукой Вовика по

джинсовому плечу:

— На этот счет, Вовик, у нас никакой головной боли, — увидел у заднего стекла яркий иностранный журнал и спросил:

— Порнуха?

— Да нет. Так... Для понта, — Вовик совсем скис.

— Дай-ка его сюда, — сказал Вася. — Посмотрим на сон грядущий, что нас ждет в ихней изящной жизни.

Вовик отдал ему журнал.

— Заглядывай, Вовик, — и, помахивая журналом, Вася пошел навстречу Арону: — За работу, Арон Моисеевич! За работу, товарищ Иванов!..

Как доехать до Израиля?

Ехали с работы домой. Арон сидел за рулем, Вася — рядом. Разглядывал заграничный журнал Вовика-мажора.

Арон раздраженно говорил:

«Ты видел, как у него тачка замарафечена? В каком он сам прикиде? Капусты у него не меряно! Валютой фарцует, иконами! И на свободе! Что это, по-твоему?!»

— Думаешь, «стучит»? — Вася лениво перелистнул страницу.

— А ты как думал?! Хорошо, если только в ментовку... А если куда подальше? А ты с ним «ля-ля-тополя»...

— Арончик! Он нам может только соли на хвост насыпать.

— Не насыплет! Так, что ты потом свой хвост будешь лет пять в зоне зализывать!.. Чтоб я тебя больше ни с одним таким марамоем вместе не видел! Если ты, конечно, хочешь жить ТАМ на свободе, а не ЗДЕСЬ в лагере.

Но Вася уже ничего не слышал — сумасшедшими глазами он вглядывался в одну из страниц заграничного журнала, затем посмотрел на Арона и хрипло закричал:

— Стой!!! Стой, тебе говорят!..

От неожиданности Арон затормозил так, что задние машины чуть не влипли в его старый «Москвич». Раздался многократный визг тормозов, возмущенные гудки, ругань водителей...

— Ты, что?.. Ты, что, Васька?! — испугался Арон.

— Разворачивайся!.. И к ОВИРу!.. — Василий бросил взгляд на

часы. — Полчаса до закрытия!.. Гони к ОВИРу!!! Или я этой ночи не переживу!..

— К какому ОВИРу? — Арон был ошеломлен.

— К любимому, дубина! К городскому, к районному!.. Разворачивайся, мать твою за ногу, кому говорят!!!

Арон круто развернул машину и помчал по городу так, словно хотел выиграть первый приз всемирного ралли «Париж-Дакар»...

Спустя несколько минут они продирались сквозь чудовищную толпу, осаждавшую двери ОВИРа. Василий тащил Арона за руку и нахально приговаривал:

— Не волнуйтесь, товарищи! Всех вызовем, все уедете!..

...Еще через минуту они стояли в кабинете усталой молодой женщины, стол которой был завален анкетами, фотографиями, справками и заграничными паспортами.

— Боюсь, что я вас не очень понимаю, — говорила женщина.

— Значит, еще раз... — светски улыбался ей Вася. — Предположим, нам разрешили выезд в Израиль...

— Предположим.

— На каком виде транспорта мы сможем туда уехать?

— Боже мой! Ну, на каком транспорте уезжают в Израиль? На самолете... на пароходе... На поезде, наверное... В конце концов, на своей автомашине! В этом случае надо платить пошлину...

— А на яхте? — спросил Вася. — На собственной яхте?

Арон покачнулся. Сотрудница ОВИРа уставилась на Васю.

— Минутку... — сказала она, набрала короткий телефонный номер и стала что-то тихо говорить в трубку, поглядывая на Арона и Васю.

— Чокнулся?! Я плавать не умею! — шепнул Арон.

— Заткнись, кретин!.. — прошипел Вася, улыбаясь женщине.

Сотрудница повесила трубку и сказала:

— Пожалуйста. Можете и на яхте...

Ночью, на кухонном столе холостяцкой квартиры Арона и Васи лежал раскрытый журнал, полученный от Вовика-мажора.

На левой странице четыре фото роскошных современных яхт. Около каждой — год постройки и цена в долларах.

Вот яхта, созданная в 1987 году. Стоимость 300.000 долларов.

Вот яхта 1988 года... 450.000 долларов.

Яхта 1989 года. Уже 600.000 долларов!

А вот и последнее чудо двадцатого века — яхта постройки 1990 года. Цена — 750.000 долларов!..

Правую же страницу журнала занимает большая фотография только одной яхты — старой, деревянной, год постройки 1937, стоимостью...

Тут издатели не отказали себе в наслаждении произвести максимальный эффект и огромными цифрами напечатали: «12.000.000 долларов!!!»

Над раскрытым журналом, над вспоротой консервной банкой, над колбаской — два десять, над кусками белого и черного хлеба, над одной пустой водочной бутылкой и второй, уже наполовину выпитой, хрипло гремела не очень трезвая, забытая довоенная песня:

«По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там...
По-о-о морям, морям, морям, моря-а-ам!
Нынче зде-е-сь, а завтра там!..»

— Васька! Ты — гений!.. Ты — коммерческий гений!.. Ты — человек будущего! Дай я тебя поцелую!.. — заорал Арон, прервав песню. — Нет! Дай я тебя поцелую!..

Он сгреб Василия за шиворот, приподнял над столом и звучно поцеловал. Василий вытерся и восторженно прокричал:

— Ну, ты понял?! Понял?! Мы здесь покупаем старую развалюху в любом яхтклубе, реставрируем ее и своим ходом... «По морям, по волнам... Нынче здесь, завтра там...» А там мы ее втюхиваем вот за эти бабки!.. Василий постучал кулаком по странице с фотографией старой яхты. — И...

— И открываем шиномонтажную мастерскую! — крикнул Арон.

Василий выпил, с сожалением посмотрел на Арона:

— Арончик... Старого еврея-портного спросили, не хотел бы он стать царем. «Почему нет? — сказал портной. — С удовольствием. Я еще буду прирабатывать шитьем...» Какая шиномонтажная мастерская?! Жлоб с деревянной мордой! Если у нас будет двенадцать миллионов долларов!.. Да мы с тобой!.. Да мы...

Тут даже Василий не смог представить себе, что они сделают с этим Аронем на эти миллионы, и поэтому закончил просто, доходчиво и строго:

— Наливай, Арон. Но с завтрашнего дня!..

Как находят друга

У закрытой шиноремонтной мастерской стояли несколько легковых автомобилей, а их владельцы молча и горестно читали объявление на дверях: «Мастерская закрыта по техническим причинам».

...Вася Рабинович и Арон Иванов медленно ехали на своем «Москвиче» вдоль нескончаемого металлического ограждения, за которым видны были десятки яхт и шверботов...

— Ты знаешь, я никогда не видел настоящего моря, — негромко сказал Арон.

— Я тоже, — признался Вася.

— Помню, Ривка была маленькая, и я повез ее кататься по Неве на речном трамвайчике. Так она, малявка, ничего! А я блевал всю дорогу...

— Клавка, сучка, уже в четвертом классе имела второй разряд по плаванию, а я до сих пор воды боюсь до истерики...

Вася обреченно махнул рукой и выругался: — Да, где же у них проходная, мать их за ногу?!

И тут за углом обнаружилась проходная. Арон затормозил.

У проходной на ступеньках сидел тощий небритый мужик лет шестидесяти пяти и ловко вязал на спицах. Он вслух считал петли, изредка сверяя с журналом «Работница», лежавшем на табурете.

На голове у него была старая капитанская фуражка, из-под ватника проглядывал «тельник», латанные-перелатанные джинсы — заправлены в подшитые валенки. На носу — роскошные сверхмадные золотые очки.

— Тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь... — старик довязал ряд и поднял глаза на Васю и Арона: — Здорово, ребятки. Чем порадуете?

— Хотели тут разузнать кой-чего... — проямлил Арон.

— Яхточку прикупить, что ли?

— Что-то вроде этого, — удивился Василий.

— Кооператив? Совместное предприятие?

— Почему именно «кооператив»? — не понял Арон.

— А у кого теперь такие деньги могут быть? Яхточки-то ведь кусаются, — усмехнулся старик.

— Нет, — сказал Вася. — Мы сами по себе...

— Значит отъезжанты, — уверенно сказал старик. — Так сказать, представители новой и самой мощной волны эмиграции!

Арон и Вася тревожно переглянулись. Старик рассмеялся.

— Нам бы с кем-нибудь из начальства поговорить. Можно пройти? —

спросил Вася.

— Конечно, можно! — воскликнул старик и начал вязать следующий ряд. — Ничего у нас тут секретного нет! Правда, и начальства нет. Как они говорят, все «уехавши» в спорткомитет. Может, я смогу чем-нибудь вам помочь?

Арон раздраженно отвернулся. Вася вежливо спросил:

— А вы, извиняюсь, кто будете?

— А я, извиняюсь, буду самым главным человеком в Российской империи, ребятаки! Я — сторож. И пока Россия — родина заборов, запретов и запрещений, не упразднит всю свою чудовищную систему контрольно-пропускных пунктов, проходных с пенсионерами ВОХРа и не устранил прописку по месту жительства, я — сторож, есть и буду самой всесильной фигурой «от Москвы до самых до окраин, с Южных гор до Северных морей...» Вот так-то, ребятаки!

— А президент уже не в счет? — ехидно спросил Арон.

— Конечно! — убежденно заявил сторож. — Президент в нашей стране — это же седло на корове! Искусственное образование, порожденное отчаянной тоской по хозяину с плеткой. А мы, сторожа, — явление естественное, органическое, уходящее в глубь истории государства Российского! Мы и родом древнее, и решения принимаем куда более самостоятельные, чем ваш президент!..

— Арон! Нам, кажется, жутко повезло... — и Вася первым протянул сторожу руку: — Рабинович Василий. А это мой друг Арон Иванов.

— Муравич Марксен Иванович, — представился сторож.

Спустя день они втроем стояли на территории заброшенной военно-спортивной базы, где все было в таком запустении, словно сюда уже сто лет не ступала нога человека.

Перед глазами обескураженных Арона и Васи из земли наполовину торчало какое-то огромное полусгнившее деревянное судно, сквозь которое прорастали пыльные травы и чахлый кустарник.

— Яхта когда-то была превосходной! — говорил Марксен Иванович. — Название — «Опричник», длина — семнадцать метров, ширина — три и одна десятая, осадка — метр девяносто, водоизмещение — двенадцать тонн. Построена в тридцать седьмом году. Я на ней еще до войны юнгой плавал. После демобилизации, в пятьдесят шестом — капитаном, в Бремерхаффене, в Глазго... Она весь мир обошла. Помню, в Амстердаме...

— Погоди, Марксен Иванович, — прервал его Арон, — но ведь это уже не яхта... Это уже дрова!

— Дрова. Но, во-первых, это дрова натурального красного дерева, а во-вторых, это дрова — пока за них не возьмутся реставраторы, — твердо проговорил Муравич. — Вам сейчас самое главное — попытаться приобрести эту штуку.

Как хорошо, что все хорошо

Еще через некоторое время «Москвич» Арона стоял на территории этой базы возле полуразвалившегося щитового барака, на дверях которого было написано: «Дирекция».

В небольшом кабинетике Вася передавал директору бумажку с печатями:

— Вот банковское поручение на пять тысяч рублей на ваш расчетный счет. Все совершенно официально...

— И правильно! — с чувством сказал кругленький директор базы. — Только официально! Упаси нас Бог!.. А я вам совершенно официальный актик... Прошу внимания!

Директор показал Василию и Арону большой лист, тоже с печатями и штампами:

— Читаем... Чтобы потом никаких неясностей! Закон — есть закон! «Настоящий акт составлен в том, что яхта класса эЛ — сто, „Опричник“, инвентарный номер такой-то... введенная в эксплуатацию в одна тысяча девятьсот тридцать седьмом году, корпус деревянный, подлежащая списанию, продана по остаточной стоимости пять тысяч рублей с судовым имуществом...»

— А где имущество-то? — недобро спросил Арон.

Директор укоризненно посмотрел на Арона:

— Это такая форма... Положено писать «с судовым имуществом» — мы и пишем «с судовым имуществом» согласно описи, в совместное владение гражданам Рабиновичу Василию Петровичу (директор пожал руку Васе) и Иванову Арону Моисеевичу (директор пожал руку Арону) на основании постановления Президиума Ленинградского областного совета профсоюзов за номером таким-то от такого-то и такого-то... Сверху круглая печать... Видите? Внизу штамп: «Государственная инспекция по маломерным судам... Погашено, бортовой номер такой-то, подпись, дата...» Распишитесь в приеме!

Вася и Арон расписались. Директор положил руку на все три

экземпляра и с выжидательной улыбкой посмотрел на Арона и Васю.

Возникла неловкая пауза.

— Арон Моисеевич... — негромко сказал Вася.

— Чего? — спросил Арон.

— «Чего, чего!..»

— А-а-а... — Арон, наконец, понял и вытащил из пиджака десять сторублевок. Пересчитал и пододвинул их к директору.

Директор тут же очень ловко сгреб тысячу рублей и протянул Васе и Арону один экземпляр акта:

— Владейте! Катайтесь! Путешествуйте! Очень за вас рад!

— А за себя? — спросил Арон.

— И за себя я тоже очень рад! — мило и благодушно ответил директор. — Я, Арон Моисеевич, всегда очень радуюсь, когда могу хоть чем-нибудь помочь Родине, людям... Вот такой я человек.

Белой ночью по улицам спящего, пустынного Ленинграда, в объезд разведенных, вздыбленных к небу мостов, двигалась удивительная процессия:

Впереди шел милицейский мотоцикл с проблесковыми мигалками.

За ним — КРАЗ-тягач с длинным трейлером, на котором в кильблоках были установлены останки «Опричника»...

За трейлером ехал сорокатонный передвижной подъемный кран.

За краном неторопливо трюхал «Москвич» Арона.

Замыкал процессию второй мигающий мотоцикл...

В «Москвиче» Арон рассказывал Марксену Ивановичу:

— ...а в ГАИ полковник говорит: «Кто вам позволит вашу сраную яхту через весь город транспортировать?! Тут, кричит, надо особый маршрут движения прокладывать! Особые средства перевозки изыскивать! Пусть исполком назначит специальную комиссию, и если будет их решение, может, и мы разрешим... А может быть, и нет. Хотите — жалуйтесь. Сейчас, говорит, все жалуются. Доигрались, говорит, мать-перемать, в перестройку!»

Медленно двигалась процессия. Дивным силуэтом впечатывалась старая яхта в белесо-голубоватое небо ночного Ленинграда...

Водитель КРАЗа говорил сидящему в его кабине Василию:

— Ты к народу приди, к простым людям! Скажи: «Витек, помоги. Витек, надо!» Да что же мы — звери?! Неужто не поможем. Ты меня уважил, я тебя уважу. Они думают, я на одной зарплате сидеть буду!.. Ага, раскрывайте рот пошире! У меня все схвачено — и кран, и эти макаки на точилах, — он показал на милицейские мотоциклы. — Уж года три со мной

работают. Все хотят жить, Петрович. Все!

Милиционеры-мотоциклисты на ходу переговаривались по рации:

— А этот здоровенный — еврей, вроде, ничего мужик...

— А я тебе еще когда говорил, что среди жидов есть вполне приличные ребята. Помню, у нас в деревне со мной в одном классе учился еврейчик Сашка...

— Еврейчик — в деревне? — удивился второй милиционер.

— А он к нам с родителями был высланный.

— За что?

— А пес его знает... За политику, кажись. Так уж на что мы этого Сашку обзывали всяко, лупили, — а он даже не обижался. Только поплачет и все. Арифметику всегда давал списывать...

В кабине движущегося автокрана работал транзистор:

— «Говорит радио „Свобода“!» — вещал приемник пожилому водителю автокрана. — «Процессы преобразований в Советском Союзе просто невероятны! Сегодня, впервые в истории наших непростых взаимоотношений, мы хотим предложить радиослушателям интервью радио „Свобода“ с Президентом Советского Союза. Ведет передачу Лев Ройтман. „Уважаемый господин Президент...“»

— Во, бляха-муха, дают ребята!.. — сказал водитель крана.

Под утро «Опричник» уже стоял в кильблоках на задворках яхт-клуба. КРАЗ и автокран с мотоциклистами уехали, и усталые и издерганные Марксен Иванович, Арон и Василий сидели в «Москвиче» с распахнутыми дверцами.

Арон вытащил две десятирублевые бумажки и сказал:

— Все. Приехали.

— То есть, как «приехали»?.. — упавшим голосом спросил Вася.

— Пять штук — эта развалина, штука директору. Триста — трейлер, двести — автокран. Стольник — милиции. И — привет! Бабки кончились.

— Кошмар!.. — простонал Вася.

Марксен Иванович почесал в затылке:

— Вообще-то послезавтра у меня пенсия...

— Господи!.. — закричал Вася. — Нужна нам ваша пенсия!.. Что мы безрукие, что ли? Сколько возьмут реставраторы?

Марксен Иванович посмотрел на яхту и сказал:

— С нашими матерьялами? Думаю, тысяч двадцать.

На шиномонтажной висел новенький прейскурант:

1. Разбортовка колеса — 1 р. 50 коп.
2. Заклейка камеры — 1 р. 50 коп.
3. Забортовка колеса — 1 р. 50 коп.
4. Балансировка 1 р. 50 коп.

Огромная очередь автострадальцев со спущенными колесами, дырявыми камерами, искалеченными дисками...

Снова грязные, задыхающиеся Арон и Вася работают быстро, слаженно. Вася принимает колесо через окно, отдает Арону, тот закрепляет его на станке, берет в руки лом...

Готовое колесо Вася снимает с балансировки, передает в окно заказчику, не забывая перекинуться с ним парой слов:

— Пожалуйста!.. Ваших десять... С вас — шесть. Четыре сдачи. И вам спасибо!.. А вот и ваше колесико... Вы, кажется, в опытных мастерских трудитесь? Даже при НИИ? Замечательно! Нет ли у вас там латунных винтов пятидесяточки? Что вы говорите?! А нельзя ли... Немного. Килограмм пятнадцать. А мы вам в любой момент, без всякой очереди...

Медленно, со скрежетом проворачивается колесо на шиномонтажном станке, быстро крутится на балансировочном...

Из репродукторов ария Мефистофеля: «Люди гибнут за металл! Люди гибнут за металл!.. Сатана там правит бал! Там пра-а-авит бал!...»

Вечером Арон вопил на кухне:

— А я жрать хочу! И выпить! Я двенадцать часов ломом ворочал!.. Имею право!

— Нет! Не имеешь никакого права! Экономика должна быть экономной!.. — кричал Василий. — Сейчас каждая копейка...

— Я как Жучка намудохался! Мне мясо нужно!..

— Обойдешься! Жри макароны сейчас же! Я специально для тебя чуть не ведро отварил! С маслом... Очень полезно!

— Я не могу каждый день жрать макароны!!! Я видеть их уже не могу! Дай червонец — пойду в забегаловку, хоть котлетку схаваю...

— Я тебе давал вчера пять рублей? Где они?

— Бензин купил, е-мое! «Москвич» без бензина не ходит!.. А ты меня гоняешь по всему городу! Дай червонец немедленно!

— Через мой труп! Ты предаешь идею!

— А ты предаешь меня!.. Личность человека важнее любой идеи.

Вася даже рот открыл от философской сентенции Арона:
— Батюшки... Где это ты нахватался?
— Что ж, я пальцем деланный? — обиделся Арон.
— Ну, хорошо, я тебе дам немножко колбасы. Я ее, правда, берег на выходной, но...
— А выпить?
— Ну, наглый, как танк! Где я тебе выпить возьму?!
— У тебя есть заначка.
— Нету.
— Есть!
— Нету!!!
— Васька!!!
— Что «Васька»? Что «Васька»?! Решили же экономить!..
Потом сидели в одних майках и пижамных брюках пьяненькие, допивали большую бутылку и не очень стройно пели хором:

По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там...

На «Опричнике» работала бригада реставраторов. Были сняты куски сгнившей обшивки, и сквозь огромные дыры зияли шпангоуты.
Подкатил «Москвич» Арона и Васи. Арон достал из багажника тяжелый ящик. Вася крикнул:
— Федор Николаевич!
— Тута я, тута!.. — из дыры высунулся пожилой человек в очках и комбинезоне: — Привезли винты?
— А как же! Что еще требуется?
Федор Николаевич уселся поудобнее, свесил ноги наружу:
— Тама много чего надо. Я списочек составил, отдал его Марксену Ивановичу. Он приболевши, просил заехать к нему...
— А что с ним?
— Дык, кто его знает... У его главная болезнь — одиночество. Отсюда и все хвори.

Как нужно быть сентиментальным

Сидели у Марксена Ивановича — пили чай с тортиком.

Старческая нищета квартиры была закамуфлирована спортивными облезлыми кубками, выцветшими вымпелами, выгоревшими грамотами и дипломами, моделями парусников. На замызганных стенах множество фотографий — Марксен Иванович в шортах на фоне каких-то минаретов... В спасательном жилете у штурвала... Со здоровенной меч-рыбой... В плавках и ожерелье из неведомых тропических цветов...

Только на одном фото совсем молоденький Марксен Иванович был в зимней шапке с военно-морским «крабом», в унтах и в кителечке с погонами, орденами и медалями. И стоял он на борту торпедного катера, облокотившись на турель скорострельной пушечки. А так, все остальные фотографии были сугубо гражданско-спортивными...

Закутанный в старенький плед, Марксен Иванович сидел в глубоком ободранном вольтеровском кресле и вязал. Арон подливал ему горячий чай, Вася подкладывал торт. А Марксен Иванович грустно говорил:

— ...в шестидесятом прибыли в Неаполь на Олимпийские... А мой рулевой Петька Гринберг, год как университет окончил, все на работу из-за пятого пункта не мог устроиться, — мне и говорит в Неаполе: прости, Марксен, другого шанса у меня не будет. Давай вместе!.. Нет, говорю, Петюня, не могу. А ты иди. А Петька говорит, ты хоть понимаешь, что они с тобой сделают, если я уйду?! А то я не понимаю!.. Иди, говорю, Петька, дай Бог тебе счастья!.. Подождал сутки, докладываю руководству сборной, так и так, — рулевой Гринберг Петр Иосифович на борт яхты не вернулся... Мне на всю жизнь кислород и перекрыли. Сняли звание «мастера спорта», закрыли визу, отобрали яхту, море... Самое страшное, что они у меня море отняли.

По щеке Марксена Ивановича поползла слеза. Арон подозрительно зашмыгал носом. Вася нервно стучал пальцами по столу.

— А тут месяца два назад получаю письмо и приглашение из Тель-Авива от господина Пинхуса Гринберга. В гости — на восемь недель... Не забыл... Тридцать лет прошло, а он помнит. Такой хороший паренек был... И рулевой Божьей милостью!

Марксен Иванович вытащил из книжного стеллажа большой конверт с красивыми марками. Вася осмотрел конверт и приглашение и показал Арону.

— Надо ехать. Сейчас с этим гораздо проще. Тем более — по частному вызову...

— Дорого, — печально сказал Марксен Иванович. — Для меня это слишком дорого. Паспорт — двести, билеты — туда и обратно полторы

тысячи, обмен валюты — две тысячи...

— Мы дадим вам! — быстро сказал Арон. — Да, Васька? Поднатужимся и заработаем... Ну, так не сорок колес в день будем делать, а пятьдесят!.. Заработаем!

— Спасибо, Арон. Я не смогу принять от вас эти деньги, потому что никогда не смогу отдать вам их, ибо существую от зарплаты до пенсии и от пенсии до зарплаты.

— Да наплевать нам на эти деньги, Марксен Иванович! — вскочил Арон.

— Мне — не наплевать, — жестко сказал Муравич.

— Стоп! Стоп, стоп, мужики! — закричал Вася. — Кончайте состязаться в благородстве! Прямо опера какая-то!.. Как говорят в Одессе — «Слушайте сюда»! Раскладка такая: Марксен Иванович оформляет в ОВИРе только паспорт! Никаких билетов, никаких денег на обмен валюты! И берет на себя командование яхтой по маршруту Советский Союз — Израиль. И мы втроем плывем «по морям, по волнам...» В Израиле, пока Марксен Иванович гостит у своего друга, мы толкаем нашу яхту, получаем наши миллионы и покупаем обратный билет для Марксена Ивановича в Ленинград. Из этих же денег мы оплачиваем капитану Муравичу суточные за все время плавания в свободноконвертируемой валюте. Тогда капитан Муравич сможет перестать вязать свою дурацкую жилетку, а пойдет в самый дорогой магазин Тель-Авива и купит себе самый лучший свитер! И новые джинсы! Но такие, чтобы все пижоны с Невского сдохли бы от зависти! И еще у него останется на чай с тортиком! Ну, как?

Арон в восторге всплеснул руками, влюбленно уставился на Васю и закричал:

— Ну, Васька!.. Ну, сукин сын!.. Я тебе все прощаю, даже твои вонючие макароны! Он гений, да, Марксен Иванович?! — Муравич чуть подумал, почесал в затылке и сказал:

— Забавно... Чудовищная авантюра, но забавно.

Как важен бартер в наши дни

В очереди у шиномонтажной мастерской бурлила клиентура:

— Как это не берут деньги?! Совсем не берут?

— Берут, но неохотно...

— И так цены повысили! Что же им надо?

— Консервы. Любые.

— А «частик в томате» можно?

— Можно. Но лучше — «тушенка». Китайская.

Как и во всякой советской очереди, находится общественник:

— Товарищи! Товарищи!.. Военные и торговые моряки, сотрудники Балтийского морского пароходства и картографического управления ВэМээФ вне очереди! Распоряжение Василия Петровича!..

В шиномонтажной мастерской грязный, мокрый Арон орудует ломом у станка. В углу сложены штабеля консервов. Там же немолодой капитан первого ранга передает Васе красивые морские карты.

— Значит, с меня за перемонтаж пяти колес — тридцать рублей. Правильно?

— Совершенно точно! — по-военному отвечает Вася.

— Вот на эту сумму, как и договаривались, десять листов пятикилометровых карт от Одессы до Хайфы. Тут Черное море, Босфор, Мраморное, Дарданеллы, Эгейское море и Средиземное... Со всеми обозначениями — глубины, районы стрельб, районы работы подводных лодок и надводных кораблей нашего и американского флотов, курсы самолетов, течения, магнитные склонения...

— Потрясающе! — сказал Вася.

— Есть у меня еще лоции Черного и Средиземного морей, но это будет стоить гораздо дороже. Меньше чем за новое «жигулевское» колесо отдать не смогу.

— Конечно, конечно, товарищ капитан первого ранга!.. Подумаем, позвоним... А вот, что это за обозначения на каждой карте «ДСП» и «СС»?

Каперанг снисходительно улыбнулся:

— Ну, это же очень просто... «ДСП» — это «Для служебного пользования», а «СС» — «Совершенно секретно».

Как проходит верховный совет ночных сторожей

«Опричник» был уже весь зашкурен и часть дыр светилась свежими вставками.

Неподалеку, на складном стульчике сидел Муравич, и вязал свою нескончаемую жилетку и вел урок метеорологии. Перед ним, на бревнышке расположились Арон и Вася и хором декламировали:

— «Ходят чайки по песку — моряку сулят тоску. И пока не сядут в

воду, штормовую жди погоду...»

— Правильно, — говорил Муравич. — Дальше...

— «Если тучи грозятся в виде башен или скал, скоро ливни разразятся, налетит жестокий шквал...»

— Молодцы! Теперь только один Арон. «Барашки по небу бегут», Марксен Иванович выжидательно посмотрел на Арона.

— «...иль небо метлами метут, когда рангоут твой высок, оставь лишь марсели и фок!» — торжествующе закончил Арон.

— Умница! — сказал Муравич. — Василий, внимательно! «Если стрелка вдруг упала...»

— «Жди грозы, дождя иль шквала. Если ж стрелка поднимается».

Вася на мгновение задумался. Арон не выдержал:

— «То погода улучшается!!!»

— Тебя просили?! — возмутился Вася. — Я сам не знаю, да?! Засранец!

— А чего ты тянешь? Бе-бе-бе, бе-бе-бе... Еле языком ворочает, мудила!.. — огрызнулся Арон.

— Ребятки, ребятки, не ссорьтесь! А ты, Арон, не подсказывай, Вася сам знает, — вмешался Муравич.

— Марксен Иванович! А, Марксен Иванович!.. — закричал Федор Николаевич с яхты. — Красного дерева и еловой доски не хватает. Нужно бы штук по двадцать, и того, и другого. Только упаси боже от сучков!..

— Хорошо!.. — крикнул Марксен Иванович и сказал Арону и Васе. — Тэк-с... Кажется, пора трубить большой сбор. Пора вводить в действие один из самых мощных институтов государства Российского — институт ночных сторожей!

Белой северной ночью на территории клуба, у главного корпуса стояли десятка три автомобилей. Редкие потрепанные «Жигули», старинные «Москвичи» (в том числе и «Москвич» Арона) и, в основном, инвалидные «Запорожцы» и коляски-уродцы...

В кают-компании яхт-клуба за длинным столом сидели ночные сторожа Ленинграда. Возраст — за шестьдесят. Многие с орденами, медалями, костылями. Солидные, степенные люди.

Общая картина напоминала заседание Политбюро или совещание Президентского Совета. Возглавлял стол Марксен Иванович Муравич. Слева и справа от него сидели Арон и Василий.

— ...я составил список только самого необходимого, — говорил Марксен Иванович. — К сожалению, он существует в единственном экземпляре...

— Не беда, — сказал один из сторожей. — Я у себя в институт отдам на ксерокс, и ноу проблем!

— Благодарю, Николай Николаевич, — поклонился ему Муравич. — Итак: нужны полутораметровые доски красного дерева и выдержанной ели. Кто у нас по дереву?

— Найдем, — сказал второй сторож. — Мы только что получили заказ на экспортные рояли и пианино и...

— Очень хорошо, Петр Петрович! Тем более, что мы тоже идем на экспорт. Товарищи! Нужен хороший, современный дизельный движок...

— Есть такой! — сказал третий сторож. — Год у нас во дворе валяется норвежский дизель АВВ со спасательного бота, двадцать пять сил с реверсом. Я скажу нашему заму — оформит за копейки, как пропажу запасных частей. Только с него стартер и генератор уже скоммуниздили.

— А стартер к нему пойдет от «Волги», — заметил четвертый. — Это пустяки. Заезжайте, сделаем.

— Генератор от КАМАЗа к нему — в самый раз, — подхватил пятый сторож. — Это я вам устрою. И аккумуляторы.

— Превосходно! — сказал Муравич. — Якоря сорокапятикилограммовые я сам здесь нашustrю, а вот якорные цепи...

— Толщина звена и количество метров? — крикнул кто-то.

— Толщина — миллиметров одиннадцать-тринадцать, не менее ста метров.

— Нет вопроса!

— Моментик, моментик!.. — раздраженно закричал скрюченный человечек с костылем. — У меня вопросик!

Наверное, он был известен, как скандалист, потому что все тут же стали морщиться и качать головами.

— Пожалуйста, Сергей Сергеевич, — улыбнулся Муравич.

— А позвольте узнать, уважаемый Марксен Иванович, отчего это вы так хлопочете? Ваш-то какой интерес?

— Ну, Серега, склочная душа!.. Тебя помочь позвали, а ты по своей вонючей ментовской привычке... — крикнул седьмой сторож.

Но скрюченный злобно его перебил:

— Я помочь не против! Я что хошь со своей фирмы вынесу, но я хочу знать, какой его личный интерес?!

— О Боге подумай! — посоветовал кто-то.

— Тихо, друзья мои, — негромко сказал Марксен Иванович.

— Я отвечу. Арон Моисеевич и Василий Петрович — не моряки. Они даже плавать не умеют. Вряд ли вам хотелось бы, чтобы они утонули, еще

не выйдя из наших территориальных вод... Поэтому я беру на себя командование яхтой и постараюсь доставить их к новому месту жительства в целости и сохранности. Это будет мое последнее плавание в жизни...

— Значит, вы тоже покидаете нашу Родину? — не унимался Сергей Сергеевич.

— Нет. Я плыву только в гости. И прилечу обратно. Умереть я хочу дома. Я получил приглашение от своего бывшего рулевого.

— Неужели от Петьки Гринберга?! — воскликнул один сторож. — Господи! Живой?..

— Живой, Алексей Алексеевич.

— Слава богу!!!

— А вы его помните? — спросил Муравич.

— А как же, Марксен Иванович! Я же тогда от КГБ вел ваше дело!..

Арон и Вася испуганно переглянулись, но Муравич их успокоил.

— Не волнуйтесь, Алексей Алексеевич уже давно уволен из КГБ за постоянное желание докопаться до истины. А вот в качестве сторожа канатной фабрики он нам может быть очень полезен.

Посмотрел на скрюченного и спросил:

— Сергей Сергеевич! Вы удовлетворены?

— Теперь — да! — склочно ответил тот. — Давай дальше, по списку чего еще требуется?..

Как найти лекарства для простого человека

К сильно похорошевшему «Опричнику» была приставлена пятиметровая лестница. На ней стоял бригадир реставраторов — Федор Николаевич.

«Москвич» расположился у самых кильблоков, и Арон доставал из салона и багажника цепи, аккумуляторы, якоря, белоснежные веревочные бухты, банки со шпаклевкой, лаками...

Муравич передавал все это Василию, Василий — бригадиру, а тот наверх своим помощникам на борт яхты.

Марксен Иванович взялся было за внушительный якорь, но Василий тревожно крикнул:

— Оставьте якорь! Мы с Ароном потом сами поднимем!..

Но Марксен Иванович поднатужился, поднял сорокапятикилограммовый якорь и прохрипел:

— Да я таких якорей за свою жизнь столько перетаскал...

И вдруг охнул, выпустил из рук якорь и стал оседать на землю, глядя перед собой удивленными бессмысленными глазами.

В прихожей Арон провожал врача «неотложки».

— Никаких тяжестей, никакой нервотрепки, полный покой, — говорил врач. — Отлежится — встанет. Ни простуд, ни сырости. Малейшая пневмония — отек легких, и вам привет с того света.

— А лекарства? — спросил Арон.

— Он секретарь обкома? Маршал? Член ЦэКа?

— Он — сторож.

— Для нормального советского человека у нас в стране лекарств нет! Нам их даже выписывать запрещено, — раздраженно сказал врач.

— Я достану, — уверенно сказал Арон.

Врач пожал плечами и прямо в коридоре, на своем чемоданчике выписал два рецепта.

Арон неловко сунул ему двадцатипятирублевку.

— Что это? — брезгливо спросил врач.

— Четвертачок-с... — лакейски пролепетал Арон.

Врач зло запихнул двадцать пять рублей за пазуху Арону:

— Пошли вы со своим четвертачком! Вы старика берегите, раздолбаи! У него сердце — ни к черту...

Когда Арон вошел в комнату, он увидел следующее: Марксен Иванович лежал на постели и держал в руках ксерокопию какой-то маленькой книжечки. Такая же книжечка была у сидящего рядом Васи. На тумбочке, в блюдце валялись комочки ваты и остатки стеклянных ампул после уколов.

— Слива, ани ле мелабер иврит. Рак русит... — запинаясь, говорил Марксен Иванович, подглядывая в книжечку.

— Апи роце лишлоах миврак... — отвечал ему Василий.

— Вы что, чокнулись оба?! — спросил обалдевший Арон.

— Мы учим иврит, — сказал Муравич, глядя поверх очков на Арона. — А с тобой я с завтрашнего дня займусь английским. О'кей?

— О'кей, о'кей... Васька! Паси Марксена Ивановича и не давай ему дергаться. Я сметаюсь в дежурную аптеку...

— Что вы! — сказали Арону в одной аптеке. — Мы уже год, как этих лекарств не видели!..

Расхлябанный «Москвич» мчался по ночному Ленинграду... Возвращая Арону рецепты, в другой аптеке ему сказали:

— У меня мама с тяжелой стенокардией, и то я не могу ей ничем

помочь! А вы... Ну, люди!

Мечется «Москвич» Арона по притихшим улицам...

В третьей дежурной аптеке — толстая баба с продувной мордой.

— Не смешите меня. Мы уже забыли, как это выглядит.

— А когда оно было — сколько оно стоило? — спросил Арон.

— Это — двадцать шесть копеек, а это рубль семьдесят две копейки, и баба отодвинула от себя рецепты.

Арон положил на прилавок пятьдесят рублей и сказал:

— Сдачи не надо.

Секунду толстая баба смотрела в глаза Арона, потом спокойно спрятала пятьдесят рублей в лифчик и выложила из-под прилавка два пакетика...

Как Вовик-мажор с приятелями попал в неприятную историю

Арон медленно пробирался по разрытой Десятой линии Васильевского острова к дому Марксена Ивановича. Глубокие траншеи для смены канализационных труб избороздили почти всю улицу. Высились горы вынутой из траншей земли. Арон осторожно лавировал среди всего этого бедлама.

И вдруг увидел у самой большой и глубокой траншеи великолепную черную «девятку» Вовика-мажора. Она перекрывала проезд Арону. Пришлось остановиться в нескольких метрах.

Около «девятки» шла какая-то возня. Арон взгляделся и увидел плачущую Ривку, у которой текла кровь из носа. Вовик-мажор тащил ее в машину, а Ривка плакала и упиралась. С другой стороны двое приятелей Вовика втаскивали в «девятку» рыдающую Клавку в разорванном платье.

Не выключая двигатель, Арон вышел из своего «Москвича» и, не глядя на Ривку и Клавку, спросил:

— Что за разборки, Вовик?

— Арон Моисеевич!!! — захохотал Вовик. — Товарищ Иванов!.. Король шиномонтажников!.. Спокуха, ребята! Не трухайте — свои!..

Увидев Арона, Клавка и Ривка испугались еще больше... Но Арон даже не взглянул в их сторону.

— Что за разборки, Вовик? Я тебя спрашиваю...

— Да вот телки упираются, не хотят платить по счету!

— И что они вам задолжали? — спросил Арон.

- Всего лишь ночь любви, папаша, — рассмеялся один.
- А может, вы им не нравитесь, — сказал Арон.
- А в кабаке с нами сидеть им нравилось? — спросил второй.
- Тоже верно... — задумчиво произнес Арон.

И вдруг со страшной силой ударил кулаком в лицо одного приятеля Вовика и тут же — второго. Вовика он схватил за волосы и с размаху хрястнул физиономией об капот черной «девятки»...

Один из приятелей Вовика стал было подниматься, но Арон безжалостно засадил ему ногой в живот, а второму наступил на шею и сказал:

— Только шевельнитесь, сивки, я из вас таких клоунов наделаю!.. — он приподнял за волосы окровавленного Вовика-мажора и спросил: — Выпивка есть?

Вовик что-то промычал разбитым ртом и показал на заднее сиденье своей машины. Арон вытащил оттуда бутылку коньяку и большую бутылку водки.

— Открывай! — сказал он Ривке.

Та трясущимися руками откупорила обе бутылки. Арон взял коньяк и стал его насильно вливать в разбитый рот Вовика.

— Пей, сученок, пей! Чтобы ни капли не осталось!.. Зато потом, когда тебя милиция начнет напрягать, сможешь сказать, что был в жопу пьяный и ничего не помнишь...

Вовик захлебывался, глотал коньяк вместе с кровью...

Арон заставил его выпить всю бутылку. Потом он стал вливать водку в одного из приятелей Вовика. Тот попытался было встать, но Арон снова сильно ударил его в живот и влил в него половину большой бутылки «Московской».

Вторую половину бутылки он насильно скормил приятелю Вовика. Когда тот проглотил последние капли «Московской», Арон волоком втащил его в «девятку», рядом с ним погрузил бесчувственного второго приятеля, а Вовика усадил за руль, предварительно вывернув колеса «девятки» в сторону глубокой траншеи.

Затем Арон влез в свой «Москвич», завел двигатель, включил скорость и резко дал газ.

«Москвич» рванул с места, сильно ударил роскошную «девятку» в задний бампер, и та покатила прямо в траншею.

Раздался грохот падающего автомобиля, и через секунду, когда развеялась пыль, из глубокой траншеи торчал только багажник великолепной в прошлом «девятки»...

Арон вылез из «Москвича», хозяйственно осмотрел искаленную облицовку своей машины, разбитую фару...

...и только потом заглянул в траншею. И с укоризной покачал головой:

— Ну, надо же было так напиться, чтобы белой ночью в траншею влететь!.. Хорошо еще если все живы... Ах, молодежь, молодежь!..

Он поднял глаза на онемевших от ужаса Клавку и Ривку и сказал уже совершенно другим тоном:

— А вы чего, потаскухи сраные, стоите?! Марш немедленно в машину, идиотки!..

Ранним утром у кооперативного гаража Арон в рабочем комбинезоне ремонтировал свой «Москвич» — выпрямлял бампер, облицовку, ставил новую фару.

Клиентов еще не было. Василий прибирал мастерскую, переговаривался с Ароном через открытое окно:

— Где это ты так шваркнулся, Арончик?

— Где, где... Полгорода разрыто, фонари не горят...

— А мы тебя с Марксеном ждем, ждем! Старик уж засыпать начал...

— Ну и слава богу, — сказал Арон. — Васька, а Васька!.. Я чего сказать тебе хотел... Все-таки мы с тобой говнюки.

— Здравствуйте-пожалуйста! Это кто же тебе сказал?

— Это я сам себе говорю. И тебе тоже, — ответил Арон, не прерывая работу. — Со своей женой Ривкой — ты не хочешь иметь дела. И ты прав! Я Клавку вычеркнул из своей жизни... Я тоже вроде прав... Но, Вась, ведь Клавка же тебе — младшая сестра!.. А Ривка — мне младшая сестра! А мы, старшие братья, как жлобы даже в голову не берем — как они там? Чего у них?.. А они — женщины. Их любая шпана обидеть может. Вот я про что...

Василий насторожился, вышел из мастерской со шваброй в руке:

— Ты видел их?

— Еще чего! Это я так, вообще говорю...

— Ты мне не вкручивай! — в панике закричал Василий. — Что с Клавой?!..

— А я откуда знаю?! — в свою очередь заорал на него Арон. — Твоя сестра — ты и поинтересуйся! Позвони — руки не отвалятся!..

Василий бросил швабру и побежал в мастерскую. Через несколько секунд послышался его тревожный голос:

— Клава? Клабочка!.. Здравствуй, маленькая моя! Это я — Вася!..

Арон улегся под машину — стал наживлять болты бампера...

Как выяснилось, что Арон и Василий купаются в деньгах

Вечером, разложив листы морских карт на обеденном столе и придавив их по углам лощими и справочниками, Марксен Иванович Муравич любовно и трепетно прокладывал будущий маршрут «Опричника» от Одессы по Черному морю до Босфора, через Мраморное до Дарданелл, и дальше по Эгейскому и Средиземному, вплоть до самого Израиля, до его морских ворот — Хайфы...

Вася сидел на кухне, что-то подсчитывал на калькуляторе и записывал на бумаге свои выкладки.

Арон стоял за спиной Муравича, капал в мензурку валокордин, шевеля губами, про себя считал капли.

Даже то, как Марксен Иванович брал в руки карандаш, линейку или транспортир, выдавало его радостное волнение:

— Господи!.. Да разве я мог еще совсем недавно подумать, что буду снова заниматься прокладкой, готовить яхту к походу!.. Что я, черт побери, снова выйду в море?! Я-то уж думал — жизнь кончилась...

Вася услышал последнюю фразу Муравича, закричал из кухни:

— Марксен Иванович! Чтобы я этого больше не слышал! Жизнь только начинается?..

— О'кей, Вася! — радостно ответил ему Марксен Иванович и повернулся к Арону: — Арон! Внимание!.. Как будет по-английски...

— Погодите, Марксен Иванович... Я считаю... — Арон совсем приблизил мензурку и бутылочку с валокордином к свету: — Тридцать восемь... тридцать девять... сорок! Ну-ка, Марксен Иванович, хлебните... И вот эту таблеточку. Самое время.

Муравич выпил капли, проглотил таблетку и сделал два глотка воды из стакана, услужливо поданного ему Аронем. И сказал:

— Итак, Арон... «Могу ли я воспользоваться вашим причалом и купить пресную воду?»

Арон посмотрел в потолок, секунду подумал и сказал на ужасающем английском языке:

— Кян ай юз е терминал энд бай дринк уотер?

— Молодец! — похвалил его Муравич. — А «Сколько будет стоить шестичасовая стоянка и двести литров пресной воды?»

— Хау мач кост сикс ауэ стендинг энд ту хандринт литерз оф дринк уотер? — тут же сказал Арон и нахально потребовал: — Тогда и вы мне отвечайте по-английски!

— Иес, сэр! Плиз! — улыбнулся Марксен Иванович. — Сикс ауэрс стендинг кост... А хрен его знает, сколько сейчас это может стоить!.. энд ту хандрит литерз дринк уотер кост... Понятия не имею! Раньше это было бесплатно... Мей би, тен даларз?..

— Тенк ю вери мач, сэр. Ноу проблем!.. — поблагодарил его Арон.

— Ну, вы даете, мужики! — восхитился Вася, входя в комнату с листком бумаги. — Арон! Ты меня просто потряс!

— А ты думал — я пальцем деланный?

— Да нет... Я примерно представляю, чем тебя делали. А теперь, джентльмены, как говорят по-вашему — по-английскому, айм сори. Я вам сейчас немножко испорчу настроение. Чтобы отплыть на нашей яхте от берега, нам нужны еще двадцать одна тысяча нормальных деревянных, советских рублей.

— Ой... — в один голос охнули Арон и Марксен Иванович.

— Вот вам и «ой», — Вася заглянул в свои записи. — Реставраторам должны еще семь штук? Должны. Паруса — десять косых, не грехи — отдай. И четыре лебедки по полторы — шесть. Всего — двадцать одна.

— Такие бабки не заработать. Просто — не успеть, — сказал Арон. — Даже если к нашей мастерской будет стоять очередь, как в мавзолей Ленина...

— Господи!.. Да что же это за цены такие кошмарные?! — ужаснулся Марксен Иванович и с готовностью оглядел свои обшарпанные стены, завешанные пожухлыми дипломами и грамотами, полки, уставленные призовыми кубками. — И продать же нечего! Последних два серебряных кубка я еще три года тому назад сдал в комиссионку! А это все — мельхиор, дрянь... Три копейки в базарный день...

— Вы еще будете продавать! — возмутился Арон. — Вам сюда возвращаться, вам жить здесь еще сто лет, а вы... Васька!

— Только без паники! — сказал Вася. — И не суетиться. Арон! Неужели мы с тобой... Мы! Ты и я! Не найдем каких-то вонючих двадцати тысяч?! Да, если присмотреться — мы купаемся в деньгах. Машина, мебель, квартира!..

— Машина — говно, — сказал Арон. — Больше пяти штук не потянет. Такую мебель надо еще умудриться кому-нибудь втюхать, а квартиру у нас Советская власть отберет тут же, как только мы получим паспорта и визы.

— На хитрую жопу есть... что «с винтом»? Извините, Марксен Иванович. Предоставьте это дело мне, и у нас еще останутся бабки и на переезд вместе с яхтой в Одессу, и на паспорта, и на визы, и на булочку с маслом! — нагло заявил Василий.

— Ол райт, Васька. Но шустрить ты начнешь только после того, как мы получим эти самые паспорта и визы. Да, Марксен Иванович? — рассудительно сказал Арон.

— Конечно, конечно, Арон... Васенька, я думаю, так будет разумнее всего.

Как по-русски будет «шейгиц»?

И этот день наконец наступил!

Из невероятной толпы, осаждавшей двери ОВИРа, выдрались на свежий воздух к своему «Москвичу», мокрые и расхристанные, сильно помятые, ошалевшие от духоты и давки, но безмерно счастливые Василий, Арон и Марксен Иванович с отъездными документами в руках.

Тут же к ним подошли очень старые еврей и еврейка с точно такими же документами.

— А что будет с билетами, что? — спросил старик у Марксена Ивановича, как будто они были знакомы уйму лет.

— Извините, я не в курсе, — смутился Марксен Иванович.

— Говорят, там такой халеймес!.. — сказала старуха. — Очередь на полтора года! В нашем возрасте — просто не дожить...

— Нам, честно говоря, билеты до лампочки, — сказал им Вася.

— Так вы не в Израиль? — утвердительно спросил старик.

— В Израиль, — ответил ему Арон.

— И как? Пешком? — иронически спросила старуха.

— Нет. Вплавь, — простодушно ответил Вася.

Старик воспринял это как издевательство и повел старуху прочь. Отойдя на безопасное расстояние, старик обернулся и сказал Васе:

— Шейгиц!

Арон решил исправить положение и крикнул старикам:

— Погодите! Может, вас подвезти куда-нибудь?

— Боже нас упаси от ваших любезностей, — сказала ему старуха.

Уже сидя в машине, Василий спросил Арона:

— А что такое «шейгиц»?

— А я откуда знаю? — окрысился Арон. — Я что, хедер кончал? Я родился и вырос в Ленинграде — «Шейгиц»... «Мудак», наверное. Судя по тому, как он на тебя посмотрел.

— Нет, нет! — возразил Марксен Иванович. — «Шейгиц» по-еврейски

«босьяк», «хулиган».

— Вы-то откуда это знаете?! — поразился Арон.

Марксен Иванович рассмеялся:

— А черт его знает... Не помню. Может быть, от Петьки Гринберга?..
Понятия не имею.

Как покупают паруса

Волоча за собой тяжелый рюкзак, Марксен Иванович с трудом вылез из трамвая. Отдышался, закинул рюкзак за спину, прошагал немного от остановки и завернул за угол. И сразу же увидел «Москвич» Арона, стоявший у дома.

Муравич улыбнулся, подошел к автомобилю, погладил его по капоту, как члена семьи близких ему людей, и вошел в парадный подъезд.

Дверь ему открыл Арон, тут же перехватил тяжелый рюкзак и недовольно сказал:

— Сколько раз говорить, чтобы вы не таскали ничего! Что за упрямство?! Подождать не могли, пока я приеду за вами?

— Тут бинокль, барометр, компас, корабельные часы, кое-какие навигационные инструменты... — виновато проговорил Марксен Иванович. — Разные мелочи, оставшиеся у меня от прошлых лет. Все, что потом очень пригодится в море... А еще я вам принес в подарок книжечку...

Марксен Иванович достал из большого кармана рюкзака толстую синюю книгу и дал ее Арону. Арон открыл книгу, прочитал вслух:

— «Справочник яхтсмена»... Боб Бонд...

— Замечательная книжонка! — радостно сказал Марксен Иванович. — Ну, буквально все, что вам нужно знать о яхте, о море, о такелаже. Просто прелесть! И таким доходчивым языком написана!.. Тут все ситуации, с которыми вам, может быть, придется столкнуться... Это должно быть вашей настольной книгой!.. А где Вася?

— Здесь я, здесь, Марксен Иванович!.. — закричал Вася из комнаты. — Проходите! Я для вас сюрприз приготовил!

Марксен Иванович переступил порог комнаты и ахнул... Квартира была абсолютно пустой. Ни стульев, ни стола, ни дивана, ни шкафа... Небогатый гардероб Арона Иванова и Василия Рабиновича висел на гвоздях, вбитых в голые стены.

На кухне, кроме замызганной плиты и сваленных в угол сковородок и кастрюль, тоже не было ничего. Только японский календарь восьмидесятого года с голыми японочками болтался на двери.

— Боже мой... А где же мебель?.. — растерялся Марксен Иванович.

Вася взял Марксена Ивановича за руку, провел его во вторую пустую комнату и торжественно показал на четыре яхтенные лебедки, лежавшие на полу:

— А вот и мебель!!! — Сами говорили, что без этого нам в море не выйти!

— Да, да... Конечно, — Марксен Иванович присел на корточки, осмотрел лебедки. — Очень, очень хорошие лебедки, но...

— Когда в стране нет ни хрена, когда в магазинах за мебель дерут три цены, так и наша рухлядь пошла будьте-нате! — пребывая в полной эйфории от своих деловых качеств, прокричал Василий. — Копеечка в копеечку! Мы еще в наваре на четыре сотни!..

— Фантастика... — прошептал Марксен Иванович.

— То ли еще будет! — пообещал Вася.

И тут же раздался входной звонок.

— Эт-то еще кого несет? — удивился Арон.

Вася бросил взгляд на часы и восхитился:

— Во, деловые ребята! Крутые — дальше некуда!.. Это те, которые твою квартиру купили.

— Ты квартиру продал?! Ну, сукин кот!!! Ну, Васька...

— Так это же наши паруса!!! — закричал Василий и побежал открывать дверь. — Ты чем за паруса собираешься платить?! Поцелуями? Или у тебя есть заначка в десять штук?! Раздолбай!..

Марксен Иванович и Арон ошеломленно переглянулись.

Вася открыл входную дверь и впустил в квартиру...

...ДВУХ ПРИЯТЕЛЕЙ ВОВИКА-МАЖОРА, которых Арон десять дней тому назад избил ночью на улице!

Один был с палочкой, прихрамывал. Половина физиономии синяя, глаз заплыл.

У второго — рука в гипсе, голова перевязана, верхняя губа вздута.

Однако во всем «фирмово-кооперативном», с перстнями, с толстыми золотыми цепочками на могучих шеях.

Арон увидел, КТО к ним пришел, и с быстротой молнии метнулся в ванную комнату. Нашарил под умывальником большой разводной ключ и вышел к гостям уже в полной боевой форме, готовый ко всему.

Первым делом он перекрыл собой Марксена Ивановича, отодвинул в

сторону Васю и, подбросив на руке тяжелый разводной ключ, спросил, нехорошо улыбаясь:

— С чем пожаловали?

Один — с палочкой и заплывшим глазом, добродушно сказал Арону:

— Привет! Где-то я тебя, по-моему, видел?..

— Вполне возможно, — ответил Арон и поудобнее перехватил ключ.

— Да ты что, Арон?! Это же друзья Вовика-мажора! — воскликнул Вася. — Разве я тебе не говорил? Вовик сейчас в больнице, а ребята твою квартиру купили... Они же в катастрофу попали! Вовик свою «девятку» — в хлам!.. Хорошо еще, что живы остались...

— Кто же это вас так? — ухмыльнулся Арон, поигрывая ключом.

— Нажрались в кабаке, прихватили водяры, каких-то блядей и поехали на хату... Где-то на Васильевском в траншею влетели. Тачке, извиняюсь, пиздец. Вовик до сих пор в травме Первого мединститута, а мы вот... Слушай, где-то я тебя видел!..

— Я ж сказал — возможно, — Арон цепко следил за гостями.

— А как же девки? — искренне поинтересовался Василий.

— Когда нас утром из ямы выгребли — девок не было, — сказал один. — А, может, они нам еще раньше «динамо» крутанули.

— Я, к примеру, ресторан помню, прошмандовок этих помню. А вот дальше... Гуляли ж по-черному. Пардон за извинение! — рассмеялся второй. — Ничего не помню...

— И Вовик не помнит? — осторожно спросил Арон.

— Ты что?! Мажор вообще в полном отрубе!.. Ладно. К делу.

Хромой вытащил из кармана три запечатанные пачки пятидесятирублевых и протянул их Васе:

— Пятнашка, как договаривались.

Второй, с перевязанной головой и рукой в гипсе, достал документы и сказал Арону:

— Держи. Тут твои ксивы, а это мои. Порядок?

Арон посмотрел документы, удивленно покачал головой:

— Ну и шустрики!..

— Так все же схвачено, батя! — польщенно рассмеялись приятели Вовика. — Все жить хотят — и райком, и горсовет, и ментовка. Твой корешок сказал «надо срочно», мы срочно и сделали. Есть проблемы?

— Нет, — ответил Арон. — Вот только бабки пересчитаю.

— Арон!.. Свои же ребята... — устыдился проверки Василий.

Но Арон так на него посмотрел, что Вася тут же заткнулся.

— Не бойсь, Арон, — сказал один. — Не «кукла». Не держи нас за

дешевых фрайеров. Мы — мальчики деловые. Ты нас не знаешь, мы тебя не знаем. Тебе — капуста, нам — хата, и разбежались.

Арон ласково оглядел двух искалеченных им парней и сказал:

— Вот и ладушки. Раз вы меня не знаете, раз я вас впервые вижу — тем более, посчитаю. Подержи-ка, Марксен Иванович.

Он протянул Муравичу разводной ключ и повернулся к Василию:

— Ну-ка, дай сюда бабки.

Разорвал все три запечатанные пачки и стал медленно пересчитывать, шевеля губами точно так же, как он это делал, когда считал капли для Марксена Ивановича...

Как Арон искал одно, а нашел совсем другое

На следующий день Арон и Вася забрали свои инструменты и уволились из гаража.

— Спасибо вам, ребята. Не скоро я найду таких мужиков, — вздохнул председатель.

— И вам спасибо, — поклонился ему Арон.

— Если бы мы не уезжали... — сказал Вася.

— Что вы! Что вы! — взволновался председатель, оглянувшись вокруг и понизил голос: — Поезжайте! Пусть хоть кто-нибудь спасется.

Расчувствовался, шмыгнув носом и ушел в свою каптерку.

Арон погрузил инструменты в багажник, спросил Василия:

— Деньги есть с собой?

— Есть. А что?

— Дай сотни три.

— Зачем?

— Надо.

— Это не ответ, — сказал Василий, влезая в машину.

— Ты мне дашь три сотни или мне их нужно из тебя вытряхнуть? — так спросил Арон, что Вася тут же достал деньги.

— Пожалуйста!.. Я просто хотел понять... — начал было он, но Арон спрятал деньги в карман куртки и сказал:

— А теперь выметайся из машины!

— А как же...

— Никак. Таксырник возьми. Давай вали отсюда.

Ничего не понимая, Василий вылез из «Москвича». Арон сел за руль и

уехал...

Через пятнадцать минут он подкатил к дому, где жили Клавка и Ривка. Поднялся по знакомой лестнице, позвонил в дверь.

Долго никто не открывал. Потом послышались шаркающие шаги, защелкали, к удивлению Арона, разные замки, и дверь наконец приоткрылась на длину короткой и мощной цепочки.

В образовавшуюся щель просунулся старушечий нос. Внизу торчали две детские замурзанные мордочки.

— Чаво надо? — злобно спросила старуха.

Арону показалось, что он перепутал номер квартиры. Глянул на эмалированную табличку, удивленно спросил:

— А Клава и Рива дома?

— Уехали. Таперича я тут живу. Могу и паспорт показать... — и старуха заплакала. — Семнадцать лет ждала очереди!.. Пенсия — одни слезы... Каждый изгиляется, как хочет... Внуков кормить нечем, а они себе в ус не дуют...

— Кто? — спросил Арон.

— Кто, кто... Детки мои разлюбезные!.. Невестки подол задрали ищи-свищи... А дитям не скажешь, они кушать хотят... Господи! Хоть бы помереть скорей!.. Ваньку, младшенького, убили, дык военкомат за его двадцать рублей все никак не сподобится прислать!

— Где убили-то? — тихо спросил Арон через щель.

— Дык, промеж армян с этими... Как их?.. зирбайжанцами встрял, его и убили.

— Ну, а Ривка-то с Клавкой где?

— Дык, сказала ж, уехали!

— Надолго?

— Навовсе.

— Куда?

— А кто их знать... К жидам, мабудь, подались. Сейчас все туда едут. И явреи, и русские, и нерусские...

Арон молчал, оглушенный известием. Старуха спросила его:

— Дык, паспорт нести показывать?

— Не надо паспорта... — сказал Арон. — Ничего не надо.

— А ты сам-то откуда будешь? Не с ЖЭКу рази?..

Арон достал триста рублей, протянул их в щель старухе:

— Из военкомата. Возьми-ка. Это тебе за Ваньку доплата...

— Батюшки-и-и!.. — тоненько закричала старуха, цепко схватила деньги и мгновенно захлопнула дверь.

Как «Опричник» становился домом

Было очень раннее утро...

Сверкающий лаком, совершенно законченный семнадцатиметровый «Опричник» стоял в кильблоках на задворках яхтклуба еще без мачты, но уже одним своим видом — отполированным гребным винтом, гигантским килем, тускло мерцающими медными окантовками иллюминаторов, туго натянутыми леерами, будил самые необузданные видения: дальние моря и неведомые страны, начало новой удивительной жизни, в которой грезились волны и ветры, соленые брызги и разноязычный гомон чужих берегов, сладко дурманящие тропические цветы и шоколадные волоокие женщины с призывными улыбками и тонкими талиями при вполне пухлых бедрах...

И только три детали чуть-чуть притормаживали этот манящий вдаль полет фантазии — старый, ржавый «москвич» Арона, стоявший рядом с кильблоками; кухонные веревки, натянутые от борта к борту между леерными стойками с выстиранным бельишком Арона и Васи; и обычное цинковое ведро, привязанное у самого начала киля под днищем яхты.

В сонной тишине было отчетливо слышно, как кто-то протопал внутри яхты, затем проскрипела и захлопнулась какая-то дверь. Щелкнула задвижка и раздалось, не оставляющее сомнений, журчание чьей-то струи...

А потом послышался характерный звук спускаемой воды и через мгновение все «это» вылилось через открытый гальонный кингстон в висящее под яхтой обычное, домашнее цинковое ведро.

И хриплый со сна голос Арона:

— Васька! Сегодня твоя очередь парашу выносить...

И ни словечка в ответ... На палубу в одних трусах вылез сонный, подрагивающий от утренней свежести Василий. Он трижды развел руки в стороны, дважды присел, имитируя зарядку, но тут же потянулся, зевнул, обхватил себя тощими руками и застыл, устремив взгляд вперед, через нос яхты, словно перед его взором простиралась необъятная даль океана...

Из каюты показалась встрепанная голова Арона:

— Ты меня слышишь, Васька?!

Василий очнулся, ответил раздраженно:

— Слышу, слышу! Ты, давай, жратву готовь, а то скоро Марксен приедет...

Спустя два-три часа вокруг «Опричника» собралась вся бригада реставраторов во главе с Федором Николаевичем, деятели яхт-клуба, Марксен Иванович и Арон с Василием.

На земле были разложены новые огромные, сверкающие белизной паруса. Все ходили вокруг них и восхищенно прищелкивали языками:

— Ай да паруса!..

— Это тебе не уплотненный лавсан. Это — дакрон! Сто двадцать квадратных метров настоящего дакрона.

— Марксен Иванович! Можно не деликатный вопросик? Сколько с вас наши мастерские за паруса содрали?

— Страшно сказать, ребятки... Десять тысяч!

— Перекреститесь, Марксен Иванович! Они вам даром достались! За десять они только для вас сделали... Тут с одних кооператоров за сто квадратов шестнадцать слупили!..

— Так то кооператоры. Мои-то — работяги... — и Марксен Иванович кивнул на Василия и Арона.

Василий водил Арона за руку вокруг парусов и шептал ему:

— Смотри, Ароша... Мы отдали за пятнадцать штук, прямо скажем, говенную квартиру с комнатами — одиннадцать и четырнадцать метров, причем, заметь себе, четырнадцать — проходная... В довольно жлобском районе, с видом на помойку, а взамен получили сто двадцать квадратных метров потрясающих парусов с видом на совершенно другую жизнь! И еще пять тысяч у нас осталось!..

— Что ты меня уговариваешь, как бабу?! Я, что, против?

— Я не уговариваю, я просто не хочу, чтобы ты ходил с кислой мордой...

— Пока мы не сможем отдать семь тысяч Федору Николаевичу и его ребятам, у меня другой морды не будет!

— Господи! Делов-то на рыбью ногу! — облегченно вздохнул Василий. — Федор Николаевич! Можно вас на минутку?

— Знатные, знатные паруса... С такими парусами на край света, — подошел Федор Николаевич.

— У вас там какое-то было предложение к Арону Моисеевичу? — вкрадчиво сказал Вася.

— Дык, Арон Моисеевич... Какое там предложение!.. Василий всегда скажет!.. Проще пареной репы. Вы должны семь тысяч. Так?

— Так, так! — Вася попытался ускорить ход событий.

— Ты, Арон Моисеевич, отдаешь мне своего «Москвича», и мы в расчете. А со своими ребятками я сам расплачусь. Лады?

— А кто будет государству платить семь процентов комиссионных? — спросил Арон.

— А государство пусть лапу пососет, — рассудительно сказал Федор Николаевич. — Будя нас грабить-то! Счас поедem к моей дочке — она у меня нотариус, оформишь на мое имя доверенность с правом продажи, и не за полста рублей, как лицу постороннему, а за два с полтиной, как ближайшему родственнику. А то «государству»! Мы лучше сегодня эти семь процентов пропьem за милую душу! Возьмем Марксена Ивановича и «Шаланды полные кефали...»

Как военно-воздушные силы сегодня служат делу мира

— ...«в Одессу Костя приводил, и все биндюжники вставали, когда в пивную он входил...» — пел здоровенный детина в белых лаковых полуботиночках и белом костюме с красной «бабочкой».

Оглушительно гремел ресторанный оркестр.

Прифранченные Федор Николаевич, Марксен Иванович, Арон и Вася сидели за столиком. Все, кроме Муравича, пили водку. Перед Марксеном Ивановичем стоял стограммовый графинчик с коньяком. Он осторожно прихлебывал из крохотной рюмочки и говорил:

— Нет, нет и нет! Бред сивой кобылы! Вы что? Это вам не швербот какой-нибудь! Это большая крейсерская яхта! И при поворотах поезда, крайние точки — нос и корма — будут выходить в стороны!.. А четыре метра по высоте в кильблоках — это вам что?! Как вы думаете проходить туннели? Забудьте о железной дороге! Только на барже по Волге-Балту! Скажи им, Федя!..

Федор Николаевич икнул от неожиданности, опрокинул в рот большого рюмаша, понюхал корочку и почти трезво сказал:

— Ты, Моисеич, и ты, Василий, — не маленькие. Сами понимать должны: ваша бандура — груз негабаритный. Только Волга-Балтом!

— Но вы же сами говорили, что на барже до Одессы нужно не меньше месяца чапать! — простонал Василий.

Федор Николаевич хотел было ответить Василию, но в эту секунду мимо него стал протискиваться официант с блюдом свежих помидоров, зелени, севрюги и зернистой икры.

Федор Николаевич охнул и ухватил официанта сзади за смокинг:

— Ты ж говорил, что помидоров и икры у вас нет?! А это что?!

— Помидоры и икра только на конвертируемую валюту! Пустите сейчас же, а то милицию вызову, — огрызнулся официант.

— О, бля... Дожили. Перестроились... — только и смог сказать Федор Николаевич.

За соседним столиком трое военных летчиков — подполковник, майор и капитан, пили из фужеров шампанское пополам с коньяком. Пьяными и блудливыми глазами они в упор разглядывали чужих женщин, время от времени подполковник протягивал капитану двадцатипятирублевку и хрипло говорил:

— Отнеси. Пусть еще споет за Одессу!..

Белоснежный детина с ловкостью фокусника принимал «четвертак», делал знак оркестру и, выждав четыре такта вступления, начинал:

— «В тумане скрылась милая Одесса, золотые огоньки...»

Что бы ни пел детина — все танцевали только фокстрот.

— Ну, так мы придем в Одессу на месяц позже! — кричал Марксен Иванович. — Вася! Закусывай сейчас же!.. Арон! Куда ты смотришь? Положи Васе ветчинки... Вы столько лет ждали этого момента. Так подождите еще месяц — ничего страшного. На барже отдохнете, наберетесь сил и в Одессу придете готовыми ко всему...

— Шо я слышу? — прохрипел подполковник и с полным фужером, качаясь, подошел к Марксену Квановичу. — Не, шо я слышу?! Сплошной разговор за Одессу!.. В этом городе трех, мать их за ногу, революций, в этой, извиняюсь, обосранной колыбели, люди говорят за мою милую, родную Одессу?! Разрешите представиться — военный летчик первого класса подполковник Ничипорук...

Подполковник даже попытался щелкнуть каблуками, но пошатнулся, и если бы Арон вовремя не подхватил его, на Вооруженные силы могло бы лечь пятно позора.

— Вы лучше присаживайтесь, товарищ подполковник, — сказал ему Арон.

— Зови меня просто — Леха, — прохрипел Ничипорук.

Этой ночью «москвич» снова стоял у кильблоков «Опричника». Но теперь в нем, на правах полновластного хозяина, спал мертвецки пьяный Федор Николаевич, и в такт его булькающему, рыдающему храпу в стареньком «Москвиче» что-то ритмично дребезжало и позвякивало...

В уже почти обжитой каюте «Опричника» при полном электрическом свете (украденном с соседнего фонарного столба) гуляли «под большое декольте» Арон, Вася, подполковник Леха, майор Аркаша и капитан Митя.

Во главе стола сидел улыбающийся и единственно трезвый Марксен

Иванович и прихлебывал обжигающий чай, держа большую фаянсовую кружку двумя руками.

— Нет, Леха!.. Ты чего-то явно не понимаешь! — кричал Вася. — Она только длины — семнадцать метров!!!

В ответ все три летчика оскорбительно захохотали.

— И в высоту, с кильблоками — четыре!.. — добавил Арон, чем вызвал еще больший взрыв веселья со стороны представителей военно-воздушных сил.

— Ой, я сейчас умру!.. — хрипел Леха. — Митя! Наливай!..

— А то, что она весит тринадцать тонн, это ты понять можешь?! — в отчаянии прокричал Вася. — Да еще центнер консервов, крупа, инструменты!.. Наши собственные шмотки, наконец!

— Ой, ой... — заходился Леха. — Не, чижики, вы слышите?! Если я счас не выпью, я просто не знаю, что будет!!!

— Васенька! Арончик!.. — сквозь смех и слезы прокричал капитан Митя. — Вас на сцену — Мише Жванецкому делать нечего!.. Скажи, Аркаша?

— Жуткий, повальный успех! — подтвердил майор. — Они всех комиков по миру пустят, да, командир?

— А то! — прохрипел подполковник Леха.

Арон и Василий были откровенно растеряны. Марксен Иванович тоже пребывал в легком недоумении.

— Подождите, ребятки... Леша, Аркадий, Митя! Вы, что, серьезно это? — спросил Марксен Иванович.

— Не, Марксен Иванович, — отрицательно качнул головой подполковник Леха. — Пока это было не серьезно. Пока что это был чисто одесский треп. А теперь, ша!

И за столом стало тихо.

— У всех налито? — спросил Леха, оглядел стол и сам себе ответил: — У всех. Тогда три минуты попробуем быть серьезными. У меня экипаж — восемь чижигов. Классные чижики! Где сейчас остальные пять, меня не колышит. Лишь бы они к сроку были на базе у самолета. Если я что скажу не так — мой второй летчик Аркаша и мой штурманец Митя меня поправят. Я разрешаю. Несколько лет мы с чижиками каждый день летали в Афган. Мы возили туда живых мальчиков, а обратно привозили мертвых. И за это мы получали чеки Внешторгбанка и ордена... Теперь все иначе. Теперь мы перестроились и перековали мечи на орала. Теперь мы играем в конверсию. Теперь мы возим тихие мирные грузы. Хотя, что может быть более тихим и мирным, чем двести гробов с мертвыми мальчиками?

Неужели тот двухэтажный разобранный дом с ваннами и туалетами, всего на восемь комнат и гаражом на две машины, который мы сегодня приволокли из Одессы в Ленинград от нашего одесского жулика-генерала — вашему ленинградскому жулику-генералу, чтобы вашего не обвинили, что он построил себе дачу, используя служебное положение. А называется наш рейс — Советская Армия помогает народному хозяйству! Так неужели после всего этого дерьма мы не можем запихать вашу паршивую лодочку... семнадцать метров!.. тринадцать тонн!.. Тьфу!!! в наш замечательный аэроплан, со всеми вашими бебихами, и через три часа вы увидите нашу Одессу, а еще через пару дней выйдете в открытое море и поплывете навстречу своей судьбе... И не волнуйтесь, Арончик и Вася. И вы, Марксен Иванович, умоляю, не нервничайте. После погрузки вашей яхты в нашем самолетике еще найдется место для пары пультмановских вагонов.

Как яхта по небу летала

Нет, не хвастал пьяный подполковник Леха! Не напрасно ржали над Ароном и Васей майор Аркаша и капитан Митя!..

Когда «Опричника» в родных кильблоках, установленных на какие-то огромные салазки, трактор-тягач по аппарели втаскивал в гигантское чрево Лехино самолета, казалось, что сказочный кит с распахнутой пастью заглатывает маленькую, робкую сардинку!

Таких невероятных самолетов, с печально опущенными концами крыльев, с четырьмя циклопическими двигателями, висящими на пилонах у самой земли, ни Арон, ни Вася, ни даже Марксен Иванович никогда не видели.

Они стояли с раскрытыми ртами, а командир этого фантастического летающего сооружения — уже не в кителе, а в аккуратной кожаной куртке, абсолютно трезвый и чисто выбритый Леха Ничипорук горделиво усмехался и говорил:

— Это же не аппарат, это же чудо! А, Марксен Иванович?

И Марксен Иванович мог в ответ только потрясенно развести руками...

Потом это чудовищное, до уродливости пузатое дитя суперсовременной авиационной техники взревело всеми двигателями, коротко пробежалось по взлетной полосе и вдруг круто взмыло в серое ленинградское небо, с каждой секундой становясь все изящнее,

стремительней и прекрасней...

В кабине летчиков, в левом командирском кресле, за штурвалом сидел теперь жесткий, предельно собранный подполковник Леха Ничипорук.

Справа от него — второй пилот майор Аркадий. Где-то далеко внизу и впереди штурман капитан Митя.

А за спинами командира и второго летчика — радист, техники, стрелки, инженер... все с наушниками на головах, с ларингофонами на шеях. Каждый на своем месте. Каждый делает свое дело. Каждый понимает друг друга с полуслова.

— Штурман! — хрипит Ничипорук в ларингофон.

— Слушаю, командир! — мгновенно откликается Митя.

— Зайдем эшелон, свяжись с нашей базой тяжелых вертолетов, с полковником Казанцевым!

— Есть, командир!

— Когда выйдет на связь, пусть переходит на наш канал. Он знает. Понял, штурман?

— Так точно, командир!

Второй летчик понимающе улыбнулся. Ничипорук подмигнул ему:

— На хер мне нужно, чтобы мои разговоры с Гришкой Казанцевым на магнитку писались! Имел я их всех в виду...

В огромном дрожащем фюзеляже раскрепленная яхта занимала в лучшем случае одну треть пространства, а сидящие на откидной скамейке Марксен Иванович, Арон и Вася казались маленькими и несчастными существами, замурованными в гигантский железный ящик.

Марксен Иванович вязал свою нескончаемую жилетку, Арон дремал, а Вася хлопотливо проверял документы:

— Паспорт раз... Паспорт два... Паспорт три. Есть!.. Справка на валюту... Кот наплакал! Есть... Технический паспорт... Есть... Регистровое удостоверение? Есть!.. Слава богу! Марксен Иванович... У вас приглашения с собой?

— Да, Васенька.

— Оба экземпляра?

— Оба, оба. Не волнуйся.

Они даже не заметили, как к ним подошел Ничипорук.

— Ну, как, мужики? Не душно, не тесно? — прохрипел он.

Арон всхлипнул со сна, открыл глаза:

— Все о'кей, командир. Садись, поболтаем...

— Да нет, — улыбнулся Лсха. — Мне расслаживаться некогда.

И вдруг на весь огромный самолет раздался искаженный динамиками

голос штурмана Мити, включившего громкую связь:

— Командир! Полковник Казанцев на связи!

Леха нажал кнопку над головой Васи, прохрипел в решеточку:

— Понял. Иду, — отпустил кнопку и сказал: — Хочу с одним своим корешком, тоже афганцем, поболтать насчет вашей лодочки. Он жук, каких свет не видывал! У него в Одессе все схвачено.

И быстро ушел. Арон задумчиво посмотрел ему вслед:

— Вот от таких... никуда уезжать неохота!..

А Леха уже сидел в своем командирском кресле, для верности прижимал к горлу ларингофоны и говорил:

— Семнадцать метров... Ширина три десять... Высота от нижней точки кили до верхнего обреза каюты три, три с половиной... Тринадцать тонн. Ты там продумай, как эту мудянку застропить, а мы будем заходить на базу... Счас скажу... Штурман! Расчетное время посадки?

— Одиннадцать двадцать, командир!

— Слышал, Гришаня? Одиннадцать двадцать. И свяжись с Немкой Блюфштейном!.. Скажи, пусть своих чижигов из яхт-клуба соберет и встретит моих корешков прямо на воде!.. Мачту поставить, движок опробовать... Понял? Гриня! А когда ты мне пузырь коньяку отдашь? То есть, как это «какой»?! Ну, ты нахал!.. Кто на «Черноморец» ставил?! Ах, папа римский!.. Ну, Гриня!.. Шоб я еще с тобой хоть раз... Штурман! — в ярости заорал Ничипорук. — Куда связь делась?

— Командир! — истошно прокричал штурман Митя. — Я тут ни при чем! Полковник Казанцев послали вас на три буквы и сами отключились!

Спустя четыре часа где-то под Одессой на пыльном военном аэродроме в степи, неподалеку от стоянки таких же авиамонстров, как самолет Лехи Ничипорука, валялись на грязно-желтой земле ненужные теперь гигантские салазки и яхтенные кильблоки...

Рядом с ними стоял Леха Ничипорук со своим экипажем, еще полтора десятка военных и, хоронясь ладонями от встречного солнца, смотрели в южное синее небо...

...в котором плыла яхта «Опричник», бережно подхваченная огромным тяжелым боевым вертолетом с двумя винтами...

В кабине вертолета за рукояткой управления сидел полковник в форменной рубашке с погонами, в каких-то импортных расписных шортах и пижонских кроссовках. Его фуражка и брюки висели за пилотским креслом.

На голове у него был белоснежный пластмассовый шлемофон с вмонтированными атрибутами переговорного устройства и задранным

вверх черным солнцезащитным забралом. Сбоку шла короткая дужка с микрофоном, в который полковник и говорил:

— Не, ты можешь себе представить, Нема?! Он еще Москву не прошел, только-только эшелон набрал, а уже вызвал меня на связь и стал требовать тот коньяк!.. Ну, ты помнишь!.. «Черноморец» — «Спартак»! Кошмар! Этот Леха — такой жучила!.. «С одесского кичмана бежали два уркана...» Так вот один из них был Леха Ничипорук! Чтоб я так жил, Нема!

В яхт-клубе Одесского военного округа, на самом конце длинного бона, далеко выходящего в море, на колченогом столике стояла переносная армейская рация. Около нее на складном стульчике сидел человек в одних плавках, с золотой звездой Давида на шее и точно таком же шлемофоне, как и командир вертолета. Это был Нема Блюфштейн.

Вокруг него стояли несколько человек. Сбоку у бона был пришвартован катер.

— Ой! Гриня!.. Я тебя умоляю!.. — сказал в микрофон Нема с неистребимым южно-одесско-черноморско-еврейским акцентом. — Вы таких два сапога пара, что только поискать!..

— Я?! — раздался в выносном динамике возмущенный голос Грини. — Я же по сравнению с Лехой — слепой котенок! Леха — удав!!!

— Это ты мне будешь говорить? — спросил Нема в микрофон. — Или это не я отлетал с тобой одиннадцать лет?! Или это был какой-то другой майор Блюфштейн?

Летел огромный вертолет Вооруженных сил на небольшой высоте.

Нес под собой на четырех тросах тринадцатитонную яхту «Опричник». И на фоне синего неба, на фоне приближающегося Черного моря, белых прибрежных домиков и темнозеленой воды это было прекрасное, фантастическое зрелище!..

— Гриня, — сказал Нема Блюфштейн в микрофон. — У нас тут пошел ветерок с моря. Ты начнешь снижение чуть пораньше, чем мы договаривались. И опустишь яхту метрах в двухстах от клуба. А мы ее встретим катером и отбуксируем к берегу.

— На хрена попу гармонь, когда есть колокола! — раздался голос Грини из динамика. — Ваш катер нужен, как зайцу триппер! Я их опущу, отстрелю троса, а они сами на двигателе пришвартуются, куда ты им покажешь!..

— Они, что, у тебя в яхте?! — в ужасе вскочил Нема, а все окружающие схватились за головы...

— А шо такого? — глядя на горизонт, полковник Казанцев вел вертолет к морю. — Нема! Что ты из себя строишь целку-невидимку? Ты

не помнишь, как мы с тобой раненых из Джелал-Абада вывозили? И в подвесных контейнерах, и на подкосах шасси... Так там были искалеченные пареньки, а здесь нормальные здоровые мужики!..

Марксен Иванович, Арон и Вася сидели в задраенной каюте летящей по небу яхты.

— «На палубу вышел, а палубы нет — в глазах у него помутилось», — пел Вася.

Он был страшно возбужден, все время прыгал от одного иллюминатора к другому, хватал бинокль, сам смотрел в него, совал его Арону, Марксену Ивановичу, чтобы и те могли усладиться тем, что приводило его, Васю, в такое восхищение.

Марксен Иванович нервно посмеивался, спицы так и мелькали в его руках:

— Боже мой!.. Еще сегодня утром мы были в Ленинграде!.. А теперь летим на собственной яхте! Летим!.. Никто же никогда не поверит! Вася! Арон! Мне с вами так повезло! Фантастика!..

— Жрать хочется — спасу нет!.. — уныло говорил Арон. — Слышишь, Васька! Открой хоть банку какую-нибудь...

— Ни в коем случае! Консервы только для плавания! Потерпи, Арон. Возьми себя в руки! — кричал Вася. — Займись аутотренингом, повторяй про себя: «Я сыт... Желудок мой переполнен... По телу разливается приятная истома... Я совершенно не хочу есть...»

— Пошел ты со своим тренингом, — вяло отругнулся Арон. — Летим, как три Жучки... Случись чего и... Привет...

— Арон! Воспринимай эту сказочную ситуацию как подарок судьбы, и наслаждайся ею, — посоветовал ему Марксен Иванович.

— Я, Марксен Иванович, не могу наслаждаться ситуацией, когда от меня ничего не зависит, — твердо сказал Арон. — Я этого очень не люблю.

Вертолет с яхтой «подмышкой» сделал круг над яхт-клубом и завис метрах в ста пятидесяти от бона, где расположился Нема со своей рацией и соратниками.

Из-за свиста винтов и рева двигателей ничего не было слышно. Видно было только, как Блюфштейн ведет связь с вертолетом. Теперь шла серьезная, профессиональная работа...

В вертолете тоже было не до шуточек: по окаменевшим лицам Казанцева и его второго пилота можно было понять, каких усилий стоит удержать эту могучую машину в неподвижном «зависе», да еще имея под собой тринадцатитонный маятник в виде яхты «Опричник».

Замерли вертолетные техники у лебедек...

Внимательно следит за показаниями своих приборов инженер...

О чем-то переговаривается полковник Казанцев с...

...бывшим майором Блюфштейном... Нема уже не сидит на складном стульчике, а напряженно стоит на самом краю бона. А за ним, в тревожном ожидании — вся яхт-клубовская компания.

Но вот Блюфштейн поднял руку, что-то сказал в микрофон и решительно махнул рукой вниз...

Казанцев увидел отмашку Блюфштейна и дал команду...

Инженер нажал на пульте какие-то кнопки и тоже дал команду...

Следя за яхтой сквозь широкие лебедочные люки, техники включили свои агрегаты...

Медленно поползли вниз все четыре стальных троса и Казанцеву стало еще труднее удерживать вертолет в неподвижности...

С бона было хорошо заметно, как «Опричник» стал осторожно спускаться к воде. Блюфштейн и компания затаили дыхание. Сам Нема что-то коротко говорил в микрофон и одобрительно кивал головой...

Наконец яхта плотно села на воду и закачалась в морской ряби, вздыбленной мощным потоком воздуха от винтов вертолета.

Освобожденный от тринадцати тонн лишнего веса вертолет убавил обороты двигателей, и стало слышно, как Нема Блюфштейн крикнул в микрофон:

— Хорош, Гриня!!!

— С вас — полбанки! — ответил ему Казанцев и скомандовал:

— Отстрел тросов!

Нема отчетливо увидел, как разъединились огромные петли, в которых висела яхта, концы их шлепнулись в воду, а затем, влекомые лебедками, стали подниматься ввысь и исчезать в чреве вертолета...

В каюте «Опричника» Марксен Иванович встал, небрежно отбросил свое вязание и торжественно произнес:

— Позвольте поздравить вас, Арон Моисеевич, и вас, Василий Петрович! Вы — в море!!!

Проникнутые величием момента, Арон и Вася вытянулись в струну.

Вертолет сделал круг над яхт-клубом, и в наземном динамике в последний раз прозвучал голос Казанцева:

— Немка! Смотайтесь на «Привоз», сообразите приличную закуску. Людей же надо принять! Все остальное мы с Лехой привезем! Как понял? Прием!

— Вас понял! Вас понял! Конец связи! — ответил Блюфштейн.

И вертолет улетел.

Блюфштейн устало стянул с головы шлемофон и обнаружил загорелую лысину в венчике рыжих волос. Утер пот с лица, взял в руки мегафон и прокричал громовым голосом:

— Эй, на яхте! Сами пришвартуетесь или помочь?

Марксен Иванович, Арон и Вася уже стояли на палубе и благодарно махали вслед вертолету.

Когда они слышали вопрос Блюфштейна, Марксен Иванович досадливо поморщился и сказал:

— После всего... Так обидеть?! — и вдруг скомандовал металлическим голосом: — Иванов! Запустить двигатель!

Арон метнулся к пульту запуска. Включил один тумблер, другой, нажал на кнопку стартера, и двигатель зафыркал, затарахтел.

— Рабинович! — рявкнул Марксен Иванович. — На бак! Приготовить носовой!

С быстротой молнии Вася оказался на носу яхты, схватил причальную веревку, замер, преданно глядя в глаза капитана Муравича.

А тот взял штурвал в руки так, словно и не было у него тридцатилетнего перерыва в судовождении, будто не отлучали его от моря, черт знает когда и невесть за что!..

Марксен Иванович прибавил обороты двигателю и на хорошей скорости уверенной рукой повел «Опричник» к бону...

Блюфштейн и компания с немым восхищением следили за тем, как по большой, точно рассчитанной луге «Опричник» подходил к причалу.

— От это класс! От это рулевой!.. — потрясенно произнес Нема. — Дай бог ему всего на свете...

Как все уже там, а Нема еще в Одессе...

Солнце еще только наполовину село в море, а «Опричник» стоял уже полностью «вооруженный» — с мачтой и гиком, с натянутыми штагом и ахтерштагом, носовыми и кормовыми вантами, с краспицей и топвантами...

Во все четыре шкотовые лебедки были заведены нужные «концы» и фалы. Самый большой парус — грот, закреплен и увязан на гике, а второй, поменьше, — стаксель, лежал в специальном мешке на носу яхты. Из мешка торчал «галсовый» угол стекселя, чтобы его можно было в любую секунду поднять на мачту.

Неподалеку, под развесистым каштаном, за длинным столом, упиханным бутылками и снедью, сидели Марксен Иванович Муравич, Арон Иванов, Василий Рабинович, Леха Ничипорук, майор Аркадий, капитан Митя, отставной Нема Блюфштейн и его друг Гриня Казанцев.

Все военные были во всем гражданском. В ярком, летнем, импортном, но с легким перебором вкуса, как это принято в Одессе...

Тут же, на территории клуба стояли две белые «Волги» — Ничипорука и Казанцева и три «Жигуленка» — Аркадия, Мити и Немы.

Автомобили слегка смахивали на своих хозяев — они словно соревновались в обилии заграничных наклеек, нашлепок, голых куколок за лобовым стеклом. Колеса машин были украшены роскошными колпаками с фирменными знаками «Мерседеса», изготовленными кооператорами с Малой Арнаутской, где производится весь одесский «импорт» от джинсов «Леви-Страус» до духов «Шанель N_5»...

Судя по разграбленному столу и усталому лицу Марксена Ивановича, застолье подходило к концу.

Сильно хмельной Гриня Казанцев тыкал в Блюфштейна и кричал:

— А этот шлемазл, этот идиот, еби его в душу мать!.. Извините, Марксен Иванович... Подает рапорт об увольнении из армии потому, что его, видите ли, потянуло на историческую родину!..

— Причем, Арон! Вася!.. — перебил его Леха. — Мы же говорили: «Подожди, Немка! Что-то же переменится!.. Примут закон, то, се... И не пизди ты, прости Господи, на всех углах про тетю в Америке! Помни, где ты служишь, на чем летаешь!..»

— И что теперь? — спросил Вася у Блюфштейна.

— Ничего, — улыбнулся рыжий Нема. — Сижу «в отказе».

— Без звания, без выслуги, без пенсии!.. — зло проговорил Казанцев. — Надо было академию кончать с красным дипломом?! О детях надо было думать! О жене...

— Не, Наум Гедальевич, тут вы ухо завалили, — сокрушенно сказал Аркадий.

— Надо было как-то потише обтяпать. Без рапорта, — сказал Митя.

— О! — воскликнул Ничипорук. — Чижик — и тот понимает! А Нема — нет! Нема идет напролом...

— И хлебалом об стенку! — добавил Казанцев. — Теперь все едут, а Нема сидит в Одессе! Он же скоро здесь станет уникальной фигурой! Как Дюк Ришелье!.. На него же будут билеты продавать! «Единственный еврей в Одессе! Спешите видеть!.. Инженер-майор запаса — Наум Блюфштейн!!!»

Рассмеялся только один Нема.

Марксен Иванович устало и сочувственно улыбнулся.

Вася печально обнял Блюфштейна.

Арон горестно покачал головой и выпил стакан водки.

— А шо стоило устроить его сюда?! — сказал Гриня. — Мы же с Лехой чуть не спились!

— Месяц киряли с нашими жлобами-начальниками! — подтвердил Леха. — Цистерну коньяку в них всадили!

— Ой, ну, хватит... Вы у меня уже вот где, — сказал Нема и ребром ладони провел по горлу.

— Теперь этот мудака говорит «хватит»! — возмутился Казанцев.

— Да... — разочарованно протянул Ничипорук. — Уж если еврей — дурак, то это... Туши свет! Непоправимо...

— А на что вы надеялись, Нема? — спросил Муравич.

— Честно говоря? На перестройку, — задумчиво ответил Блюфштейн. — Если, конечно, до этого не случится пара погромчиков, я думал, что дождусь закона о свободном выезде... Уж если берлинская стена рухнула, думал я...

Марксен Иванович посмотрел на Блюфштейна в упор, негромко, но твердо сказал:

— Падение берлинской стены, Нема, так же, как и крушение коммунистических режимов в Польше, Венгрии, Чехословакии, никакого отношения к нашей перестройке не имеют. Они произошли сами по себе. Мы просто не пытались остановить их силой, как не смогли прикончить Афганистан. Иначе это было бы сделано!

— А я думаю, мы не ввязались в их дела из гуманизма! Из нашей сегодняшней демократии, — возразил Митя.

— Да бросьте вы эти комсомольские благоглупости! — усмехнулся Муравич. — Какая демократия? Какой гуманизм?! О чем вы говорите? Где именье, где вода, а где Ромео, где Джульетта!..

— Извините, Марксен Иванович, и все-таки очень многое изменилось, — твердо сказал Леха Ничипорук.

Муравич с готовностью закивал головой:

— Конечно, конечно... Но люди хотят еще еды, одежды, жилья... Мы так устали от бесконечных очередей, от неустроенности быта, от произвола чиновников, от хамства сферы услуг, от боязни вечером выйти на улицу!.. Оглянитесь, братцы. Нам же никогда не было так трудно, как сейчас!.. Мы были бедными, а стали нищими. И никакого просвета! Только болтовня, болтовня и собачья грызня из-за власти...

— Ой, шо-то я не могу взять в голову!.. — удивленно проговорил Леха Ничипорук. — Кто же из вас отваливает навсегда, а кто хочет вернуться обратно?

— Я! — рассмеялся Муравич. — Я хочу вернуться обратно. И очень хочу попытаться дожить до настоящих перемен...

Как вопреки правилам капитан первым сошел с судна

Следующим утром, едва только солнце стало подниматься над горизонтом, Арон уже стоял у газовой плиты в камбузе и готовил завтрак.

Убаюкивающе плескалась вода за бортом «Опричника», день начинался с тишины и покоя, и море было гладким и светлым.

В кокпит вылез заспанный Василий и негромко сказал Арону:

— Гальюн, собаки, сделали такой узенький! Как ты со своей толстой задницей там поворачиваешься — ума не приложу.

— Тихо, ты, обормот... Марксен спит. Васенька, нам Немка столько жратвы оставил!.. — вполголоса сказал Арон.

— Немку жалко... — вздохнул Василий. — Было бы у него разрешение на выезд — с нами мог бы пойти...

— «Бы», «бы», «бы»!.. — передразнил его Арон. — Если бы у бабушки были яйца, то она была бы уже не бабушкой, а дедушкой. У Немки еще жена, двое детей и мать-старуха!..

— У нас что, места мало, что ли? — вскинулся Василий. — Я, например, очень люблю детей!

— Да тише ты! Сколько тебе говорить — спит человек!..

— Все равно — пора будить. — Василий решительно полез в каюту, негромко напевая: — Марксен Иванович! А, Марксен Иванович! Солнышко светит ясное, здравствуй, страна прекрасная! Кончай ночевать, Марксен Иванович... Марксен...

И тут из каюты раздался дикий крик Василия:

— Арон!!! Арон!.. Сюда!.. Сюда!.. Арон!..

Арон в ужасе рванулся в каюту, на ходу роняя тарелки.

Василий вжался в стенку, отделяющую кают-компанию от форпика, где спал Марксен Иванович, безумными глазами смотрел туда, протягивал трясущиеся руки, захлебывался и прерывисто шептал:

— Что это... Что это, Арон?.. Что же это, Арончик!..

Арон заглянул в форпик, куда в животном страхе протягивал руки

Василий, и увидел...

...МЕРТВОГО МАРКСЕНА ИВАНОВИЧА...

Глаза Марксена Ивановича были открыты, и в них навечно застыло страдание. Левая рука, свисавшая до полу, была скрючена последней в его жизни болью. А под пальцами, совсем близко, от слабенькой качки каталась по полу тоненькая открытая пробирочка с нитроглицерином. Крохотные белые таблеточки хрустели под ногами Арона.

— Ой... Ой... — застонал Арон. — А мы в это время спали, как пьяные сволочи...

Он схватился за голову, качнулся и рухнул на колени перед мертвым Марксеном Ивановичем...

На кладбище Леха, Гриня, Аркадий и Митя были в военной форме. Держали в руках фуражки, сопели, уткнувшись глазами в уже засыпанную могилу.

Нема Блюфштейн в строгом черном костюме смотрел поверх чахлых кустиков бессмысленно и отрешенно...

Маленький, худенький Вася плакал, уткнувшись носом в грудь большого и грузного Арона. Не замечая собственных слез, Арон гладил Васю по голове и что-то пришептывал ему и пришептывал.

Потом все вместе молча и долго шли сквозь строй еще неухоженных, свежих могил, без памятников и надгробий, с наспех сколоченными оградками, с увядшими, высохшими и сгнившими цветами, пожухлыми, выгоревшими черными лентами и облезлыми золотыми надписями на них.

За кладбищенским забором стояли две «Волги» — Лехи и Грини.

— Садитесь, мужики, — распахнул дверцы Леха.

— Мы пройдемся, Леха, — сказал ему Арон.

Казанцев вздохнул, покачал головой:

— Здесь, знаешь, сколько идти!..

— Не знаю, — ответил Арон. — Мы с Васей пройдемся.

— У вас хоть деньги есть? — спросил Леха.

— Что?.. — не понял его Вася.

— Я спрашиваю, деньги у вас есть?

— Ах, деньги... — Вася шмыгнул носом, вытер глаза. — Да, да. Конечно! Деньги... Есть деньги... А как же!

Вася торопливо полез во внутренний карман куртки и вытащил пачку пятидесятирублевых. Протянул ее Лехе:

— Вот, Леха... Пять тысяч... Возьми. Нас не будет, а вы ему памятник... Марксену Ивановичу... — и Вася снова заплакал.

Леха стал отпихивать пачку:

— Ты что, Васенька... Неужто мы сами не можем!..

— Возьми, Леха, — жестко сказал Арон. — Так будет правильно. Ну, а если не хватит — добавьте.

— А вы-то как же? — спросил Нема.

— А нам они с завтрашнего дня — ни к чему, — ответил Арон.

Он обнял Васю за плечи и повел его вдоль кладбищенской ограды, а потом через пыльный, грязный, раскаленный солнцем пустырь, к шоссе, по которому надо было еще долго-долго идти, чтобы добраться до знаменитого города моря, когда-то прекрасно придуманного лучшими писателями России двадцатых годов...

Как навсегда покидают родные берега

В кабинете таможенной смены у широкого окна стояли Леха Ничипорук, Гриня Казанцев, Нема Блюфштейн и сам начальник.

Леха и Гриня были в старых стиранных джинсах, вполне цивильных рубашечках и одинаковых кроссовках. Нема — в сандалиях, бывших форменных брюках с голубым кантом, в летней бежевой форменной рубашке с короткими рукавами и следами бывших погон на плечах.

Через окно был хорошо виден «Опричник», увешанный старыми автомобильными покрышками и притянутый к причальной стенке швартовыми концами.

Видно было, как офицер-пограничник с уоки-токи на плече проверял документы у Арона и Васи.

— Дипломы рулевых у них, конечно, куплены. Тут и к гадалке не ходи, — равнодушно сказал начальник смены.

— Вам лишь бы черт-те что наклепать на людей! — обозлился Леха.

— Я тебя умоляю! — сказал начальник смены. — Ты бы видел, как они к причалу подходили! Чуть пол-Одессы не разнесли своей лайбой. Да и регистрационное удостоверение у них липовое. Никакой экспертизы не нужно.

— И яхта у них краденая, да?! — возмутился Гриня Казанцев.

— Нет. Яхта у них собственная, и они утонут с ней еще в десяти милях от нашего берега.

— Типун тебе на язык!.. — сказал Нема. — Спасибо, что ты их еще не тряс, как грушу!

— А чего их трясти? Блоха в кармане и вошь на аркане...

— У вас таможня — значит, — волки. Вампиры. А мы трясем только в

трех случаях: когда есть информация — раз! Сами понимаете откуда... Когда видишь, что клиент говно и ему нужно испортить настроение — два. И когда он сам трясется так, что из него все сыплется — три! А этих ваших двух мудаков можно было и не досматривать. Пускай плывут. Что мы — не люди, что ли? Иногда на такое глаза закрываешь!.. Думаете, я не видел, что у них карты и лоции Министерства обороны, да еще с грифом «Для служебного пользования»? Я же не спрашивал, откуда они! Или, к примеру, спасательные жилеты...

— А как можно без спасательных жилетов людям, не умеющим плавать? — не выдержал Нема.

— Действительно, без жилетов — никуда, — подтвердил таможенник. — Но ты бы, Нема, хоть инвентарный номер вашего клуба с этих жилетов догадался бы стереть! Или тузик надувной... По сертификату спасательных плавсредств не числится, а тут вдруг появился. Откуда бы это, а, Нема?..

— Ладно тебе, Иван! Приебался, как банный лист... — оборвал его Казанцев. — Проводить-то их хоть можно? Мы специально в гражданское вырядились, чтобы погонями не отсвечивать...

— Конспираторы! — усмехнулся Иван. — Погодите. Узнаю, пограничники кончили с ними работать или нет...

Он взял со стола уоки-токи, нажал на кнопку и спросил:

— Ну, что с этими самоубийцами на яхте — порядок?

И из уоки-токи ответили этак задумчиво:

— Порядок-то, порядок... Только не знаю — выпускать их или нет... Потонут еще засранцы! На такой громадине минимум человек шесть должно быть, а они вдвоем... Да еще ни уха, ни рыла не смыслят в этом деле! Верная гибель!.. Жалко ведь мужиков, Иван Сергеевич...

— Тебе-то что? — ответил в уоки-токи Иван. — Стоишь на страже рубежей нашей необъятной вот и стой! Ишь, жалостливый какой!

Он положил уоки-токи на стол, надел фуражку и сказал:

— Айда, мужики... Лапками помашите на прощание. И не болтайте лишнего — у нас тут каждый второй стучит. Не подводите.

Уже на выходе, запирая дверь кабинета, спросил у Блюфштейна:

— Когда тебя-то досматривать будем, Нема?

Долго стояли на пирсе в трех метрах от борта «Опричника», а Василий и Арон в кокпите своей яхты. И все были слегка растеряны. Разговор, как обычно в таких ситуациях, не получался и угасал.

У яхты торчали два молодых солдатика-пограничника, бдительно ели глазами и провожающих, и отъезжающих.

Начальник таможенной смены и старший пограннаряда с уоки-токи на плече деликатно болтали в сторонке.

— За могилой присмотрите... — говорил Арон.

— Само собой, — хрипел Леха.

— И памятник... — говорил Вася.

— Ну, сказали же!.. — раздражался Гриня Казанцев.

— С памятником не торопитесь, — предостерегал Арон. — Пусть земля осядет, а уж по весне...

— А то мы не знаем! Вы сами-то как?..

— Нормально.

— В туман — убирайте паруса, становитесь на якорь и дудите в трубочку!.. — советовал Нема. — Я ее куда-то в рундуки засунул...

— Ладно. Прощайте, ребята, — наконец сказал Арон. Пора...

— Нет слов, мужики... — Вася откровенно шмыгнул носом. — Просто нет слов... Нема! До встречи!

Блюфштейн грустно пожал плечами.

Арон завел двигатель. Леха и Гриня сбросили с кнехтов два швартовых конца, а третий, кормовой, не успели...

Яхта стала отходить от причала, но ее еще держал кормовой швартовый, натянувшийся так, что теперь его снять было уже невозможно.

— Стой!!! — крикнул Нема, но было уже поздно...

Арон прибавил обороты двигателю, вода за кормой вспенилась, забурлила, и яхту стало разворачивать носом в море... Плохо закрепленный швартовый конец соскользнул с бортовой утки и мгновенно обмотался вокруг кормового флагштока, на котором лениво полоскался государственный флаг Советского Союза.

Освобожденная яхта рванула вперед, флагшток обломился с громким треском и полетел в воду вместе с красным флагом и золотым серпом и молотом...

Без флага, без флагштока, оставив на Одесском причальном кнехте свой последний швартовый конец, уже не принадлежащий никакому государству, «Опричник» уходил в открытое море...

— Господи... — вздохнул Нема Блюфштейн. — Хоть бы они выгреблись!..

Часть вторая

«Ай гоу ту Хайфа»

Как Боба Бонд протянул руку помощи

И вот уже нет берегов ни спереди, ни с боков, ни сзади. Только вода, вода, вода...

Маленькие волны со вспененными загривками бегут друг за другом на равном расстоянии, с равными промежутками во времени...

А потом силы их иссякают, белые загривки мелкими пузырями рассыпаются в черной воде, и море рождает новые маленькие упорные волны, которые через несколько секунд тоже погибнут, чтобы уступить место вновь рождаемым...

«Опричник» покачивался на воде. Двигатель молчал. Отчетливо слышался плеск до срока умирающих волн, разбивающихся о его драгоценные борта красного дерева.

Наверное, титаническими усилиями был поднят и уже полоскался на слабом ветру стаксель, потому что вид Арона и Васи очень напоминал их вид в шиномонтажной в конце рабочего дня.

Теперь они поднимали грот. Собственно говоря, грот поднимал один Арон. Вася же держал в руках «Справочник яхтсмена» Боба Бонда, подаренный им Марксом Ивановичем Муравичем еще в Ленинграде, и читал вслух:

— «Матрос делает один оборот фала вокруг лебедки и поднимает...» Арон! Делай же один оборот фала!..

Арон послушно заложил фал вокруг лебедки.

— «...и поднимает большую часть паруса руками...» Давай, Арон!

Арон с усилием стал поднимать огромный парус...

— «...и поднимает большую часть паруса руками, пока это не станет слишком трудно...» Тебе трудно, Арон?

— А ты как думал, едрена вошь?! — прохрипел от натуги Арон.

— Хорошо... Так и должно быть. Читаем дальше! «Заложить еще несколько оборотов фала вокруг лебедки...» Погоди. Я сам заложу... — Вася обернул фалом лебедку и снова уткнулся в книгу:

— «...и прибегнув к помощи другого члена команды...» Вот он я...

Тут...

Арон изнемогал под тяжестью паруса, держа его на вытянутых руках:

— Васька! Читай быстрее, сукин кот! У меня уже руки отваливаются!..

— Тяжело в учении — легко в бою, — невозмутимо проговорил Вася и снова уткнулся в книжку: — Начинаем вращать лебедку!

Он стал крутить рукоятку и парус действительно пополз наверх, освобождая Арона от огромной тяжести.

Вращать лебедку становилось все труднее и труднее, и Вася в отчаянии закричал:

— Арон! Возьми книжку скорей!.. Мне одной рукой не провернуть. Не чухайся!..

— Да брось ты ее на палубу!

— За борт свалится! Бери книжку, читай, что дальше делать-то!..

Арон перехватил у Василия «Справочник яхтсмена». Вася двумя руками стал крутить рукоятку лебедки. Арон прочитал вслух:

— «...Работающий на лебедке должен смотреть за передней шкаториной, чтобы она излишне не натягивалась...» Васька! Ты смотришь за «шкаториной»? Чтобы не натягивалась...

— Чтобы что «не натягивалась»?!

— Шкаторина! Неужели не понятно?!

— А что это?..

— А хрен его знает...

— Ладно, не бери в голову. Лопнет, тогда узнаем!..

Как первый раз в жизни делать разворот

Впервые после сорокапятилетнего перерыва, ставший сегодня уникальным, реликтовым явлением в яхтвенном мире, возрожденный «Опричник» неторопливо шел под собственными парусами...

Уже не полоскался беспомощно стаксель, упруго заполнился ветром грот, в меру натянулось все, что должно было натянуться, и Арон, стоявший у штурвала, уже нахально мурлыкал себе под нос:

— Я моря-ак красивый сам собою, мне от ро-ду двадцать лет. Па-любви меня со всей душо-ою, что ты ска-ажешь мне в ответ...

Василий деловито сидел в каюте за столом над первым листом карты Черноморского бассейна. И казалось, все идет очень толково и, до удивления, успешно, пока Василий не крикнул:

— Арончик! Курс?

Арон глянул на компас, бодро ответил:

— Нормальный!

Вася вздохнул, взял со стола карту и вышел в кокпит. Сказал Арону с мягкой укоризной:

— Ароша, когда я спрашиваю курс, ты должен посмотреть на компас и сказать, каким курсом мы идем, куда...

— Я посмотрел, — пожал плечами Арон. — Правильно идем, по картушке. Куда она показывает — туда и идем...

— Ты в своем уме?! — тихо спросил Вася и даже прикрыл глаза от возмущения. — У нас курс — сто девяносто три градуса! А ты... «По картушке...» Она-то всегда на север показывает! На ноль! Жопка с ручкой!!!

Василий бросил карту и вылез на крышу рубки. Вгляделся в горизонт и саркастически проговорил:

— Матрос-партизан Железняк!.. «Он шел от Одессы, а вышел к Херсону...» Чего было затевать эту волюнку с вызовами, с паспортами, с ОВИРом, если мы через два часа окажемся на родной советской земле... «Здравствуй, Лека! Здравствуй, Гриня! Привет, Нема!..»

Обескураженный Арон, придерживая штурвал, поднял карту, посмотрел на курс, проложенный еще Марксеном Ивановичем, и сокрушительно покачал головой:

— А я, дурак старый, по картушке и по картушке... Ну, ничего, Вася! Не бойсь! Сейчас все поправим!..

Он резко крутнул штурвалом на разворот в обратном направлении. Яхта перевалилась с одного бока на другой, возмущенно захлопали паруса, и гик, несущий на себе сто квадратных метров грота, мгновенно перелетел справа налево, сметая Василия с крышки рубки в открытое море.

— Ар-о-он!! — раздался истошный крик, и Арон увидел, что Василий болтается над водой, судорожно уцепившись руками за гик.

— Держись, Васька!.. Держись!!! — закричал Арон.

Он бросил штурвал, ухватился за гика-шкот и стал руками подтягивать огромный парус к середине яхты, приговаривая:

— Держись, Васечка... Держись, родненький!..

Неуправляемую яхту разбалтывало все сильнее и сильнее. Влажный гика-шкот выскальзывал из могучих рук Арона, прожигал ладони, но Арон не выпускал эту толстую нейлоновую веревку и все тянул ее и тянул на себя, преодолевая ветер, бьющий в огромный парус, утяжеленный болтающимся под ним Василием.

Когда же ноги Василия показались над яхтой, Арон прокричал:

— Бросай эту палку! Бросай, твою мать, тебе говорят!..

Вася разжал сведенные судорогой пальцы, свалился на крышку рубки и скатился в кокпит к ногам Арона.

В изнеможении Арон рухнул на Васю, помахивая на ветру своими обожженными и кровоточащими ладонями...

К вечеру похолодало.

«Опричник» шел курсом сто девяносто три градуса, и это было видно по компасу, от которого Арон теперь почти не отрывал глаз.

Был он в оранжевом спасательном жилете с надписью на спине: «Одесский военный округ». Руки Арона, лежавшие на штурвале, были забинтованы.

Из камбуза в кокпит вылез Василий — в таком же оранжевом жилете. В руках он держал большую кружку Муравича с горячим чаем.

Протянул чай Арону, а сам встал за штурвал. Арон уселся пить чай тут же — в кокпите, держа кружку двумя забинтованными руками.

— Болит? — спросил Василий.

— Не, нормально. Только бинты присохли. Потом отдирать придется...

— Отмочим, Ароша, не дрейфь, — успокоил его Василий и, продолжая, наверное, давно начатый разговор, сказал: — Даже если мы толкнем нашу яхту не за двенадцать миллионов долларов, а только за десять, тоже будет не кисло! Купим большой дом, заведем солидное дело...

— Ах, жалко Марксена Ивановича... — вздохнул Арон. — Как бы он за нас порадовался!..

При упоминании имени Муравича Василий часто задышал, засопел, заморгал... Из глаз непроизвольно пролились две слезинки, поползли по щекам до уголков рта. Руки Василия были заняты штурвалом, и с одной стороны он вытер слезинку плечом, а вторую просто слизнул языком. Помолчал, отдышался и сказал хрипловато:

— Если бы Марксен доплыл с нами до Израиля, клянусь тебе, я уговорил бы его остаться там с нами!.. Разделили бы эти десять миллионов на троих... Неужели ты не согласился бы?

— Я-то пожалуйста, а вот Марксен... Он бы ни в жисть не согласился! Он был настоящий русский интеллигент. А это — железные ребята... Они не бегали. Они стояли до последнего, — с нескрываемой завистью и печалью тихо возразил Арон.

— Что ты мне говоришь! — загорячился Василий. — Да, начиная с семнадцатого года... Все эти писатели, художники, музыканты!..

— Во-первых, не все они интеллигенты. А настоящих силой

выкидывали. А то так обкладывали со всех сторон, что оставалось только два выхода — или в петлю, или за бугор. И то потом все норовили вернуться...

Дважды хлопнул ослабевший парусиновый грот, мелко заполоскал стаксель.

Арон привстал, тревожно посмотрел на паруса, на компас, на горизонт и сказал:

— Следи за курсом, Васька! А то у тебя яхта рыскает, как пьяная курва на танцплощадке...

Первую половину ночи у штурвала стоял Арон. Напряженно вглядывался в непроницаемую черноту, следил за компасом, освещенным слабенькой подсветкой, и веки его время от времени смыкались от усталости и изнеможения. Но Арон пересиливал себя, испуганно открывал глаза, убеждался, что не успел сбиться с курса, и снова таращился в темноту черноморской ночи...

А Василий в это время спал в каюте. Но это был не сон-отдохновение, не успокоительное состояние, и уж совсем не восстановительный процесс. Сон Василия напоминал нервную, тяжелую работу. Он храпел, храп его неожиданно прерывался какими-то вздрагиваниями, Василий чмокал губами, тоненько повизгивал, на мгновение открывал бессмысленные глаза, приподнимал голову, ронял ее, со стоном переворачивался на другой бок и снова начинал храпеть, исторгая такие рулады, такую полифонию храпа, наличие которой нельзя было даже заподозрить в его тщедушном теле...

Как происходят восход и затмение солнца

Под утро Василий уже стоял на руле. Невыспавшийся, с красными опухшими глазами, раздираемый зевотой, он всматривался в слабенький серый утренний туман, вслушивался в мерный скрип такелажа и плеск воды за бортом и ежился от сырости и холода.

На шее у него, словно у музыканта военного оркестра, висел скрученный из проволоки пюпитр, на котором вместо нот лежал раскрытый «Справочник яхтсмена» Боба Бонда. Изредка Василий отрывал руку от штурвала, слюнил палец, перелистывал книгу, вчитывался в ее строки и производил какие-то манипуляции, соответствующие указаниям мудрого Боба...

Теперь в каюте спал Арон. Спал спокойно, глубоко и размеренно

дышал. Одна толщенная и волосатая рука была закинута за голову, вторая, с синей корявой надписью «Не забуду мать родную», свисала с узенькой койки на пол каюты. Арон спал так же, как всегда спал дома, будто под ним не толща соленой воды в тысячу метров, а любимый продавленный диван на втором этаже ленинградской блочной «хрущобы»...

Туман оседал, ложился на спокойную, гладкую воду. Слева по курсу небо все розовело и розовело, вдруг...

...на горизонте появилась тоненькая сверкающая полоска!..

С востока по воде помчался первый огненно-желтый солнечный луч, ударился о левый борт «Опричника», вызолотил верхушку мачты и залил паруса утренним радостным светом!..

Пораженный невиданным зрелищем, Василий не смог один наслаждаться восходом солнца и негромко прокричал:

— Арон!.. Арончик! Проснись!.. Посмотри, что это?!

Вылез из каюты заспанный Арон. Увидел восход и обомлел!..

И сказал хриплым ото сна голосом:

— Умереть...

— Что?.. — не понял Василий.

Арон помотал головой, проглотил комок:

— Я говорю, что мы с тобой могли состариться, умереть и никогда этого не увидеть...

Солнце торжественно выползало из-за горизонта. Потрясенный Арон растроганно сказал:

— Спасибо тебе, Васька...

Василий рванулся к нему, захотел обнять, но мешал пюпитр со справочником.

— Подержи штурвал, — попросил он.

Одной рукой Арон придержал штурвал. Василий сорвал с груди пюпитр со спасительным Бондом и бросился в объятия к Арону:

— А тебе-то какое спасибо, Арончик!..

Подставив лица восходящему солнцу, они стояли в обнимку и были не в силах оторвать глаз от этого живительного, сверкающего диска, который теперь уже наполовину показался над водой!..

Когда же их восторг достиг мистического предела, из воды, на фоне солнечного диска неожиданно стало всплывать что-то огромное и черное. Оно перекрыло большую часть солнца и «Опричник» оказался в тени этого неведомого чудовища.

— Батюшки!.. Это еще что за хреновина?! — воскликнул Арон.

— Подводная лодка... — почему-то шепотом сказал Василий. — Я

точно такую же по телевизору видел!..

И в ту же секунду с подводной лодки раздалась длинная английская фраза, усиленная мощными динамиками.

— Чего он сказал? — спросил Василий у Арона.

— А я откуда знаю?.. — огрызнулся Арон.

— Но ты же учил английский!..

— А он это по-английски?

— Ну, не по-еврейски же! В море говорят только по-английски...

С лодки вновь раздалась та же фраза, но уже с угрожающими интонациями.

И тогда Арон заорал, что было мочи:

— Ай гоу ту Хайфа!!! Ай гоу ту Хайфа, еб твою мать!..

В рубке подводной лодки человек в штатском сказал командиру лодки капитану второго ранга:

— Я же говорил вам, что это они!

— Мне это дело вот как не нравится! — капитан второго ранга провел себе ребром ладони по горлу. — Военный корабль может остановить и досмотреть любое другое судно, если он подозревает его в торговле людьми, наркотиками или в пиратстве. Если же это не будет доказано, мне грозят такие неприятности!.. Тем более, что мы уже давно находимся в нейтральных водах!..

— Вам грозят гораздо большие неприятности, если вы не выполните моего указания! — рявкнул на командира лодки человек в штатском. — Я осуществляю безопасность нашей страны и...

— Хорошо, хорошо... — брезгливо оборвал его командир лодки...

...и тогда Василий и Арон услышали из динамиков привычную русскую речь в привычном повелительном наклонении:

— Предлагаю замедлить ход, лечь в дрейф, убрать паруса и подготовить документы и судно к досмотру!

Как важно понять, что это «наши люди»

Солнце уже давно стояло в зените, а «Опричник» со спущенными кое-как парусами все еще покачивался на воде.

В кокпите яхты у наглухо закрытого входа в каюту стояли два матроса с автоматами. На баке расположился третий вооруженный матрос.

На подводной лодке раздраженный капитан второго ранга нервно

посматривал на часы и говорил своим двум помощникам — капитану третьего ранга и капитану-лейтенанту:

— Почему именно нас выбрали для этих гнусностей?! Да еще и в нейтральных водах!..

В душной каюте «Опричника» с задраенными иллюминаторами и дверью за столом по-хозяйски сидел человек в штатском. Перед ним лежали документы Арона и Васи.

По другую сторону стола, измученные трехчасовым допросом, стояли мрачные Василий Рабинович и Арон Иванов. Дышать было нечем. Хотелось пить, и Арон и Вася все время облизывали пересохшие губы.

— Теряем время!.. — сокрушенно сказал человек в штатском. — А нужны мне от вас, Арон Моисеевич и Василий Петрович, сущие пустяки: сколько и в какой валюте вы заплатили подполковнику Ничипоруку, полковнику Казанцеву и бывшему майору Блюфштейну за транспортировку яхты из Ленинграда в Одессу?

И в ожидании ответа человек в штатском протянул в сторону Арона и Васи диктофон.

— Ничего мы никому не платили, — просипел Арон, с ненавистью глядя на человека в штатском.

— Таких ответов у меня уже целая кассета, — сказал человек в штатском. — Тогда, что вы им такого пообещали, что заставило Ничипорука погрузить вашу яхту в транспортный самолет Военно-воздушных сил, а Казанцева поднять в воздух боевой тяжелый вертолет и доставить вас вместе с яхтой на спортбазу военного округа к Блюфштейну? За что они пошли на такой риск?

— Да ни за что! Просто так, по дружбе... — вздохнул Вася.

— Может быть, они вас о чем-то просили? Что-то кому-то передать? Сообщить?.. А, Василий Петрович? Арон Моисеевич?..

— Нет, — сказал Арон.

— Я даже допускаю, что вы тут совершенно ни при чем. Но я хотел бы понять действия Ничипорука, Казанцева и Блюфштейна. Тем более, что у Блюфштейна родственники в Америке...

— Гражданин начальник, а просто в нормальные человеческие отношения вы верите? — устало спросил Вася.

— Нет! — широко улыбнулся человек в штатском. — Не верю, Василий Петрович. Мой долг и моя профессия не позволяют мне таких роскошеств. Хотя ничто человеческое мне не чуждо. Вы хотите пить... И я хочу пить!.. Вот видите, у нас даже желания совпадают!

Он взял со стола чайник, взболтнул его, убедился, что там есть вода, и

добавил:

— Но я попою сейчас, а вы только после того, как ответите на все мои вопросы.

Он обернулся к посудной полке и взял большую старую кружку Марксена Ивановича Муравича.

— Положь кружку на место!.. — вдруг негромко просипел Арон.

Человек в штатском замер на секунду, но решил не накалять обстановку:

— Что же это вы, Арон Моисеевич? Я к вам на «вы», а вы мне — на «ты»... Неинтеллигентно.

Осмотрел кружку со всех сторон, не нашел в ней ничего подозрительного и поставил на место. Налил воды в стакан и, смачно прихлебывая, в упор посмотрел на Арона и Василия:

— А может быть, вы, Арон Моисеевич, и вы, Василий Петрович, получили какое-нибудь задание от Блюфштейна, Казанцева и Ничипорука?

— Что-о-о?.. — удивленно переспросил Вася, и Арону стало понятно — в голове у Василия родилась какая-то идея.

— Я спрашиваю, было ли у вас какое-нибудь задание от... — но человек в штатском так и не успел договорить фразу.

Василий облегченно вздохнул и без разрешения рискованно и свободно уселся на противоположный диванчик. Легко сказал Арону:

— Садись, Арончик. В ногах правды нет.

Он насильно усадил Арона рядом с собой и незаметно наступил ему на ногу. И только после этого улыбнулся человеку в штатском:

— А вы, коллега, отложите диктофончик в сторону. И выключите его. Вот так... И уберите матросиков от дверей каюты. Береженого — Бог бережет...

По лицу человека в штатском проскользнула тревога и непонимание ситуации. Было видно, что он явно теряет почву под ногами.

— Уберите, уберите, повторил Вася. — Здесь все свои.

И налил воду в стаканы — себе и Арону.

Человек в штатском выглянул за дверь каюты и распорядился:

— Быстро на нос яхты! И смотреть в оба!..

Он вернулся за стол и с нескрываемым волнением уставился на Василия и Арона. А Василий, продолжая наступать на ногу Арона под столом, тихо рассмеялся и сказал:

— Узнаю наше родное ведомство!.. Сколько лет твердим о порядке, о взаимодействии, об элементарной информированности всех отделов и подразделений, а ведь по сей день одна рука не знает, что делает другая!..

Ах, нет на нас Андропова... Не вовремя ушел от нас Юрий Владимирович!.. Не вовремя.

— Вы это... о чем? — насторожился человек в штатском.

— Ваше имя-отчество? — светски поинтересовался Василий.

— Феликс Сергеевич... — растерянно ответил штатский.

— Ну, что, Арон Моисеевич? Не будем играть с Феликсом Сергеевичем в кошки-мышки? — негромко спросил Вася и еще сильнее нажал под столом ногу Арона.

— Я бы не рисковал, Василий Петрович, — вдруг ответил Арон.

Смятение Феликса Сергеевича достигло предела. Он быстро поправил галстук и одернул на себе пиджак.

— То, что вы не поверили в историю нашего случайного знакомства с экипажем Ничипорука в ленинградском ресторане, делает вам честь! — покровительственно сказал Вася. — Всегда приятно иметь дело с профессионалом. Ну, конечно же, Феликс Сергеевич, никто просто так не поднимет в воздух огромный военный самолет, чтобы перевезти яхту каких-то зачуханных эмигрантов! И тут вас не обманула ваша интуиция!.. А уж тем более цеплять эту яхту к тяжелому боевому вертолету! Не говоря уже о снабжении этой яхты за счет вашего военного округа...

Вася встал и выложил перед Феликсом Сергеевичем спасательные жилеты с надписью «Одесский военный округ».

— Все эти буквы, цифры, конечно, недоработка местных органов, но... Еще до Босфора их не будет. И конечно же есть задание! И тут вас чутье не подвело! Мало того, Феликс... Виноват, отчество забыл.

— Сергеевич, — быстро подсказал человек в штатском.

— Так вот я и говорю: мало того, уважаемый Феликс Сергеевич, задание — архисерьезное!.. Дойти живыми до Израиля, легализоваться, продать эту яхту, купить большой дом, завести солидное дело и как можно плотнее внедриться в чужую нам пока обстановку! А там... Ясно вам, Феликс Сергеевич?

— Так точно, Василий Петрович, но...

— Сами понимаете, Феликс Сергеевич, всего сказать не могу.

— Я понимаю, но все же странно... Надо же было как-то...

— Ничего странного, — оборвал его Арон. — Значит, не надо было. — Он развалился на диванчике, закинул ногу за ногу и, пристально глядя на совсем растерявшегося Феликса Сергеевича, угрожающе проговорил:

— И не вздумайте трогать Ничипорука, Казанцева и Блюфштейна! Это НАШИ ЛЮДИ!

— Слушаюсь, Арон Моисеевич...

— И еще, Феликс Сергеевич. Если хоть одна живая душа, включая и ваше непосредственное начальство, узнает истинное положение вещей... — сказал Вася.

— Ох, не завидую я тебе, парень! — добавил Арон.

— Что вы! Что вы!.. Как можно... — Феликс Сергеевич был совсем раздавлен. — Мне ли не знать!..

— И кончайте волынить с Блюфштейном! — уже совсем строго сказал Василий. — Наш человек специально со скандалом уходит из армии, подает заявление на выезд, а вы его тормозите!.. Тем самым срываете легальную переброску нашего человека за границу! Вы что у себя там, с ума посходили?! Тем более, у него тетка в Америке! Когда еще представится такой случай!..

На компасе — сто девяносто три градуса.

Паруса наполнены свежим ветром, и «Опричник» мчит по водяной глади, оставляя за кормой черноморские мили...

Дело близилось к вечеру, и солнце теперь высвечивало правый борт яхты, окрашивая паруса нежно-оранжевым светом.

А пока усталый Василий стоит у штурвала, с трудом удерживая яхту в нужном направлении.

В камбузе орудует Арон. Вскрывает консервные банки, кипятит чайник на газовой плите. Готовит ужин.

— Как тебе это в голову пришло?! — кричит он из камбуза и хохочет, как сумасшедший.

— Как только он спросил — не было ли у вас задания! — крикнул ему Василий.

— Ну, портянщик!.. Ты, Васька, для меня непрочитанная книга! Что ни день — новая страница!

— Не приbedняйся, ты тоже — не подарок! — крикнул Василий и передразнил Арона: — «И не вздумайте трогать Ничипорука, Казанцева и Блюфштейна! Это НАШИ люди!..»

— А что мне оставалось?.. Ты ему лапшу на уши вешаешь, а я что, пальцем деланный?..

— Арон, мы давно выяснили, чем тебя делали. Ты лучше в английском потренируйся, а то мне не очень понравилось твое произношение.

Ночью на руле стоял Арон. Вглядывался в черноту южной ночи, поглядывал на компас.

Дверь в каюту была открыта. Там за столом, под небольшой лампочкой сидел Василий и заполнял большую бухгалтерскую книгу. Рядом были разложены карта, линейка, транспортир...

— Васька! Кончай аккумуляторы расходовать! — сказал ему Арон. — Случись что — потом двигатель не заведем. Чего ты там корябаешь?

— Веду вахтенный журнал. Марксен велел... — Василий посмотрел на фотографию Марксена Ивановича, висевшую на переборке каюты. — В Израиле, Арончик, долгими зимними вечерами мы будем читать его друг другу вслух...

— В Израиле нет зимы, — на полном серьезе возразил Арон. — Ложись спать. Тебе через полтора часа на вахту...

— Интересно, где мы сейчас? — уткнулся в карту Василий.

— А хрен его знает, — легкомысленно ответил Арон.

— Марксен говорил — суточный переход яхты — сто миль. Если от Одессы до Босфора триста двадцать шесть миль, а мы уже топаем вторые сутки... Значит...

— Этот мудила — Феликс Сергеевич — нас еще полдня продержал. Учти.

— Учел... — Василий приложил линейку к карте, посчитал шевеля губами: — Где-то недалеко от Румынии... Километров сто, примерно, от Констанцы.

— Иди ты! — удивился Арон. — Значит, мы уже за границей?!

— Конечно.

Арон закурил головой, вглядываясь в черноту ночи:

— О, бля!.. И как назло ни хрена не видно!.. Васька! Давай, махнем в Румынию! К утру будем...

Василий улегся на диванчик, натянул на себя одеяло и сказал:

— Сохрани нас, Господь, от заходов в какую-нибудь страну бывшего Соцлагеря и Экономической Взаимопомощи! Как только они узнают, откуда мы, они тут же нам яйца отрежут. Это в лучшем случае, а в худшем...

— Но мы-то тут при чем?! — закричал Арон.

— Ароша, мы с тобой почти по пятьдесят лет прожили в Стране Советов. Хотим мы этого или нет, но в какой-то степени мы за все в ответе, — и за Венгрию, и за Чехословакию, и за Афганистан, и вообще за все, — уже сонно проговорил Василий и потушил свет в каюте.

Как задушевно поболтать на стометровой глубине!

Глубоко под водой шла подводная лодка.

Ни один луч света не проникал в мрачные черноморские глубины, и силуэт лодки лишь угадывался в крошечной тьме подводного царства.

Во всех отсеках лодки, словно каторжане в рудниках, работали измученные люди. Потухшие глаза, усталые лица, залитые потом, широко раскрытые рты от недостатка воздуха. Каждый на своем месте — у своего пульта, у своего агрегата, у своего дисплея... Негромкие отрывистые команды, короткие ответы.

...В маленькой тесной каюте командира подводной лодки очень пьяный капитан второго ранга говорил не очень пьяному человеку в штатском:

— У нас, Феликс Эдмундович...

— Сергеевич, — поправил командира человек в штатском.

— Виноват... У нас, Феликс Сергеевич, на лодке строжайший, категорический сухой закон!.. Но для вас, Феликс Эдмундович...

— Сергеевич, — снова поправил Феликс Сергеевич командира.

— «Сергеевич»... «Эдмундович»... Какая разница?.. Все вы «Феликсы Эдмундовичи»! Давай, Эдмундыч, выпьем с тобой за упокой души этих... На яхте... Которых ты допрашивал...

Феликс Сергеевич поднял свою рюмку, усмехнулся:

— Ну зачем «за упокой души»... Это серьезные, опытные люди...

Командир лодки рассмеялся, тоже поднял свою рюмку:

— Опытные!.. Я видел, как они в дрейф ложились, как паруса убирали...

— А может быть, так было нужно?

— Я тебя умоляю!.. Они уже покойники. Давай выпьем!

— За их успех с удовольствием! — приподнято произнес Феликс Сергеевич, посмотрел куда-то вдаль слегка увлажненными глазами и медленно выпил рюмку до дна.

Командир лодки тоже собрался было выпить, но вдруг увидел лицо Феликса Сергеевича, все еще хранившее торжественное выражение, и все понял! Он поставил рюмку на стол и ошеломленно спросил:

— Так это, что... ВАШИ ЛЮДИ?!

Феликс Сергеевич горделиво улыбнулся и красноречиво промолчал.

Командир лодки прямо зашелся от бешенства! Закричал:

— Мы каждую минуту жизнью рискуем!.. А вы!.. На наши деньги! Да если бы я знал!.. Я бы по ним еще до всплытия так жахнул, что от них даже дыма не осталось бы!!! Ползаете, сволочи, по всему свету, мутите воду, строите разные пакости, а расхлебывать нам?!

Феликс Сергеевич тихонько вынул из кармана диктофон, включил его

и незаметно положил на стол под салфетку.

— Мне бы не хотелось разговаривать в таком тоне, — степенно сказал он.

— Молча-а-ать!!! — рявкнул командир лодки, схватил со стола одну из бутылок и с размаху ударил ею как раз по тому месту, где под салфеткой лежал включенный диктофон. Брызнули во все стороны осколки. — Молчать! Я здесь царь и бог, и воинский начальник!!! Я один, своей старой дерьмовой лодкой, даже не всплывая, могу в одну секунду развязать третью мировую войну!!! Я пасу такой ядерный заряд, что тебе Чернобыль покажется раем!.. Слышишь ты, Эдмундыч хуев?!

Феликс Сергеевич не на шутку испугался:

— Я не хотел сказать ничего обидного... Я ценю ваше повседневное мужество, я с глубочайшим вниманием отношусь ко всему, что вы говорите... — он незаметно заглянул под салфетку и увидел там ошметки от диктофона. — Боже меня сохрани, что-либо...

— Вот именно... — уже негромко, приходя в себя, сказал капитан второго ранга и залпом выпил большую рюмку. И повторил:

— Вот именно — Боже тебя сохрани! А то я прикажу записать в вахтенный журнал, что ты погиб при исполнении служебных обязанностей и... привет, Феликс Эдмундович! Понял?..

Как проводить «урок гуманизма» в открытом море

«Опричник» лениво покачивался на воде. На слабом ветру трепыхался полуспускаемый стаксель. Большого паруса — грота не было и в помине. С мачты свисали обрывки каких-то веревок, и вообще яхта имела довольно потрепанный вид.

Не лучше выглядели и мореплаватели.

На физиономиях полуседающей щетина почти недельной давности, провалившиеся от усталости и постоянного недосыпа глаза, оранжевые спасательные жилеты, надетые на голое тело, руки, изрезанные шкотами и тросами...

Василий сидел на крыше каюты, зашивал большой парус толстой цыганской иглой. Рядом лежал раскрытый «Справочник яхтсмена» Боба Бонда, придавленный тяжелым разводным ключом.

Сделав несколько стежков, Василий заглядывал в книгу и сам себе читал вслух:

— «...а затем с обратной стороны стежка в точку С...» Так! Сделал... Дальше? «Вытащив иглу в точке С, повторите стежок столько раз, сколько потребуется...»

Василий тупо посмотрел на парус, снова заглянул в книгу и возмутился:

— А сколько требуется, ни черта не сказано!.. Ну, Боба! Написал «Справочник»!..

— Васька! — крикнул Арон из машинного отделения. — Чего ты на Бобу лаешься? Он же написал «Справочник яхтсмена», а не пособие для идиотов!

Перемазанный с ног до головы машинным маслом, грязными по локоть руками Арон перебирал в двигателе систему впрыска топлива — промывал разобранные форсунки, тонюсенькие отверстия продувал, прочищал проволочкой, протирал чистыми тряпками, которые тут же становились неузнаваемо грязными...

— Очень остроумно! — обиделся Василий. — Возьми иглу и шей сам.

— А ты будешь двигатель перебирать? Хватит того, что ты вместо солярки в топливный бак пресную воду захерачил! А я теперь мудохаяюсь... Ни о чем попросить нельзя!..

— Я виноват, что ты канистры рядом поставил, да?! Виноват?!

— Смотреть надо было, раздолбай! Теперь ни воды, ни топлива!

— Я «раздолбай»?!! А кто ночью большой парус порвал? Я, что ли?!

— Он сам порвался!

— Он порвался потому, что ты вовремя не взял рифы!

— Засранец! — закричал Арон. — Как я один, на руле, в темноте рифы возьму?! Ты дрыхнешь без задних ног...

Василий воздел руки к небу, трагически схватился за голову:

— О, боже мой!.. Как это космонавты по полгода вдвоем летают — ума не приложу!..

— Очень просто, — сказал Арон. — Если один космонавт говорит другому, что нужно залить в двигатель солярку, так тот льет солярку, а не пресную воду!

— Да пошел ты со своей соляркой!!! Окончательно заколебал, говнюк!.. — в ярости заорал Василий и схватил тяжелый разводной ключ...

Неизвестно, чем кончилась бы эта нервная перепалка, но вдруг послышался нарастающий вой мощных двигателей, и Арон с Василием увидели, что к ним на бешеной скорости мчится судно, похожее на современный торпедный катер.

Катер был чуть не вдвое больше «Опричника». Когда он подлетел

почти вплотную, да еще и обогнул «Опричник», не снижая оборотов своих могучих двигателей, бедную деревянную яхту разболтало так, что Арон и Василий только чудом не вывалились за борт!

Двигатели катера взвыли еще сильнее, вода за его кормой вспучилась белым пенным грибом, и катер остановился, как вкопанный.

— Вот это реверс!.. — восхитился Арон.

Тяжелые крупнокалиберные пулеметы катера мгновенно развернулись в сторону «Опричника», и с борта катера раздался короткий приказ по-английски.

— О, мать вашу в душу! Да что мы медом намазаны, что ли?! — выругался Арон и закричал во весь голос: — Ай гоу ту Хайфа!!!

В ответ раздалась короткая пулеметная очередь, вспоровшая воду у самого борта «Опричника».

Другой голос прокричал в мегафон эту же фразу, но по-немецки.

— Ай гоу ту Хайфа!.. — снова завопил Арон.

И снова прогрохотал пулемет.

Третий голос повторил приказ по-румынски.

— Ай гоу... — только было начал Арон, как пулемет снова дал очередь, а четвертый голос произнес приказ по-чешски.

Тут Арон в отчаянии закричал по-английски все, что успел выучить еще в Ленинграде:

— Кян ай юз е терминал энд бай дринк уотер!!! Йес, сэр, плиз, ю кян юз ауа терминал энд бай дринк уотер!.. Айм сори! Айм вери глед ту си ю!.. Хау мач кост сикс ауэ стендинг ту хендринт литерз ов дринк уотер... Ай гоу ту Хайфа!.. Ол райт!.. Бай-бай!..

На катере возникло замешательство. Затем пятый голос прокричал в мегафон что-то по-польски...

— Ай гоу ту Хайфа... — тупо прошептал Арон.

— М-да... — сказал Вася, не отрывая глаз от пулеметов. — Как говорится, «Говно твои дела, Иван-царевич, садись-ка ты на своего серого волка и скачи-ка ты к такой-то матери...» Говорил тебе — учи английский! — и зажмурился в ожидании пулеметной очереди.

Но на этот раз пулеметы промолчали. Зато шестой голос отдал приказ по-болгарски.

Вася и Арон беспомощно, но достаточно выразительно пожали плечами и развели руки в стороны.

И тогда с катера раздалась русская речь:

— Всем лечь лицом вниз! Руки за голову! В случае неповиновения открываю огонь!..

— Так бы и сказал!.. — пробормотал Арон и брякнулся на палубу. — Ложись, Васька! А то пристрелят ни за хрен собачий...

Как только Василий упал на палубу рядом с Ароном, с катера трижды прозвучали позывные — первая музыкальная строфа некогда популярной мелодии «Сталин и Мао слушают нас...», и на самой высокой точке катера, над радарной установкой, взвился большой черный флаг!

— Арончик, ты читал в детстве «Остров сокровищ»? — шепнул Васька.

— Конечно.

— Ну, так сейчас ты увидишь пиратов...

Поначалу все, действительно, происходило, как в добротном пиратском фильме!

«Опричник» пришвартовали к борту катера точно так же, как три дня тому назад к советской подводной лодке.

Арон и Вася были подняты на ноги и прикручены обрывками собственных шкотов к собственной же мачте. Рты у них были заклеены широкой липкой лентой.

А вокруг них, в черных комбинезонах с короткими рукавами и черных спортивных шапочках с козырьком и большим желтым иероглифом спереди до зубов вооруженные, с большими ножами у пояса стояли и ржали трое молодцов, каждый из которых в физическом развитии не уступал легендарному Арнольду Шварцнегеру.

И вдруг смех прекратился. Шварцнегеры вытянулись в струнку и, с несколько пугливой преданностью, устались на проход в каюту...

...в проеме которого, удивленно подняв брови, стоял маленький, тощенький, очень пожилой китаец в легкомысленном ярко-желтом комбинезончике с длинными рукавами и такой же ярко-желтой шапочке с козырьком, но с черным иероглифом. И без какого бы то ни было оружия.

В одной руке он держал документы Арона и Васи, а в другой — двести шестьдесят долларов, проданных им советским банком.

Глядя на своих пленников снизу вверх из кокпита, пожилой китаец спросил на превосходном русском языке:

— Это все, чем вы располагаете?

Вася и Арон замычали, закивали утвердительно...

Китаец нахмурился и дал знак своим молодцам освободить пленников. Один тут же бросился отвязывать их от мачты, а двое поспешно сорвали куски липкой ленты с их ртов.

Раздался дикий двухголосый вопль боли! На том месте, где небритые лица Арона и Васи были заклеены лентой, — пятидневной щетины как не

бывало...

Зато вся она осталась на внутренней стороне ленты, которую теперь разглядывали три здоровенных пирата, с трудом удерживаясь от хохота.

Пожилой китаец укоризненно покачал головой и, протянув тоненькую хрупкую ручонку с кровными долларами Арона и Васи:

— Я сейчас повторю вопрос. А вы, прежде, чем спешить с ответом, хорошенько подумайте. Мы обладаем приборами, которые безошибочно реагируют на золото, платину, бриллианты, где бы они ни были спрятаны: забиты ли в виде гвоздей, впаяны ли в монтажные схемы радиостанций, заделаны ли в киль яхты, в ее такелаж... В случае обнаружения этот участок выпиливается электронной пилой, а яхта сжигается напалмовыми огнеметами вместе со всем экипажем. Даю справку: все предыдущие суда сгорали за шесть-восемь минут...

— О, бля, техника!.. — удивленно сказал Арон.

Китаец польщенно улыбнулся:

— Естественно, это зависит от конструкции судна и его водоизмещения. Итак, повторяю свой вопрос. Это все, что у вас есть?

И китаец чуточку раздраженно потряс жиденькой пачкой долларов.

— Да!.. — сказал Вася, морщась и потирая безволосый квадрат на лице.

— У нас больше не меняют... — мрачно подтвердил Арон.

— Это вам выдали на один день? — не понял китаец.

— На всю оставшуюся жизнь, — объяснил ему Вася.

— А как же провиант, топливо, ремонт, наем лоцмана, оплата стоянок, зарядки аккумуляторов, покупка пресной воды?..

— А кого это у нас колышет? — буркнул Арон.

У пиратов вытянулись физиономии. Пожилой китаец возмущенно втянул ноздрями воздух, прикрыл глаза.

Из воды, при помощи толстого линя и острозубой «кошки», через борт яхты перевалился четвертый пират в легком водолазном костюме с аквалангом на спине и безошибочным прибором в руках.

Китаец открыл глаза, вопросительно посмотрел на него. Тот отрицательно покачал головой. Пираты переглянулись...

В эту секунду из каюты, зажимая рот, со стоном выскочил пятый пират и, чуть не сбив с ног пожилого китайца, помчался на бак. Там он перегнулся через носовой релинг и стал неудержимо блевать.

За ним из каюты вышел шестой пират. В руке он держал точно такой же прибор, как и у аквалангиста. И тоже, как аквалангист, отрицательно покачал головой.

— Это я уже понял, Сташек, — негромко произнес старый китаец. — Что с Клаусом?

И он показал на блюющего пирата. Пират Сташек начал было отвечать ему по-китайски, но старик улыбнулся и сказал:

— Можешь говорить по-русски. Тебе не повредит практика. Так что с Клаусом?

— Он решил немножко кушать у них на камбузе. Хотел узнать, чем питаются русские в море... — с легким акцентом сказал Сташек.

— Как неосторожно, — старый китаец поднял глаза к небу и горестно покачал головой.

Пираты смотрели на Арона и Васю с ужасом и жалостью.

— Что он там у нас сожрал? — шепотом спросил Вася у Арона.

— Да там ничего особенного не было! Перловка и частичка в томате... Абсолютно свежий. Только сегодня банку открыл... — прошептал Арон.

— Надо было хоть луковку покрошить! Иностранцы же!..

— Кто ж знал!.. У нас двести восемьдесят миллионов жрут и радуются, а его, видишь ли, блевать потянуло, суку!..

Пожилой китаец оглядел пустынный горизонт, помолчал и наконец принял решение.

— Так... — Негромко сказал он. — Будем считать этот захват учебно-тренировочным. А пока, пользуясь тем, что объект захвата не может продолжать самостоятельное движение из-за неисправности двигателя и парусной оснастки, попробуем на нем детальную отработку редчайшей ситуации в нашей профессии — всестороннее оказание помощи объекту или так называемый «Урок гуманизма». На протяжении всего «Урока» говорим только на языке объекта!..

Уже через десять минут один пират виртуозно зашивал парус.

...второй — быстро и ловко менял оборванные шкоты и фалы...

...третий — помогал Арону собирать двигатель...

...четвертый — корпел в каюте над картой. Рассчитывал для «Опричника» подходы к Босфору...

...пятый — добросовестно перемывал гору грязной посуды на камбузе...

...шестой — мотался между своим пиратским катером и яхтой — таскал на «Опричник» какую-то провизию, бутылки с минеральной водой...

В кокпите сидели старый китаец и Василий. Великосветски пили горячий китайский чай из черных китайских чашечек, закусывали крохотным печеньицем с черного лакированного китайского подносика.

Одновременно с чаепитием старый китаец разглядывал вырезку из иностранного спортивного журнала, которая и подвигнула Василия и Арона на покупку «Опричника».

— Цена здесь, как и в любом рекламном издании, излишне эффектна, но... Если вашу яхту переоборудовать и реставрировать... — снисходительно говорил старый китаец.

— Мы двадцать тысяч заплатили за реставрацию! — горячо сказал Василий.

— «Двадцать тысяч» чего? — любезно осведомился китаец.

— Рублей!..

— Реставрация, о которой говорю я, должна стоить не двадцать, а двести тысяч. И не рублей, а долларов. Тогда за вашу яхту вы сможете получить миллионов восемь. Так что потенциально — вы очень богатые люди! Если не будете торопиться с продажей. Но мысль — превосходная! И яхта очень, очень хорошая... Поверьте моему профессиональному опыту — за тридцать пять лет беспорочной службы во всех акваториях мирового океана я потопил таких яхт более полутора сотен и могу по достоинству оценить вашу покупку.

От последней фразы старого китайца Васю слегка качнуло, но он взял себя в руки и сказал, элегантно прихлебывая из чашечки:

— Спасибо на добром слове... Но я никогда не знал, что ваша деятельность распространяется и на Черное море.

— Да, сравнительно недавнее начинание... Я бы сказал, что это уже плоды НАШЕЙ перестройки, — улыбнулся китаец. — Когда у нас на Тайване было решено создать хотя бы одну группу пиратов в бассейне Черного моря, мне предложили возглавить ее в качестве капитана-наставника. Или, как теперь говорят, в роли «играющего тренера». Буду честен: не хотелось покидать родные места. Семья, возраст... Но!.. Новизна так заманчива, а я по натуре человек творческий, ищущий... Я не смог отказаться. И не жалею об этом. Коллектив прекрасный, абсолютно интернациональный, из представителей всех, в прошлом, социалистических стран. Очень закаленные люди. Здесь и венгр, и поляк, и чех, и румын, и восточный немец, и даже болгарин...

— А русских нет?

— Поначалу был и русский, был и северный кореец. Но они оказались столь ортодоксальными, что их пришлось... Сами понимаете, — улыбнулся пожилой китаец и потыкал пальчиком куда-то вниз.

— Откуда они все русский знают?

— Ну, во-первых, вы заставляли их изучать ваш язык еще в школе. А

потом, помните, было ведь очень модно приглашать в Союз на учебу иностранцев. Почти все они — выпускники советских институтов.

— Интересно... А вы... Виноват, не знаю имя-отчества... — культурненько отставив грязноватый мизинец, Вася прихлебнул из маленькой чашечки.

— Ши Го-сюн, — слегка поклонился китаец.

— Очень приятно! А вы откуда же так, по нашему?

— Оттуда же. Только на много лет раньше. В пятидесятые годы, когда два великих народа с упоением пели «Русский с китайцем братья навек...», я заканчивал философский факультет Московского университета. И очень хорошо учился.

— Так оно и видно, — искренне согласился Вася.

Из каюты вышел пират с картой в руках. Что-то почтительно проговорил по-китайски, оборвал себя на полуслове и сплюнул:

— Тьфу, епа мать!.. Все в башка перемешалось!..

— Продолжай, Иржи, не нервничай, — сказал ему китаец.

Иржи показал карту Василию, стал тыкать в нее пальцем:

— Смотри, Вася... Вас отнесло вот сюда. Теперь на Босфор у вас курс изменился — сто четырнадцать градусов! И помните о магнитном склонении! Оно здесь три и четыре десятых градуса. Маяк Румели остается с правого борта. Почитай обязательно лоцию!.. Строго идите по курсу. Вот сюда не заползайте — это район военных учений и стрельб. Прихлопнут в одну секунду. Или ваши, или турки. А дальше по своей прокладке. Ты сам ее делал?

— Нет, — честно признался Вася. — Это делал один наш друг. Его теперь нет в живых...

— Жалко, — сказал Иржи. — Очень высокий уровень прокладки. Профи!..

— Спасибо, Иржи!.. Большое тебе спасибо!

— Нема за цо... — ответил Иржи и пожаловался китайцу: — У них навигационный инструментарий времен Магеллана и Кука...

— Я видел, — грустно улыбнулся китаец. — Они очень мужественные люди...

Из камбуза высунулся еще один пират, сверкнул белозубой улыбкой и подмигнул Васе:

— На камбузе все о'кей! Не ленитесь, ребята, мыть посуду сразу после еды — очень воспитывает характер.

Перепрыгнул через борт яхты на катер и исчез.

— Какой симпатяга парень! — радостно сказал Вася китайцу.

— Очень, очень симпатичный! — подтвердил пожилой китаец.

— Мы вчера брали французскую шхуну, так он так весело перестрелял там полэкипажа, что о них даже никто пожалеть не успел!..

И тут от ужаса Вася ненадолго потерял сознание...

Когда настало время идиллического прощания, пиратский катер и «Опричник» под парусами около полумили шли параллельными курсами.

В черных пиратских шапочках с козырьками и желтым иероглифом спереди, с пиратскими ножами у пояса, Василий и Арон поочередно передавали друг другу бинокль и наблюдали, как пираты весело и дружелюбно махали им руками.

Затем катер приветственно приспустил наполовину свой черный флаг, трижды в воздухе прозвучала первая музыкальная строфа из песни «Сталин и Мао слушают нас...», и катер, взыв своими чудовищными двигателями, чуть ли не в три секунды совершенно исчез из виду...

Василий стоял на руле, смотрел в расходящийся кильватерный след исчезнувшего пиратского катера. Потом вздохнул глубоко и задумчиво проговорил:

— Черт его знает, что лучше!.. В мире все так относительно...

Арон понял его состояние. Вытащил из-за пазухи большую бутылку «Баккарди», отвинтил пробку и протянул бутылку Василию:

— На-ка, хлебни... Сейчас — в самый раз.

Василий взял бутылку, прямо из горлышка сделал солидный глоток. Удивился крепости напитка, изумленно посмотрел на этикетку и вернул бутылку Арону:

— Откуда?

— Да этот румын Михай подарил, — Арон тоже приложился к бутылке. — Крепкая, стерва!.. Они меня с Клаусом, с немцем с этим, все к себе в команду пытались склеить. Им для ровного счета очень еврей нужен. И именно русский еврей!..

— Так чего же ты? — ревниво и неприязненно спросил Василий. — Шел бы! «Еврей-пират» — это звучит гордо!..

— Дурак ты, Васька, и уши у тебя холодные! — обиделся Арон. — Как же ты, сукин кот, мог подумать, что я тебя брошу?! Совесть у тебя есть? Ах, ты, Васька, Васька... Отлупить тебя, что ли?..

— Ладно тебе, — благодарно улыбнулся ему Василий. — Давай еще по граммальке!..

Арон отхлебнул из бутылки, передал ее Василию и огорченно покачал головой:

— Ну надо же было такое сказать!..

Как проходить Босфор с кларнетом

В северные ворота Босфора «Опричник» входил в большой компании самых разных судов — от рыболовецких сейнеров до огромных танкеров.

Справа по борту отлично был виден мыс Румели, окаймленный высокими крутыми скалами, старый, разрушенный форт, маяк и небольшое селение, из которого приметно торчали мачты радиостанций.

Слева — низенький и почти незаметный мыс Анадолу, тоже с маяком, сигнальной мачтой и каким-то большим белым строением рядом с минаретом...

По мере вхождения яхты в пролив количество судов, идущих вместе с «Опричником» в одном направлении, и судов, следующих навстречу, все увеличивалось и увеличивалось.

Арон стоял у штурвала, Василий читал лоцию, сверял ее с картой.

— Арон! Пора переходить на двигатель... Вот Румели, вот Анадолу... — Василий на всякий случай заглянул в лоцию. — Все. Пора убирать паруса!

— Погоди, Васек! Погоди, родной... — Арон тревожно смотрел вперед, крутил головой, испуганно поглядывал на скопление судов вокруг. — Там горючего — кот наплакал!.. Надо на парусах тянуть сколько можно...

— Ты чувствуешь, что течение увеличилось?

— Чувствую, чувствую!.. Ну, хоть еще пару миль...

— Нельзя, Арончик! — Василий нырнул в каюту, вылетел оттуда со «Справочником яхтсмена». — Вот, пожалуйста!.. Послушай, что пишет Боб Бонд...

— Да вали от меня со своим Бондом!.. — плачущим голосом закричал Арон, еле увернувшись от какого-то нахального сейнера. — Не до него мне сейчас!

— Единственных три человека, которым можно было доверять, строго-настрого предупреждали — проливы проходить только на двигателе! — крикнул Василий.

— Что ты мне голову морочишь?! Какие еще «Три человека»?!

— Как это «какие»!.. Неблагодарный тип! Боба Бонд — раз!.. — для убедительности Василий потряс «Справочником...» перед носом Арона. — Старый пират Ши Го-сюн — два! И самое главное: Марксен Иванович —

три!..

Упоминание имени Марксена Ивановича сделало свое дело — двумя веревками, привязанными к штурвалу, Арон закрепил его в одном положении и со словами:

— Все! Тут ты меня достал!.. — бросился травить шкоты большого паруса. — Становись на лебедку, хрен моржовый!

На удивление и к обоюдному удовольствию, быстро и ловко убрали паруса. В их слаженных действиях уже отчетливо стал проглядывать какой-то опыт мореплавания.

— Сам уложишь? — спросил Арон.

— Спрашиваешь!.. — кряхтя и посапывая, Василий стал укладывать тяжеленный парус на гик.

Арон отвязал штурвал и попытался завести двигатель, но тот только чихал, всхлипывал одним цилиндром и не заводился.

Яхту течением стало разворачивать поперек пролива, и тут же сзади раздался панический гудок какого-то пароходишки.

— Ну, что там у тебя?! — закричал Василий.

Арон хотел было ответить ему, но тут двигатель вдруг завелся, застучал и потянул яхту вперед.

Арон облегченно вздохнул, выровнял штурвалом направление яхты и крикнул Василию:

— Стаксель уложи верхним концом наружу! А то потом опять будем три часа искать фаловый угол!

В черной пиратской шапочке со сбившимся к уху козырьком, мокрый от напряжения всех своих небольших сил, Василий крикнул ему в ответ:

— Ароша! Смотри вперед и занимайся своим сраным двигателем! И молись, чтобы у тебя хватило горячего!..

— У «меня»?! — возмутился Арон. — Ну, мерзавец! Ну, шейгиц!.. Да если бы ты не перепутал канистры!..

В самом узком месте пролива Босфор, у Мыса Ашиян с роскошной старинной крепостью, украшенной белоснежными башнями, где интенсивность судов как в одну сторону, так и в другую достигла скученности муравейника...

...большая, грязная турецкая шхуна волокла на буксире притихший «Опричник» с убранными парусами и молчащим двигателем.

На корме шхуны, свесив босые ноги за борт, сидел средних лет турок и специально для «Опричника» играл на кларнете «Калинку».

«Калинка, калинка, калинка моя...» — несло над Босфором.

Еще три турка, таких же грязных и живописных, как и их шхуна,

валялись на корме рядом с кларнетистом и прихлопывали в ладоши в такт мелодии.

Изредка они что-то по-турецки кричали Арону и Васе, на что Арон кричал им в ответ:

— Айм но индостайн! Тенк ю вери мач! Ай гоу ту Хайфа!..

Турки заливались сочувственным смехом, а кларнетист менял «Калинку» на «Не слышны в саду даже шорохи...»

Арон сидел в кокпите, стыдливо оглядывался по сторонам на плывущие рядом суда и бормотал:

— Просто перед людьми неудобно... Все своим ходом, а нас волокут, как убогих...

Василий стоял у штурвала, пытался его успокоить:

— Чего ты дергаешься?! Ну, не хватило горячего! Ай, ай, ай, ай. Делов на рыблю ногу! С каждым такое может случиться...

— И вообще... — глухо сказал Арон и уставился вниз, в решетчатый настил кокпита.

Вася посмотрел на Арона и понял, что дело не только в том, что их, на глазах у всего мира, тащут на буксире.

— Прекрати сейчас же! — мягко сказал он. Плыдем на халяву — одно удовольствие... Первый раз можем хоть по сторонам посмотреть. Гляди какая крепость... Ты же таких в жизни не видел!..

Не поднимая глаз, Арон отрешенно проговорил:

— Наша Петропавловка ничуть не хуже...

Васе вдруг до боли в сердце стало жалко Арона, да и себя вместе с ним, покойного Марксена Ивановича, оставленных Леху Ничипорука, Гриню Казанцева и Нему Блюфштейна, потерянных навсегда Клавку и Ривку, и ему захотелось бросить к чертовой матери этот штурвал, лечь навзничь на решетку кокпита и, глядя в чужое небо, завывать от нахлынувшей дикой тоски...

Но он только горько усмехнулся и тихо сказал Арону:

— Петропавловка уже вторую неделю, как не наша, Арончик... И постарайся привыкнуть к этой мысли как можно быстрее. Тогда все остальное будешь воспринимать менее болезненно...

А кларнетист на буксирной шхуне уже играл «Очи черные, очи страстные...». И плыла старая мелодия российско-цыганского романса между турецких берегов самого узкого места пролива Босфор, уводила за собой яхту под названием «Опричник» с экипажем из двух очень немолодых людей, впервые увидевших море и не умеющих плавать, в неведомые края и страны, расстилая перед ними совсем-совсем другую

ЖИЗНЬ...

Как выяснилось, что «шипшандер» — не фамилия, а профессия

Недалеко от перекинутого через Босфор Галатского моста, напротив фантастически красивой Султанаметской мечети с нацеленными в небо шестью сверкающими минаретами почти рядом со старинным дворцом Султана, у причальной стенки Арнавуткея — места стоянки яхт, катеров и разной плавучей морской мелочи, слегка покачиваясь, стоял кое-как пришвартованный «Опричник».

На причале замерли четыре автомобиля, украшенные разноцветными английскими текстами. По одному шла надпись — «Полиция-иммигрейшен», по второму — «Санитарный контроль», по третьему — «Служба таможни Турции».

Четвертая машина — небольшой автофургон, стояла чуть в стороне и была снабжена надписью «Агент-шипшандер Яцек Штур. Стамбул-Галатасарай». И номера телефона, телефакса и телекса...

На палубе «Опричника» в испуге замерли Арон и Василий. А с причала, перебивая друг друга, на них одновременно орали на отвратительном английском языке все три представителя турецкой власти. Они в бешенстве потрясали документами Арона и Васи, угрожающе размахивали руками, вращали глазами, брызгали от ярости слюной и даже топали ногами от возмущения.

Повторяя за каждым из трех турецких чиновников его интонации и жесты, точно так же вращал глазами, размахивал руками и топал ногами невысокий толстенький человечек с большими висячими усами.

Правда, надо отдать должное — орал он по-русски и с откровенно польским акцентом.

Он почти синхронно переводил все, что вопили полицейский, таможенник и санитарный контролер, не упуская возможность расцветить все это русским матом и кое-что вставить от себя совершенно нормальным голосом. Выглядело это примерно так:

— Почему вы не связались с администрацией порта по шестнадцатому каналу?! — вопил представитель иммиграционной полиции по-английски, как и положено разговаривать во всех портах мира.

— Что же вы, вашу мать, не дали радио службе порта?! — с абсолютно точными интонациями полицейского по-русски кричал толстячок с усами.

— На каком основании вы не взяли лоцмана?! — орал таможенник.

— Что же вы, мудаки, не взяли лоцмана?! — кричал толстяк.

Так как никому из троих представителей власти ответы Арона и Васи были не нужны, вопросы летели один за другим:

— Где ваш флаг?!

— Что это за таможенная декларация?!!

— Где ваше санитарное свидетельство???

— Почему отсутствует судовая роль?!!

— Где табако и провижен-лист???

— Почему нет свидетельств о детализации?!!

Тут впервые Арон пересилил страх и пожал плечами:

— А это еще что такое?..

— А хрен его знает, — беспечно сказал усатый. — Я здесь уже семь лет, каждый день про это слышу, и никогда не видел.

— И вообще у вас нет визы!!! — завизжал полицейский, потрясая паспортами Арона и Васи.

— И вообще у вас нет визы!!! — с визгом повторил толстяк по-русски и совершенно спокойно вполголоса сказал: — Тоже — ниц грозного! В смысле ничего страшного.

— Господи, что же делать?.. — растерянно спросил Вася.

— Дать им по пять долларов, — сказал толстяк.

— Может, больше дать, а?.. — тревожно спросил Арон.

— Ты мне здесь цены не поднимай, — рассудительно проговорил толстячок с усами. — Ты уплыл, а я остался. Мне здесь жить и жить... Быстренько, хлопцы, по пятерке каждому.

Полицейский, таможенник и контролер продолжали топтать ногами и орать уже без всякого перевода.

Но как только Василий вытащил трясущейся рукой из кармана деньги — на причале наступила МЕРТВАЯ тишина.

— У нас только двадцатки... — растерялся Василий.

— Давай сюда, — и толстяк протянул руку через борт яхты.

Василий отдал ему двадцать долларов. Толстяк спрятал их в бумажник, а из заднего кармана брюк вынул пачку однодолларовых бумажек.

— Специально держу для таких случаев...

Он обстоятельно отслюнил пять долларов полицейскому, пять таможеннику и пять дал представителю санитарного контроля.

— И пятерочку мне за перевод! О'кей? — так легко и весело сказал толстячок с усами, что Вася и Арон только благодарно закивали головами.

А с тремя представителями турецкой власти произошла поразительная

метаморфоза: милые, широкие улыбки добрых и гостеприимных хозяев, радостно потрясенных приездом дорогих гостей, сияли на их лицах!

Документы возвращались с такими длительными и сладкими рукопожатиями, что Арон и Василий заподозрили всех троих черт знает в чем и поспешили выдернуть свои ладони из дружеских и теплых рук турецкой власти.

Все трое, как по команде, уселись по своим машинам.

Таможенник с санитарным контролером тут же уехали, а полицейский прикрыл дверцу машины и что-то ласково спросил у Арона и Василия по-турецки.

— Он спрашивает, откуда у вас эти ножи и черные шапочки с желтым иероглифом, — перевел толстячок.

Только Арон было открыл рот, чтобы ответить, как Вася незаметно наступил ему на ногу и быстро сказал:

— В Одессе их на каждом углу продают!..

Полицейский внимательно выслушал перевод толстяка, медово улыбнулся Арону и Васе и тоже укатил.

— Но так... Една полова справы юж залатвена, — потирая руки, польски сказал усатый толстяк. — Я говорю — полдела сделано. Приступим ко второй...

— погоди, мужик... — сказал Арон. — А ты сам-то кто будешь?

— Я? Шипшандер.

— Еврей? — Василий улыбнулся ему, как «своему».

— Нет. Поляк. А что?

— Да так... Ничего. Ты не обижайся. Я, например, «Рабинович». Он еще до недавнего был «Рабиновичем», — Вася показал на Арона. — Я думал «Шипшандер» — тоже еврей...

— А «Боцман», «Лоцман» и «Кацман» — это уже три еврея? — рассмеялся толстячок с усами. «Шипшандер» — морской агент по снабжению. А зовут меня Штур. Яцек Штур...

КАК ДОЛЖНЫ ОТДЫХАТЬ НАСТОЯЩИЕ МОРСКИЕ ВОЛКИ

Пьяненькие Арон, Вася и Яцек Штур вместе с двумя ярко раскрашенными потаскухами сидели в припортовом кабачке, забитым недорогими проститутками, загулявшей разноязыкой матросней, «бичами» и портовой шпаной.

— Мы такое прошли!!! — кричал Вася Штуру и лез за пазуху к большой дебелой проститутке, сидевшей рядом с ним. — Имеем право на расслабуху!.. Слышь, Яцек?! Скажи, Арон!..

— Закусывай, Вась... — просил Арон и нежно поглаживал по заду

примостившуюся на коленях маленькую проститутку. На плечах у маленькой проститутки была накинута большая зеленая шелковая шаль с золотым драконом.

— Нет!.. Ты скажи — имеем право?! — бушевал Василий.

— Имеешь, имеешь! — сказал ему Штур. — Имеешь право на все. Ты теперь свободный человек в свободном мире.

Штур был относительно трезв и, прихлебывая из стакана, что-то подсчитывал на калькуляторе и записывал в большой блокнот.

Вася тискал проститутку и орал:

— Слышал, Арон?.. Мы теперь свободные люди... Где, Яцек?.. Я забыл. Где, ты сказал, мы свободные?..

— В свободном мире, — не отрываясь от подсчетов, сказал Штур.

— Вась, закусывай, а... — снова попросил Арон, и надел свою черную пиратскую шапочку на голову маленькой проститутке.

— Закусываю! — закричал Вася и впился в сочные губы большой проститутки. — Ну почему меня всегда на здоровых баб тянет?!

Яцек Штур спрятал калькулятор, сказал Арону:

— К шести утра привезу все прямо на причал, — он заглянул в блокнот: — Готовьте сто семь долларов.

— Пожалуйста!.. — с пьяной широтой Вася вытащил все двести сорок долларов. — Нет вопросов!..

Проститутки увидели деньги, переглянулись.

— Спрячь, — сказал Штур. — Привезу — тогда расплатитесь.

— Чего-то больно много... — усомнился Арон. — Сто семь!.. Если считать по нашему чернорыночному курсу...

— Ваш черный рынок никого в мире, кроме вас, не интересует! Ваш курс — фикция, порожденная нищетой. Такой социализм мы уже проходили в Польше. Смотри, — Штур показал Арону запись в блокноте. — Только сто литров дизельного топлива — шестьдесят два доллара. А масло моторное? А то, се, пятое, десятое?

— Да брось ты считать, Яцек! — крикнул Василий. — Мы свободные, Арон?.. Я опять забыл...

— Господи!.. — Арон в пьяной тоске прижал к себе маленькую проститутку. — Сто литров солярки — шестьдесят два доллара! Да у нас в Союзе этой солярки — хоть жопой ешь! Копейки!.. Ах, дураки, не ценили советскую жизнь!..

Не сводя настороженных глаз с Василия и Арона, пожилой тощий бармен в высокой феске что-то негромко говорил по телефону...

Из кабачка выходили с бутылками в руках, поддерживая друг друга.

Маленькая проститутка висела на Ароне, Вася на большой проститутке.

— Хлопаки! Я приеду к вам в шесть утра. Вам надо плыть через Мрамурное море за одни сутки, чтобы пройти в Дарданеллы по светлому времени... — сказал Яцек Штур и сел в свою машину. — И осторожней с этими курвами! Не оставляйте ничего на виду. Скрадут в момент.

— Может, и ты с нами? Сейчас найдем третью... — сказал Вася.

— Бронь Боже! Если я через десять минут не буду — Ванда мне яйца оторвет. А кому нужен шипшандер без яиц?! — сказал Штур и уехал.

Маленькая проститутка распахнула дверцы огромной старой американской машины с открытым верхом, села за руль и крикнула:

— Давай, давай, русски!.. Карашо!!!

Арон уселся рядом с ней, а Василий и полная проститутка плюхнулись на заднее сиденье.

И тут маленькая дала такой газ своему древнему рыдвану, что из-под задних колес полетели искры, а старый кабриолет сорвался с места будто ракета «Земля-Воздух»...

Когда старый американский автомобиль, рожденный на заре пятидесятих годов, подкатил к «Опричнику», проститутки выскочили на причал, запрыгали вокруг Арона и Василия с криком и танцами:

— Группен-секс! Спут-ник!.. Группен-секс — перестройка!.. Группен-секс! Рашен группен-секс!.. Карашо!..

— Точно, Арончик! — в восторге завопил Василий на весь ночной причал. — Сейчас такое устроим!!! Имеем право!.. Заслужили!.. Я моря-ак красивый сам собою!.. За все наши мытарства и страдания!.. Сейчас такой коллективчик замостырим! Девки, вперед!

— Форверст!!! — закричали девки.

— Стоп, стоп... — недовольно сказал Арон. — Никакого «группен-секса». Хватит с меня коллективов.

— Да ты что, Арон?! Мы ж свободные люди!.. — поразился Вася.

— Вот поэтому я и собираюсь делать это индивидуально, — сказал Арон, поднял маленькую проститутку на руки и перешагнул с ней через борт яхты.

— А мы как же? — растерялся Василий.

Но Арону даже не пришлось ему отвечать. Большая проститутка положила Васю в автомобиль и потянула за какие-то рычажки.

Передние кресла тут же уехали вперед, спинки сидений откинулись, и старый кабриолет в одну секунду превратился в широченное ложе.

Проститутка улеглась рядом с Васей, крикнула своей подружке «Бай-бай» и ногой нажала на кнопку в приборном щитке.

Тихо загудел маленький моторчик внутри машины, и автоматически стала закрываться плотная брезентовая крыша...

Как опасны случайные половые связи

В полицейском участке Среднего порта метались напуганные рядовые, напяливали бронежилеты, вооружались короткоствольными израильскими автоматами «Узи» устаревшей конструкции.

Полицейские начальники тоже были очень возбуждены:

— С моря можно не блокировать. У них нет горючего!..

— Репортеры здесь?

— Так точно!

— Переводчик?

— Вот!.. — в кружок совещающихся начальников кто-то втолкнул старенького заспанного человечка. — Профессор славистики!

— И все-таки я бы сообщил в «Интерпол»! Пираты — их дело...

— А если это не пираты? И мы опять окажемся в дерьме?!

— А если пираты?

— Тогда премию получит этот вонючий «Интерпол»...

— Пираты, пираты!.. Такие дорогие яхты — настоящее ретро! — могут быть только у миллионеров или пиратов! И потом, эти ножи, эти шапочки...

— Это люди Ши Го-сюна! Головой ручаюсь!..

— Профессор, что означает название яхты — «О-прю-шник»?

— «О-прич-ник», — поправил профессор. — Это старинное забытое русское слово. Так в древности называлось КаГеБе при царе Иване Грозном...

— Что я вам говорил?! Это рука Москвы!..

— По машинам!

— Брать только живыми!!!

Этой тихой и теплой ночью у причалов Арнавуткея в зеркальной гладкой воде, не способной всколыхнуть даже плавающую щепку, неподвижно, без единого всплеска спали десятки небольших судов.

И только одна-единственная яхта «Опричник» переживала какой-то удивительный, внутренний шторм!

Скрипели снасти, звенели ванты, а сама тринадцатитонная яхта невероятным образом, в абсолютно стоячей воде демонстрировала то

килевую, то бортовую качку, сопровождавшиеся таким ритмичным мужским хрипом, такими женскими стонами и вздохами, что сравнить это можно было только с...

...такими же стонами и хрипами, доносившимися из огромной старой американской машины, стоявшей на причале рядом с «Опричником».

Бедная колымага пятидесятых годов, считавшаяся когда-то верхом автосовершенства, сейчас жалобно скрипела всеми своими амортизаторами, тряслась и раскачивалась, приседала то на передние колеса, рискуя в любую секунду развалиться от бушевавшей внутри ее страсти и собственной дряхлости!..

И если глухо задраенные двери и иллюминаторы «Опричника» не позволяли даже краем глаза увидеть происходящее внутри, то легкомысленно приспущенные стекла дверей автомобиля время от времени предъявляли миру то полную женскую ногу, то большую лоснящуюся грудь, а то и часть тощего мужского зада...

А потом качка «Опричника» вдруг стала чаще и сильнее, старая американская машина затряслась, как в лихорадке, и причал вдруг огласился таким диким мужским рычанием, такими восторженными стонами и криками, что...

...уже сидевшие в засаде полицейские, как по команде шумно и часто задышали, мгновенно покрылись испариной, закатили глаза, и большая часть группы захвата чуть было не потеряла сознания!..

Через несколько секунд все стихло.

«Опричник» стоял в гладкой и сонной воде без малейшего движения. Ни качки, ни скрипа...

Замер на причале и старый американский автомобиль...

Почти одновременно распахнулись каюта «Опричника» и дверца автомобиля. Из каюты вышел совершенно голый, сверкающий потом Арон, с трудом поднялся на палубу и прошлепал босыми ногами на нос яхты.

Из автомобиля, еле держась на ногах, выполз голый, мокрый Василий. Цепляясь за кузов машины, он доскребся до задней ее части, схоронился за багажником и стал справлять малую нужду прямо на асфальт причала.

Арон стоял как изваяние на носу яхты, и его струя вливалась в территориальные воды Турции.

— Ну, как, Арончик? — слабым голосом негромко спросил Василий.

— Фантастика!.. — ответил с яхты Арон. — А у тебя? — Нет слов!.. — счастливо сказал Вася и удивленно добавил: — Слушай, Арон, я, оказывается, такой здоровый!..

Не успел Василий закончить фразу, а Арон за него порадоваться, как

вдруг откуда-то раздалась короткая, отрывистая команда на турецком языке, и в одно мгновение причал был залит морем света — вспыхнули прожекторы, фары полицейских автомобилей, сильные ручные фонари!

С визгом янычар, бросающихся в свой последний смертельный бой, орава полицейских, стреляя в воздух для укрепления собственного мужества, кинулась на маленького роста голого Васю.

— Вы что, мужики, охренели?! — только и успел крикнуть Вася.

— Держись, Васек!.. — заорал Арон с яхты, и как был в парадном костюме Адама, спрыгнул на причал и бросился на выручку.

Секунд пять они, спина к спине, отбивались от суетливой кучи охранителей турецкого правопорядка, а потом на них налетела вторая волна блюстителей закона — человек пятнадцать, и они были смяты под грудой потных от страха тел в форме доблестной турецкой полиции...

Как Василий Рабинович и Арон Иванов стали «гражданами мира»

В полицейском участке Среднего порта на столе у начальника лежали две черные пиратские шапочки с желтыми иероглифами и два ножа Арона и Василия. Рядом со столом громоздились коробки с провизией — дары Ши Го-сюна.

Арон, с подбитым глазом и широкой ссадиной через все лицо, и Вася, со вздутой губой и распухшим носом, стояли в наручниках за решетчатым ограждением, которое охраняли четверо полицейских с явными следами недавней битвы.

Еще с десятков полицейских, разукрашенных Ароном и Василием во время их захвата на причале, болтались по участку, свирепо поглядывая на пленников.

Тут же суетились два репортера полицейской хроники — один с фотокамерой, второй с блокнотом и диктофоном.

— Мы требуем советского консула, — кричал Василий.

— Они требуют советского консула, — по-турецки вторил ему профессор славистики.

— Пусть пока объяснят, откуда у них эти коробки с французской шхуны, сожженной пиратами Ши Го-сюна! А также — эти ножи и шапочки! А также яхта, стоимостью в несколько миллионов долларов!.. — кричал начальник участка.

— Откуда у вас все это? — сокращал вопрос начальника профессор.

— С Одесской барахолки, — твердо ответил Вася.

— Что есть «барахолка»? — не понял профессор.

— Пока не прибудет советский консул, мы отказываемся отвечать на вопросы!.. — подражая кому-то, высокопарно произнес Василий, и тут же тихо спросил у Арона: — Ну, как я им?!

— Молодец, Васюся! Я где-то так же в кино видел...

— Я тоже!

Раскрылась дверь, и в участок вошли два человека в темных костюмах и темных галстуках, с милыми, простоватыми русскими лицами.

Начальник участка встал из-за стола:

— Господин консул! Простите, что пришлось побеспокоить вас в такой поздний час...

Второй русский, несколько мрачноватый тип, тихо перевел слова начальника. Консул кивнул головой, с интересом посмотрел на заточенных в клетку Арона и Василия.

— Чем могу быть полезен? — улыбнулся консул.

Эта улыбка, этот родной русский голос родного русского человека сразу приободрили Арона и Василия. Они радостно рванулись к решетке и закричали в два голоса:

— Товарищ консул!.. Что же это?! Мы отдыхаем, а нас... А они...

Но советский консул даже внимания не обратил на их вопли. Он посмотрел ясными голубыми глазами на начальника участка и повторил свой вопрос:

— Так чем могу быть полезен?

Начальник стал горячо и темпераментно говорить по-турецки, а мрачноватый русский синхронно переводил на ухо консулу.

Не переставая улыбаться, консул сказал своему спутнику:

— Посмотрите их документы.

Тот очень быстро и очень профессионально проверил документы Арона и Василия и негромко сказал консулу:

— Документы подлинные. Переводить?

Консул кивнул головой. Переводчик повторил это по-турецки.

— А откуда же у них все это?! — начальник обескураженно показал на шапочки, ножи и коробки с французским провиантом. — И яхта красного дерева! Настоящее «ретро», которому сегодня нет цены?!

— Они утверждают, что купили это в Одессе на... — профессор славистики забыл слово «барахолка» и запнулся, вопросительно глядя на Арона и Васю.

— На барахолке, пердун старый!!! — рявкнул Арон из-за решетки.

— Вполне допускаю, — сказал консул и доверительно улыбнулся начальнику участка. — В нашей стране сейчас происходят такие мощные изменения, что при желании можно купить буквально все! Тем более, на Одесской барахолке. Что же касается конкретно этих господ, то должен официально заявить, что они эмигрируют в Израиль и к Советскому Союзу УЖЕ не имеют никакого отношения. Я не вправе вмешиваться в их дальнейшую судьбу. Рекомендую обратиться в израильский консулат. Всего хорошего, господа!

Советский консул обаятельно улыбнулся всему полицейскому участку и вышел вместе со своим мрачноватым спутником.

— Ну и сука... — ошалело проговорил Арон.

— Ах, так?! — закричал Василий. — Тогда давай израильского консула!..

Израильский консул бегло просмотрел документы Арона и Василия и стал раздраженно разговаривать с начальником полиции Среднего порта по-турецки.

— Переводи, козел!.. — крикнул Арон профессору славистики.

Профессор испуганно залопотал:

— Господин консул Израиля говорит, что вы ЕЩЕ пока не являетесь гражданами его страны, и поэтому он за вас никакой ответственности не несет. Но раз вас подозревают в причастности к пиратской группе Ши Гюсюна, он рекомендует вызвать китайского консула.

— О, бля, попали... — еле вымолвил Арон и без сил опустился на пол. Василий увидел, что консул уходит и истошно закричал:

— Господин консул! Господин... Мистер!.. Как вас там, ебть!.. Но мы же плывем к вам в Израиль!.. Ай гоу ту Хайфа!!!

— Ай, не морочьте мне голову! — вдруг неожиданно по-русски сказал консул Израиля и захлопнул за собой дверь.

Раздавленный безысходностью ситуации, Василий тихо опустился на пол рядом с Ароном и прошептал:

— Господи... Неужели мы теперь в целом мире никому не нужны?

Арон в бешенстве вскочил на ноги, словно разъяренный орангутанг, затряс прутья решетки и закричал во всю глотку:

— Давай китайского!!! Давай любого!!! Чтобы с головой, а не с жопой на плечах!..

Испуганные полицейские заклацали затворами автоматов...

Китайский консул разложил большой красивый альбом на столе начальника, неторопливо листал его, приговаривая:

— Так... Это у нас Тихоокеанские группировки... Не то, не то. Это

пираты Карибского бассейна... Тоже не то. Это — Средиземное море... Два пиратских соединения... Не то. Это у нас Атлантика. А вот и группа Ши Го-сюна! Она контролирует весь юг Черного моря. Новая группировка, но очень, очень боевая и жестокая! Посмотрим.

Со страниц китайского альбома смотрели прекрасно выполненные фотографии Ши Го-сюна, Сташека, Клауса, Петко, Михая, Иржи...

— Очень, очень страшная группа! — с удовольствием сказал китайский консул. — Вся из представителей бывшего социалистического лагеря. Но вот этих людей здесь... — консул показал на Арона и Васю. — Здесь, как видите, нет!.. Ошибка, господин начальник. Ошибка. Вам следовало сразу обратиться в «Интерпол». Мы их снабдили точно таким же альбомом...

— Откуда же все это?! — в полном душевном раздоре закричал полицейским начальник и стал нервно тыкать пальцем в шапочки, ножи и коробки с французским провиантом.

— А что они говорят? — поинтересовался китайский консул.

— Врут, что купили все это на Одесском черном рынке!

Китайский консул внимательно и крайне доброжелательно посмотрел на Арона и Василия, сидевших на полу в клетке, не поверил ни единому слову, но сказал тихо и вежливо:

— Очень, очень может быть. Сейчас у них в стране такие перемены!.. Я очень, очень сожалею, что эти господа не китайцы. Они мне очень, очень понравились...

Вот тут-то и вспыхнул блиц фоторепортера, который навсегда запечатлел физиономии Арона и Васи для мировой прессы.

Как Яцек Штур показал себя с лучшей славянской стороны

Эту фотографию и фотографию своего «Опричника», снятую в порту при помощи фар полицейских машин, прожекторов и фотоблицев, и рассматривали Арон и Вася в утренней газете, которую привез им прямо на причал шипшандер Яцек Штур.

Рядом с «Опричником» стоял автофургон Яцека Штура, расписанный его именем и фамилией владельца, его номерами телефона, факса и телекса.

Задние дверцы фургона были распахнуты, и фургон зиял полутемной пустотой. Зато кокпит, камбуз и проход в каюту были завалены канистрами,

коробками, какими-то мешочками... Здесь же в кокпите сидели все трое: Вася, Арон и Яцек. С опухшими разбитыми лицами, с руками в запекшейся крови, измученные бессонной ночью, истратившие все свои силы на портовых проституток и сражение с доблестной турецкой полицией, предательски и беспощадно отвергнутые консульствами двух стран, одна из которых почти пятьдесят лет была Родиной, а вторая должна была стать землей обетованной до конца оставшихся им дней, Арон и Василий тупо разглядывали собственное изображение, искаженное газетным растром.

— Чего там хоть написано, Яцек? — спросил Арон.

— Ну, что может написать бульварная газета? — грустно ответил Штур, проглядывая заметку под фотографией. — Что вы, два идиота, не умея плавать, не умея обращаться с парусами, ничего не понимая в мореплавании, поплыли из России в Израиль... Что по всем правилам вы должны были бы утонуть еще до Босфора, а вы вот живы, и даже подозреваетесь в связях с пиратами Черного моря... Доказать эти связи полиции не удалось, и вас выпустили с обязательством немедленно покинуть пределы Турции. Кстати! Вам все вернули?

— Только ножи и шапочки, — сказал Василий. — Те продукты опечатала и забрала санитарно-карантинная служба.

— О, матка Боска!.. Что же вы кушать будете?!

— Не пропадем, — махнул рукой Арон. — У нас еще ленинградских консервов навалом, пшено, перловка...

— Ладно, Яцек! Не бери в голову, сказал Василий. — Читай! Что там дальше?..

— Ну, что дальше? — Штур снова уткнулся в газету. — Дальше идут политические и экономические обобщения: что вы, как и ваша бывшая страна, обладая несметными богатствами... Тут имеется в виду ваша яхта... Ни хрена не умеете обращаться со своими богатствами.

— Хорошо, что так, а не хуже, — сказал Василий.

— Не знаю, не знаю... Эту штуку могут перепечатать газеты на пути вашего следования, и неизвестно, чем это еще для вас обернется, — засомневался Яцек Штур и протянул Василию счет. — Вот счет на сто семьдесят долларов. Не потеряйте. Мало ли, какая у вас будет еще проверка...

— Погоди, Яцек. Сейчас принесу деньги, — сказал Арон и ушел в каюту.

Через секунду оттуда послышался густой мат, и Арон выскочил в кокпит, держа в одной руке шелковую зеленую шаль, забытую маленькой проституткой, а в другой руке — пустой растерзанный бумажник.

— Гляди, Васенька!.. — Арон чуть не плакал.

Василий посмотрел на пустой бумажник, на зеленую шаль с золотым драконом, взялся за голову и тихо произнес:

— Пиздец...

Яцек Штур тоже все понял и нервно проговорил:

— Я же предупреждал вас, чтобы были поосторожнее с этими курвами!

Какое-то время все трое подавленно молчали, а потом Василий решительно встал и сказал Арону:

— Выгружаем, Арон. Все выгружаем! Не бойсь, Арончик. Не пропадем... Извини, Яцек. Извини...

И первый стал вытаскивать на причал все, что привез им Штур. Горестно вздохнув, Арон стал ему помогать.

Штур сидел в кокпите, смотрел на воду остановившимися глазами. Потом почесал в затылке, откашлялся и от волнения сказал на чудовищной смеси польского языка с русским:

— Чекайте, панове!.. Чекайте, кому говорят!!! Зоставь жечи на мейсте, холера! Арон, цо те мувилэм?! Зоставь, е... твою мать!..

Он вытащил из кармана визитную карточку, протянул ее Василию и сказал:

— Будут пенензы — пришлете... Не будут — я ваши сто семь долларов разбросаю по трем кораблям так, что ни один капитан не заметит! Так что я все равно при своих останусь! Не денервуйте...

— Яцек... — только и смог сказать растроганный Арон.

Вася схватил руку Яцека Штура, стиснул, затряс, что было силы.

— Слушайте, хлопаки! — горячо заговорил Штур и от собственного благородства у него даже слезы блеснули в глазах.

— А цо я не вем як ченько выезжать зо властнегу краю?! Вшистко поментам!.. На то мы и славяне...

— Я не славянин. Я — еврей, — застенчиво уточнил Арон.

— Ты — еврей?! — рассмеялся Штур. — Ты посмотри на себя в зеркало! Ты хоть раз в жизни был в синагоге?!

— Нет, — признался Арон.

— Ну, так заткнись!.. — закричал Штур. — До видзенья, хлопаки. И дай вам Бог сченься!..

Многострадаальный «Опричник» с не менее многострадаальным экипажем покидал неприветливые воды Стамбула и, сильно накренившись, под всеми парусами входил в открытое Мраморное море.

Справа, в утренней дымке еще проглядывали берега Турции, но слева и впереди уже была видна только вода, вода, вода...

На флагштоке, сооруженном из старой швабры для мытья палубы, трепетал на ветру и нахально сверкал на солнце новый флаг «Опричника» — зеленая шелковая шаль с золотым драконом, впопыхах забытая маленькой портовой проституткой в ночь любви и сражения!

Василий стоял за штурвалом, посматривал на компас и выглядел уверенно, что и подумать было нельзя, что еще две недели тому назад он впервые увидел море.

Обложившись картами и лоциями, в каюте сидел Арон и что-то писал в большую бухгалтерскую книгу. Над его головой, рядом с фотографией Марксена Ивановича Муравича, была прикреплена вырезка из турецкой газеты.

— Вась, а Вась!.. Как правильно писать — «паД-шие женщины» или «паТ-шие женщины»? «Дэ» или «Тэ» в середине?

— Пиши просто — «бляди», не мучайся!

— Не, Вась... Писать надо культурно. Еще Марксен говорил: «Вахтенный журнал — лицо судна». Так «Дэ» или «Тэ», Вася?..

— Если культурно, то «Дэ», Арончик, «Дэ»! «ПаД-шие».

Василий посмотрел направо, увидел высокий скалистый берег и крикнул Арону:

— Эй, писатель! Справа по борту, кажись, этот мыс... Как его? «Ельшикей»! Язык сломаешь, мать их за ногу... Что там у нас дальше?

— Джастер момент! — крикнул Арон, отложил вахтенный журнал и взялся за карту: Ельшикей... Ельшикей... Есть Ельшикей! Курс?

— Двести сорок!..

— Плюс пятнадцать и держи двести пятьдесят пять! Все! Мы в Мраморном море! И пошла она, эта Турция, знаешь куда!..

Василий повернул штурвал, сверился с компасом, но тут при изменении курса заполоскали паруса и он крикнул:

— Арон! В темпе — на гика-шкот! И подбери стаксель!

Арон проворно выскочил из каюты и так ловко управился с парусами, что Василий не удержался и спросил:

— Извините, Арон Моисеевич, ваша девичья фамилия не адмирал Нельсон?

К полудню Василий от усталости почти висел на штурвале. Нагрузка

на его обессиленной организм была столь велика, что он и не пытался этого скрывать:

— Спать хочу!.. Жрать хочу!.. Руки отваливаются, ноги не держат. Арон! Посмотри на часы!.. Сколько мне еще стоять?

Арон шустрил на камбузе, помешивая в кастрюльке перловку.

— Потерпи минут двадцать!.. Сейчас перловка доварится, я все приготовлю и сменю тебя... Тебе что к перловке подать — частичку или тушенку?

Вася из последних сил удерживал штурвальное колесо.

— Все равно!.. Лишь бы быстрее...

— Тогда я лучше частичку открою. Он в томате, такой остренький. Сразу тебя взбодрит! А тушенка — один жир...

Арон наклонился к двум большим коробкам, забитым консервными банками, вытащил пару банок из одной коробки, положил их на столик у газовой плиты и, желая отвлечь Василия от бедственного состояния духа, сказал с наигранным оптимизмом:

— Не бойсь, Васенька! Прорвемся! Солярки у нас теперь — хоть на край света!.. Газа для плиты — трех быков можно зажарить, консервов навалом, пресной воды — пей, не хочу!.. Крупа, хлеб... Еще четыре луковки осталось!.. Да ты что, Васенька? Живем!.. А что бляди у нас доллары смыли, так и их понять можно... Тебе с твоей хорошо было?

— Хорошо... — через силу улыбнулся Василий.

— И мне с моей было хорошо! Так о чем жалеет?!.. Зато какой мы теперь имеем флаг?! Ни у кого в мире такого флага нет!

Василий невольно повернулся, посмотрел на зеленую шаль с золотым драконом на флагштоке из швабры и рассмеялся.

Одной рукой Арон приставил свой пиратский нож острием к краю банки, а вторую занес для удара по рукоятке, приговаривая:

— Сейчас все приготовлю, стану за руль, а ты пожрешь и завалишься отдыхать... О'кей?

И Арон сильно ударил сверху по рукоятке ножа...

Тугая вонючая струя томатно-коричневого цвета со свистом и шипением фонтаном хлестнула ему в физиономию, залила с головы до ног и обгадила потолок и переборки камбуза...

Потом Василий сидел в кокпите по колени в сотне вздутых консервных банок, доскребывал из алюминиевой миски перловку, закусывал ее луковкой с хлебом и одновременно, меланхолично, одну за другой выбрасывал банки через плечо за борт...

Переодетый и умытый Арон стоял у штурвала. Перед ним стояла на

крыше рубки миска с перловой кашей и горячий чай в кружке Марксена Ивановича. Без отрыва от ответственного процесса судовождения Арон обедал, придерживая тяжелый, напряженный штурвал одной рукой.

— Все вспухли? — спросил Арон, глядя на горизонт.

— Все.

— И тушенка?

— И тушенка.

— Интересно, сколько же они лет на складах валялись? — задумчиво спросил Арон.

— А что мы жрать будем — тебе не интересно?! — Василий злобно пнул ногой кучу банок с протухшими консервами. Ни продуктов, ни денег!

— Ты кончай ногами дрыгать! — опасливо оглянулся Арон. — Они вот-вот взрываться начнут. Пол-яхты разнесут и нас поубивают!

— А я уж и не знаю, что лучше... — в отчаянии проговорил Василий. — Мгновенная гибель или медленное голодное умирание... Я что-то в этом роде в одном кино по телевизору видел. Жуткая картина!..

Арон тяжело вздохнул, покачал головой и спросил:

— Вась... А ты не можешь сейчас припомнить какое-нибудь другое кино? Где все хорошо кончается.

Василий отложил пустую миску в сторону, подумал и ответил:

— Нет. Сейчас — не могу.

И снова принялся методично выбрасывать за борт одну банку за другой...

Как маленькие острова рождают большие сомнения

Вечером, почти в темноте, подошли к маленькому скалистому островку с крутыми берегами, лишенному всякой растительности, со смешным и непривычным для русского уха названием.

— Хай-ир-сы-зада!.. Хайирсызада... — удивленно повторял Василий и убирал спущенный стаксель в мешок на носу яхты. — Надо же было так сложно назвать эту грудку камней! Тоже мне — остров...

Изнемогающий от усталости и бессонницы, Арон тяжело укладывал большой парус на гик. Посмотрел воспаленными глазами на берег, сказал Василию:

— Гляди, Васька... Ни одной живой души!..

— А может, он необитаемый? Давай, Ароша, останемся здесь

навсегда! Я — Робинзон, ты — Пятница...

— Почему это именно я — «Пятница»? — обиделся Арон.

— Ну, ты — Робинзон, я — Пятница... Какая разница? Я и не думал, что ты так тщеславен, Арон! У тебя прямо-таки восточная тяга к власти!.. — воскликнул Василий.

Но Арон ему не ответил. Он тревожно вглядывался в скалистый берег, до которого было всего метров пятьдесят.

— Эй, Васька! Тебе не кажется, что нас сносит на камни?!

Василий поднял голову, увидел надвигающийся берег.

— Точно!.. Мамочка милая... — прошептал он. — Сейчас нас об этот остров как...

— А хрен ему в грызло!!! — рывкнул Арон. — Держись крепче!..

Он молниеносно прыгнул в кокпит и лихорадочно стал нажимать на приборном щитке кнопку стартера двигателя.

Но двигатель чихал, кашлял, покрехтывал, из выхлопной трубы вырывались синие клубочки дыма, но не заводился...

Яхта была уже совсем близко от гибельных камней, и течение неудержимо влекло «Опричник» к трагической развязке.

— Что же ты, Арон?! — панически закричал Василий, мертвой хваткой вцепившись в носовой релинг.

— Выручай, родимый... — шептал Арон и все нажимал и нажимал кнопку стартера. — Выручай, дружок...

В момент, когда яхта уже должна была неминуемо шарахнуть о торчащие из-под воды прибрежные скалы и закончить свое существование на этом свете возле маленького островка с длинным, нелепым названием, двигатель услышал мольбы Арона и взревел средними оборотами!..

Не веря до конца в привалившее счастье, Арон пару секунд слушал постукивание двигателя, а потом уверенно толкнул сектор газа вперед, довел обороты до максимума и круто переложил штурвал вправо.

Медленно, словно нехотя, «Опричник» уходил от собственной смерти...

Когда же на Мраморное море и на коварный островок Хайирсызада опустилась ночь, яхта уже стояла на якоре в защищенной от ветра крохотной бухточке и впечатывалась черным неподвижным силуэтом в чужое фиолетовое небо.

Измученные Арон и Василий лежали по своим койкам в каюте.

Над головой Василия теплилась маленькая лампочка. Он читал «Справочник яхтсмена» Боба Бонда и что-то подчеркивал в нем карандашом.

— Кончай, Васька... — сонным голосом проговорил Арон. — Побереги аккумуляторы. Не дай бог опять что-нибудь... и труба.

— Сейчас, Арончик. Только дочитаю раздел «Выбор якорной стоянки и постановка на якорь».

— Так стоим же уже на якоре... Чего читать?

— Я хочу понять, что мы делали неправильно.

Арон открыл глаза, уставился в деревянный потолок каюты, помолчал и негромко сказал:

— А мы, Вась, все делаем неправильно...

Что-то в интонации Арона заставило Василия насторожиться:

— О чем ты, Арон?

— Да обо всем на свете...

— А конкретно?

Арон тягостно молчал. Наконец глухо сказал:

— Может, мы поторопились, Вася?.. Может, надо было подождать? Посмотреть, чем там у нас кончится... Может, помочь кому-нибудь. А так ведь все потеряли — страну, город, дом... Ривку с Клавкой... Марксена... Какого мужика с места сорвали! И не уберегли. А теперь — вокруг все чужое. И мы на старости лет — как слепые котята.

Василий разволновался, отложил Боба Бонда, сел.

— Погоди, Арон!.. Ну что уж так-то!.. Доберемся до Израиля, продадим эту яхту... Ты слышал, все говорят, что она миллионы стоит. Купим себе большой дом! Заведем солидное дело. По всему миру будем путешествовать!..

Арон молчал, смотрел в потолок. Потом вздохнул и тихо сказал:

— Но это будет чужой мир, Вася. Чужое дело... И дом, который мы купим, будет чужим. Вот что страшно, Васенька....

Как был блокирован порт Чанаккале

Под парусами нахально вошли в пролив Дарданеллы и включили двигатель только тогда, когда справа по борту возникли бледно-желтые утесы восточного склона горы Ак Ярлар.

Ветер был слабенький, попутный, и убрать паруса не представляло большой сложности. Тем более, что в действиях Василия и Арона уже зримо проглядывал тот необходимый комплекс навыков, о котором при выходе из Одессы они и мечтать не смели.

Но так как в жизни ничего не дается даром, а, выражаясь научно, все происходит по строгим законам компенсаторного замещения, то, приобретя кое-какую уверенность в управлении яхтой, Арон и Василий стали быстро утрачивать тот нормальный человеческий облик, в котором они, казалось бы, совсем недавно покидали родные берега.

Одежда их была уже сильно потрепана, количество пуговиц — значительно меньше количества соответствующих им петель. Загорели похудевшие лица — не бриты, из-под черных пиратских шапочек с длинными козырьками и желтыми иероглифами вылезали нестриженные полуседы космы.

Несмотря на жару, в голосах появилась простудная хрипотца. Глаза провалились от постоянного недосыпа и усталости, руки были иссечены шкотами.

— В Гелиболу будем заходить? — спросил Василий, уступая Арону штурвал.

Арон встал к рулю, обстоятельно осмотрел ближний правый берег и сказал:

— Принеси карту.

Вася притащил из каюты карту. Арон заглянул в нее и сказал небрежно:

— Пошла она, эта Гелибола! В гробу я ее видел вместе со всеми Дарданеллами... Дойдем до Чанаккале, там и заночуем. Посчитай расстояние и загляни в лоцию.

Что-то в интонации Арона прозвучало такое, что Василий посмотрел на него с уважительным удивлением и безропотно полез в каюту.

— Да!.. И еще, Вася... — вспомнил Арон. — Я там пошуровал на камбузе — так перловка и пшено малость того... Отсырели. Пока идем под двигателем, да пока солнышко, расстели стаксель на рубке, просуши крупу. А то заплесневеет — совсем по миру пойдем. В порту встанем — каши наварим, постираемся. А то от меня, как от козла уже... О'кей?

— Ноу проблем! — крикнул Вася из каюты.

В табуне больших и малых судов и суденышек входили в порт Чанаккале...

Только было направились к причальной стенке для яхт и прогулочных лодок, как от пирса сразу же на большой скорости отвалил полицейский катер и, вздымая за собой высоченный водяной бурун, помчался наперерез «Опричнику».

В катере стояли представитель иммиграционной полиции, чиновник службы безопасности, таможенник и два репортера.

— Это они, они... — сказал полицейский и ткнул пальцем в Стамбульскую газету с фотографиями «Опричника» и его владельцев.

— Это их почерк! — обеспокоенно проговорил чиновник службы контроля безопасности. — Не запросить ни лоцмана, ни разрешения захода в порт, не дать о себе никакого радио!..

— А может быть, у них вообще нет радио?! — вступился за «Опричник» один из репортеров.

— На яхте стоимостью в несколько миллионов долларов? Не смешите меня!.. — сказал таможенник.

— Но вы не имеете права запретить им подойти к причалу! — сказал второй репортер.

— Я осуществляю контроль безопасности своего государства и имею право на все!

— А я получил строжайшее указание от своего начальства... — начал было полицейский, но первый репортер перебил его:

— Их связи с пиратами Ши Го-сюна не доказаны! Запрещая им стоянку в Чинаккале, вы нарушаете все международные правила! Это может вылиться в скандал мирового уровня!

— Никакого скандала не будет, — спокойно сказал таможенник. — Сегодня они не принадлежат ни одной стране. За них просто некому заступиться...

— Тем более это отвратительно! — потряс газетой второй репортер, взгляделся в «Опричник» и охнул: — О, Аллах всемогущий!.. Что у них за флаг на корме?!

Полицейский поднес бинокль к глазам и презрительно сказал:

— К тому же они еще и идиоты. Такие тряпки носят почти все портовые проститутки!..

И прокричал в мощный мегафон по-английски:

— Яхта «Опричник»! Прекратить движение, остановить двигатель!..

— Кян ай э терминал?! — надрывался Арон. — Ай гоу ту Хайфа, едрена вошь!!! Васька! Кажется, Яцек был прав. — Теперь они нас будут всю дорогу тормозить, суки...

Спустя полминуты «Опричник» и катер стояли в пятнадцати метрах друг от друга, и это небольшое расстояние было покрыто таким чудовищным русским матом, такими истошными криками иммиграционного полицейского и представителя службы безопасности порта Чанакале, что казалось, по этому участку воды, разделявшему катер и яхту, можно пройти легкой походкой Иисуса Христа «аки по суху»...

Репортеры щелкали камерами, записывали на магнитофон весь этот

гвалт и всячески поддерживали Арона и Василия, пока иммиграционный полицейский и представитель службы безопасности не крикнули хором:

— Ноу!!! — и недвусмысленно показали, дескать, «Вон из бухты!».

Катер взбуктовал за кормой воду, бешено набрал скорость, угрожающе обогнул «Опричник» и ушел, на прощание обдав его почти до середины мачты высоченной веерной волной...

...которая окатила Василия и Арона с головы до ног и мгновенно смыла С КРЫШИ РУБКИ ВСЕ ОСТАТКИ ПЕРЛОВОЙ И ПШЕННОЙ КРУПЫ, в секунду лишив владельцев многомиллионной яхты последнего провианта и предоставив им полную возможность в скором времени умереть тихой и голодной смертью!..

Как поймать большую рыбу

На вторые сутки скандального и трагического захода в Чанаккале, уже в Эгейском море, совершенно обессиленный от голода Василий буквально висел на штурвале.

Руки его были заняты, и он снова нацепил на шею пюпитр, и теперь, без отрыва от судовождения, вслух читал лоцию...

Арон при помощи пассатижей, молотка, трех гвоздей и старой консервной банки, служившей до сего момента пепельницей, изготавливал уродливую, но внушительную блесну.

Лица их еще потемнели, небритая щетина начала превращаться в некое начальное подобие бород.

— «...Плавание в Эгейском море с использованием радиотехнических средств не представляет трудности...». Слышишь, Арон?

— Слышу!

— «...так как обрывистые берега моря и многочисленные острова четко изображаются на экране радиолокатора». Арон!.. Ты смотришь на экран радиолокатора?

— А как же! Не отрываюсь... — пробормотал Арон, расклепывая самодельный крючок на «теле» блесны.

— Думаешь, что-нибудь поймает?..

— А хрен его знает... — Арон взялся привязывать к блесне конец тонкого капронового шнура, намотанного на большую катушку.

— «К особым явлениям, которые следует учитывать при плавании в Эгейском море, следует отнести сейсмическую и вулканическую

деятельность и миражи...» — читал Василий.

— Только этого нам еще не хватало!.. — Арон безуспешно пытался совладать с премудростями морского узла. — Васька! Помоги завязать беседочный узел... Я с голодухи все позабыл.

— Подержи баранку... — Василий передал штурвал Арону и ловко завязал узел на блесне. — Только затяни потуже. У меня сил нет... Откуда такой шнур?

— Нашел среди вещей Марксена Ивановича.

— Он нам даже после смерти ворожит... — тихо сказал Василий.

Арон туго затянул изготовленный Василием узел, раскрутил блесну, словно пращу, над головой, и с криком:

— Помоги, Господи, жрать же хочется!.. — далеко забросил блесну в море.

Сел лицом к корме и уставился на воду. В одну точку. Туда, куда уходит белый капроновый шнур Марксена Ивановича Муравича...

— «...в Греции следующие нерабочие (праздничные) дни»... — снова читал Василий. — «Первого января — Новый год; шестого января — Крещение; двадцать пятого марта — День независимости...» Ну, как там, Арон?..

— Не клюет, стерва. Читай дальше...

— «Двадцать первого мая — День святого Константина; пятнадцатого августа — Успенье...» Ну, и так далее. И во все эти праздничные и выходные во всех портах Греции — полная халява! Представляешь? Вода, электричество, стоянка — все бесплатно! Ай да греки!.. Надо же!

Арона вдруг рвануло к корме, шнур врезался ему в руку и он истошно закричал, наматывая шнур на швартовую утку:

— Есть!.. Есть, Васюся!.. Здоровая, падла!!!

Срывая с шеи пюпитр с лощей, Василий бросил штурвал и кинулся к Арону.

Но «Опричник» не простил такого предательства! Из стороны в сторону резко качнулся гик, заполоскал, захлопал большой парус, застрелял стаксель, и яхту стало опасно разворачивать носом к ветру.

— Марш на место, Васька!.. — крикнул Арон. — Держи судно по курсу!

В панике Василий снова ухватился за штурвал, с невероятным трудом вернул яхту в прежнее положение, а сизый от натуги Арон все подтягивал и подтягивал к корме что-то мощное, тяжелое, яростно сопротивляющееся!..

— Ох, здоровая, блядьюга! На неделю хватит, не меньше!.. — хрипя, приговаривал Арон. — Ну, иди ко мне, рыбка... Иди, миленькая.

— Держи ее, Арончик!.. — кричал Василий и все время поворачивался к корме, стараясь не упустить ни одного момента борьбы Арона с рыбиной. — Аккуратненько!.. По малу, по малу!.. Не дергай только!.. Тяни, тяни ее!..

— Не каркай под руку! — огрызнулся Арон и сладким до приторности голосом взывал к рыбе: — Ну, иди ко мне, моя лапочка!.. Сладенькая моя... Рыбонька моя любименькая!.. Что же ты дергаешься, сучка?! Мы же двое суток крошки во рту не имели... Совесть у тебя есть?! Рыбочка!.. Ну, пожалуйста...

А рыба была все ближе и ближе к корме, мокрый шнур спутанными петлями ложился на решетку кокпита, Арон хрипел от натуги, Василий с вывернутой к корме головой истерически выплясывал у штурвала и приговаривал с какой-то сумасшедшинкой в голосе:

— Если так долго не везет, то ведь должно повезти?.. Правильно? Мы же никому ничего плохого не сделали?.. Мы себе плывем и плывем. Нам немножечко, хотя бы немножечко покушать, и мы поплывем дальше. А что консулы нас не признали — так это ничего... Их тоже понять можно... И потом, консулы — не народ... А народ... Простые люди нас поймут... Арон!!! Смотри!!! — неожиданно завизжал Василий.

Но Арон и сам видел, как из воды, прямо в синее небо взлетела огромная, метра в полтора, толщенная рыбина, на мгновение зависла в воздухе и шумно шлепнулась обратно в воду!

Последовал страшный рывок, Арон чудом не перелетел через корму и упал на настил кокпита с ослабевшим, вялым шнуром в изрезанных руках...

Еще не веря в произошедшее, он вытащил из воды шнур с оборванным крючком, поднял глаза к небу и тихо спросил:

— Боженька... Что же ты над нами так измываешься, мать твою богородицу в душу так?!

Как выглядит улыбка судьбы

Вблизи какого-то нежилого островка свежий ветер сменился почти полным штилем. Паруса повисли, изредка слабо вспухая под угасающим дуновением теплого, вяло струящегося воздуха.

Яхта двигалась, повинуюсь только течению.

С биноклем на груди, забросив ноги на форлюк рубки, головой на

жестком якорном ящике, на носу яхты лежал недвижимый Василий. Глаза его из-под козырька черной пиратской шапочки были бессмысленно и отрешенно устремлены в небо...

— Вась!.. А, Вась... — негромко позвал его Арон.

Василий не ответил. Молчал, смотрел в голубое Эгейское небо.

— Ну, очнись, Вась... — мягко сказал Арон. — Сел хотя бы. А то кровь к голове прильет — совсем чокнешься. Вредно лежать так...

Молча Василий снял ноги с форлюка.

— Ну, чего уж так убиваться-то, Вась?.. Ты вспомни, когда в лагере мы блатным пиздюлей накидали, как нас тогда вертухали, в зоне отметили и в штрафной изолятор захнули... Что, лучше было, что ли? А мы с тобой им тогда еще назло песни пели! Ты еще стихи читал: «Я волком бы выгрыз бюрократизм...» Как сейчас помню! Неделью жрать не давали... И ничего, оклемались. Помнишь?

Василий прикрыл глаза, качнул головой из стороны в сторону, словно отгоняя от себя эти воспоминания, и надвинул длинный козырек черной шапочки на лицо.

— И ведь не я тебя тогда из изолятора вытаскивал, а ты меня!.. Вспомни. Я, дурак здоровый, на девятые сутки сломался, а ты был еще огого!..

Молчал Василий... Над его головой бессильно висел стаксель, под ним в борт яхты тихонько плескала слабенькая волна, поскрипывали снасти.

— А тут ты вдруг малость подраस्कис... А я без тебя — как без рук. Вот, к примеру, где мы сейчас? Я лично понятия не имею! — искренне сказал Арон.

Вася с трудом разомкнул пересохшие губы — хотел ответить. Но голоса не было. Он проглотил комок, откашлялся, отперхался и глухо сказал:

— Я тоже...

Арон обрадовался, что Василий хоть разомкнул уста, заговорил ласково, с фальшиво-бодрыми интонациями, как с маленьким капризным ребенком:

— Вот и хорошо! Вот и возьми лоцию, карту... Посчитай время, примерную скорость... Определись, дай мне точный курс!.. А то, не дай бог, погодка переменится — нам с тобой некогда будет на карту глянуть...

Василий снова замкнулся, лежал, не шевелясь, на носу яхты.

Арон совсем было пришел в отчаяние:

— Хоть бы вокруг огляделся!.. Что же тебе Марксен зря бинокль подарил?! Приставил бы ты его к своим глазкам — вон островишко какой-

то рядом... А вдруг мы там чего-нибудь прожрать бы нашли?

При слове «пожрать» Василий тяжело и судорожно вздохнул, медленно приподнялся, сел и сдвинул козырек пиратской шапочки набок. Увидел неподалеку островок и нехотя поднял бинокль к глазам...

В окулярах бинокля остров резко приблизился, все на нем сильно увеличилось, и первое, что заполнило поле зрения Василия, была большая белая коза с огромным тяжелым выменем!..

Упругие струйки козьего молока с веселым звоном били в дно большой эмалированной кастрюли.

Обливаясь потом и задыхаясь от непривычной работы, Василий сидел на корточках и доил козу. Теперь его черная шапочка была повернута козырьком назад.

Чтобы коза не дергалась, а еще чего хуже не вздумала бы убежать, ноги ее были крепко привязаны к четырем колышкам, вбитым в землю, на рога накинута веревочная петля и конец веревки закреплен на низкорослом инжирном деревце с бесчисленным множеством спелых фиолетовых плодов.

Перед мордой козы на коленях стоял счастливый Арон, кормил инжиром козу и Василия, у которого руки были заняты добычей молока из нехудеющего козьего вымени, и ел инжир сам...

На прибрежной песчаной отмели валялся дар Немы Блюфштейна — резиновый тузик с двумя короткими веслами и белой надписью по толстенькому бортику «Я-К. Од.В.О.», что должно было означать «Яхт-клуб Одесского военного округа».

Метрах в тридцати от берега на якоре покачивался «Опричник» со спущенными и впопыхах брошенными на рубку и палубу парусами.

И коза, и Василий жрали инжир так быстро, что Арон просто не успевал совать им в рот сладкие и спелые плоды.

— Вы куда так торопитесь, ребята? — тревожился Арон. — Ну, козе простительно. Коза, она и есть «коза»!.. Ты-то, Васька, поберегись. Столько дней не евши... Кишки же в брамштоковый узел завяжутся!

— Ни хрена!.. Я бы вообще отсюда уже никуда дальше не плыл, а попросил бы на этом острове гастрономического убежища... Давай еще!.. — задыхаясь от непрерывного доения и безостановочной еды, прохрипел Василий и широко открыл рот...

Поздним вечером, в одних трусах сидели в каюте за столом друг против друга со стаканами козьего молока в руках.

Тут же стояла пустая эмалированная кастрюля и алюминиевая миска с одной-единственной инжириной.

Сидели точно так же, как когда-то сидели в Ленинграде на кухне Арона и приканчивали вторую бутылку водки. И выглядели точно так же, как после литра водки — пьяными, со слипающимися глазами, с заторможенной, неуверенной речью и не очень четким произношением.

Наверное, сказалось все — и изнурительная бессонница, и дикая усталость, издерганность последними событиями, внезапно навалившаяся сытость после долгого голодания. А может быть, такой замечательный эффект был достигнут при помощи активного сочетания козьего молока со свежим греческим инжиром.

— Все!.. По последней, и на боковую... — решительно произнес Арон заплетающимся языком и поднял свой стакан с молоком. — За тебя, Васюся!

Василий тоже поднял стакан, сыто икнул и возразил:

— Ни в коем случае!.. Сегодня за тебя! По разгонной — на ход ноги!.. Я тебя, знаешь, как уважаю?!

— Протестую!!! Несправедливо!.. — сказал Арон. — Ты меня уважаешь, и я тебя жутко уважаю! А козу мы, значит, не уважаем?!

— Очень уважаем!..

— Тогда пьем за козу! — Арон тяжело встал из-за стола.

— За козу пьем стоя!..

Вася поднялся на ноги только со второй попытки и закричал:

— За козу!!!

Они одновременно залпом опрокинули в себя остатки козьего молока, по привычке сморщились — будто от водки, и понюхали одну инжиринку на двоих.

И, словно в благодарность за произнесенный тост, с берега раздалось нежное блеяние...

Как Вася, Арон и Боба Бонд спасли «Опричник»

Пробуждение было более чем странным и неожиданным!

В иллюминаторы уже во всю заглядывало солнце, когда каюта «Опричника» вдруг качнулась с боку на бок, спящие мертвецким сытым сном Василий и Арон перекатились в своих койках, повторяя движение каюты, под днищем яхты раздался долгий и противный скрежет, и каюта вместе с ее обитателями просто легла на бок!..

Василий оказался впечатанным в стенку, а Арон кубарем свалился на

пол, прокатился под столом, сметая все на своем пути, и влип в койку Василия.

С полок полетели все незакрепленные предметы. Из камбуза послышался грохот и лязг сыплющихся кастрюль, сковородок и алюминиевых мисок...

— Что?.. Кто?.. Где мы?! — пролепетал со сна Василий.

— Нет!.. — сказал Арон, пытаясь понять, что происходит, и встать на ноги. — В этом мире нам пощады не будет...

И первый пополз к двери каюты.

Когда они с величайшим трудом отворили дверь и выкарабкались наверх в кокпит, выяснилось, что...

...яхта лежит на боку на песчаной отмели, и воды вокруг нее, хорошо если по пояс, да и то с одной стороны.

Якорная цепь обнажилась на всю длину, и положение казалось безнадежным. Тем более, что невдалеке, по берегу бегала вчерашняя коза и так тревожно блеяла, что просто сердце сжималось!..

— Что это?.. — растерянно спросил Арон.

— Что, что!.. На мель сели!.. — сказал Василий.

— Но мы же никуда не двигались, на якоре стояли?!

— Отлив!

— Чего-о-о?!

— Отлив. Это когда мы стоим на месте, а вода из-под нас уходит, — объяснил Василий Арону. — Я точно такую же ситуацию в одном кино по телевизору видел!..

Помолчали, огляделись, и Арон спросил:

— А в том кино не показывали, как из такого говна выбираютя?

— Вот слушай, что пишет про это Боба Бонд, — говорил Василий Арону.

Он сидел на берегу рядом с козой, прихлебывал уже надоенное утреннее молоко и держал перед собой «Справочник яхтсмена».

Арон в оранжевом спасательном жилете на голое тело стоял около надувного тузика и с кислым видом жевал инжир.

— «Если яхта села на мель, во-первых, не следует паниковать... — читал Василий, и коза с интересом заглядывала через его плечо в „Справочник“...».

— Я не паникую, — сказал Арон. — Я просто хочу понять, сколько еще судьба будет трясти нас за шкуру?!

— Ладно, заткнись! Слушай дальше... «Если яхта села на мель при высокой воде квадратурного прилива...»

— Эт-то еще что такое?!

— Ты меня спрашиваешь? — посмотрел на него Василий и снова уткнулся в книгу: — «...то можно прождать пару недель, прежде чем появится возможность снять ее с мели».

— Не годится! — сказал Арон. — За это время ты тут женишься на этой козе, попросишь у греков убежища под инжирным деревом, и мне придется добираться до Хайфы одному... Есть еще варианты?

— Вариантов — куча! Это гениальная книжка!..

Спустя час Арон сидел в тузике далеко в море и с усилием дергал за две толстые веревки, идущие прямо из воды к яхте.

Василий стоял на покосившейся палубе и кричал:

— Ну, как?! Держит?..

— А хрен его знает!.. Меня держит! А вот как они тринадцать тонн выдержат — этого я тебе сказать не могу!.. — крикнул в ответ Арон.

Василий тоже подергал эти концы, заложенные на две лебедки. Рывки передались по всей длине до Арона, сидящего в тузике, и тузик опасно заколыхался на воде.

— Эй, ты шлемазл!.. Кончай свои эксперименты!.. Если я упаду в воду, кто меня вытаскивать будет? Твоя коза, что ли?! — встревожился Арон. — Я же, как колун, на дно пойду!..

— Ты оба якоря завел? — спросил его Василий.

— Оба!

— Тогда гребь сюда! Мне одному с лебедками не справиться. И посмотри гребной винт. Не вылез он из воды?

— Я уже смотрел!.. — крикнул Арон, осторожно подгребая к яхте. — Нормально! В воде...

— Очень хорошо, — сказал Василий. — Еще и двигателем поможем!.. И не забудь привязать тузик...

Арон с интересом оглянулся на Василия:

— Я про тебя все понял, Васька! Тебя нужно постоянно и много кормить! Тогда тебе — цены нет!..

Теперь тузик был привязан сбоку яхты. Тарахтел двигатель. За кормой от винта вспенивалась и бурлила желто-серая вода, подымая с близкого дна ил и песок...

От якорей, заведенных Ароном на большую глубину, на яхтенные лебедки тянулись две толстые веревки. Василий стоял у одной лебедки, Арон у другой.

— «Все операции важно производить оперативно, так как высота воды может уменьшиться...» — читал Василий «Справочник...» Бонда.

— Я и так вижу, что она уменьшается!.. Еще полчаса — и яхту три слона на глубину ни хера не стащут! Кончай лялякать! И так все ясно! Раз-два, взял!!! — и Арон подналег на рукоять лебедки.

Василий бросил книжку, попытался повернуть свою лебедку.

— Прибавь обороты! — крикнул ему багровый от натуги Арон.

Василий спрыгнул в кокпит, передвинул сектор газа вперед до максимума. Двигатель взревел, и яхта легонько качнулась...

— На лебедку — быстро! — закричал Арон.

Василий бросился к своей лебедке и, скользя босыми ногами по палубе, всем телом налег на рукоять.

И... О, счастье!.. Лебедка провернулась на четверть оборота. Как струны, натянулись якорные канаты.

— Еще-е-е ра-а-а-азик!.. Е-еще ра-а-аз!!! — распевно хрипел Арон, и в его натужном хрипе явно прослеживалась исконно-русская мелодия бурлацкой «Дубинушки».

Снова лебедки провернулись на четверть оборота! Под килем раздался легкий скрежет... Но уже не противный, пугающий, не оставляющий надежд, а легкий, нежный, спасительный...

— Возли-и-и!!! — кричал уже Василий и наваливался, наваливался всем тщедушным тельцем на рукоятку своей лебедки.

Бешено молотил воду винт норвежского двигателя, украденного с одного из ленинградских складов; с паническим блеянием металась по берегу покинутая коза, щелкали стопорные «собачки» лебедок; уже во всю скрипел песок под днищем «Опричника»; кричали, хрипели, вопили Арон и Василий...

— Васька!!! Бросай свою лебедку! Поднимай грот!!! Ветер с берега!.. Счас мы ей поможем, родимой!.. Давай быстрее, мать твою!..

Василий вскочил на ноги, рванулся к мачте...

Медленно, тяжело, нехотя пополз вверх большой парус. Явственно заскрежетал киль по песчаному дну!..

— Трави гика-шкот!.. — прокричал Арон, проворачивая лебедку уже почти на три четверти оборота.

Василий моментально освободил гика-шкот, вытравил его почти на всю длину и наполненный ветром с берега огромный парус встал перпендикулярно всей яхте.

Арон и Василий снова навалились на лебедки, запели, заскрипели, закричали жуткими голосами:

— Э-эй, ухнем!!! Э-эй, ухнем!.. Еще-е ра-а-а-азик, е-еще раз!

«Опричник» вольготно покачивался на свободной глубокой воде у того

места, куда Арон заводил якоря.

Берег с инжирным деревом и козой теперь были сильно удалены от яхты, и жалобные призывы брошенной козы, к счастью, были слышны гораздо слабее, чем раньше...

Мокрые, обессиленные Арон и Василий в пропотевших спасательных жилетах неподвижно лежали на палубе. Рядом валялся «Справочник яхтсмена» Боба Бонда.

— Чего-то нам последнее время не везет... — слабым голосом тихо проговорил Арон.

— Не гневи Господа, — сказал ему Василий. — Более везучих людей, чем мы — может быть, и на свете сейчас нет. Знаешь, что по этому поводу Боба пишет? Я еще раньше прочитал — не хотел тебя запугивать...

Василий усмехнулся, взял «Справочник...», раскрыл его и сказал:

— Слушай, шлемазл! «Когда КОМАНДА работает на лебедках...» Слышишь? «КОМАНДА»!.. А не два жиды в три ряда, как мы с тобой! «... то все ОСТАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ЭКИПАЖА должны...» Ну, и так далее. То есть, предполагается минимум семь-восемь человек! А мы с тобой, Арончик, умудрились все это ВДВОЕМ сделать! Считай, десять миллионов долларов со дна подняли! И ты еще будешь говорить, что нам не везет?..

К концу дня шли под парусами в открытом Эгейском море. Арон стоял за штурвалом, беспокойно переминался с ноги на ногу. Наконец, не выдержав, постучал по крыше рубки:

— Ну, сколько можно?!

Из гальюна раздался сдавленный голос Василия:

— Ну, счас, счас...

— Пятый раз там по часу просиживаешь!

— Четвертый.

— Ну, четвертый! А мне, что? За корму задницу свесить?..

Из гальюна донесся томительный стон, звук спускаемой воды, щелчок задвижки, и в кокпит, застегивая штаны, вылез истомленный поносом, страдающий Василий.

Перехватил у Арона штурвал и сказал:

— Иди уже, иди... Только не больше десяти минут, а то я за себя не ручаюсь...

Рассупониваясь на ходу, Арон юркнул в гальюн, захлопнул за собой дверь и уже оттуда крикнул:

— Говорили тебе — не наваливайся на молоко с инжиром!

Как академик Сахаров решил еврейский вопрос

Потом Василий лежал на крыше рубки лицом к Арону, стоявшему за штурвалом, поглядывал в расстеленную между ними карту и удивлялся:

— Ничего не понимаю!.. Мы проходили Лесбос?

— Никакого Лесбоса не было... — говорил Арон.

— По левому борту должен был быть такой громадный островина! — настаивал Василий. — Ты не мог его не заметить!..

— А я тебе говорю, что ни по левому, ни по правому борту никакого острова не было, — возражал Арон.

— А курс?

Арон быстро глянул на компас, неуверенно произнес:

— Сейчас — сто восемьдесят...

— Арон! Посмотри мне в глаза! Когда ты последний раз глядел на компас?

Арон промолчал. Глядя на него в упор, Василий снова спросил:

— Я тебя спрашиваю — когда ты последний раз глядел на компас?

— Ну, чего ты привязался?! — огрызнулся Арон. — Часа три, четыре тому назад...

— А потом?

— А потом мы с тобой вперегонки на горшок бегали!..

— Та-ак... — растерянно протянул Василий. — И где мы теперь?

— Ты меня спрашиваешь? — посмотрел на него Арон. — У тебя перед носом карта...

Василий приподнялся и сел на крыше рубки, скрестив ноги.

— Пока мы не знаем, где мы находимся, эта карта — как рыбе зонтик. Можешь свернуть ее в трубочку и засунуть себе... Отгадай куда?

Арон виновато молчал. Василий посмотрел через его плечо на корму, где трепетал флаг «Опричника» — зеленый шелковый платок маленькой стамбульской проститутки, увидел в километре идущее судно и сказал:

— Начинаем восстанавливать потерянную ориентировку методом опроса местного населения или случайных прохожих, Арончик. Оглянись, детка. Во-о-он там идет какой-то пароходик... Так ты спустись в каютку, возьми в лапки свой английский словарик и попробуй составить три вопроса — где мы, как нам выйти на нужный курс и нет ли у них чего-нибудь пожрать. А я пока постою на руле.

Василий спрыгнул в кокпит и решительно отобрал штурвал у Арона.

Когда судно почти догнало «Опричник» и расстояние между ними

сократилось, Арон уже стоял на носу яхты со словарем в руках и шептал про себя заготовленные фразы, изредка пугливо заглядывая в словарь.

Судно замедлило ход и дало пять коротких гудков.

— Да, видим, видим... — пробормотал Василий. — Приготовься, Арон! Начинай со своего традиционного «Ай гоу ту Хайфа!» и чеши дальше!..

Слышно было, как тише стали работать судовые машины, судно поравнялось с «Опричником» и на совсем малом ходу пошло рядом параллельным курсом.

Было очень хорошо видно, как высыпала на палубу вся команда, сгрудилась у борта и, размахивая руками, уставилась на «Опричник».

— Начинай, Арон! — зашипел Василий, словно театральный суфлер. — «Ай гоу ту Хайфа...»

— Ай гоу ту Хайфа!!! — закричал Арон что было силы.

А с борта судна закричали ему в ответ на чистом русском языке.

— Знаем, знаем!.. Читали про вас!

Арон растерялся и по запарке крикнул еще раз:

— Ай гоу ту Хайфа!

Это сообщение вызвало на судне взрыв гомерического хохота и кто-то с мостика прокричал в мегафон:

— Эй, парень! Ты так уж по-английски не надрывайся! Мы и по-русски понимаем!

— Наши!!! — закричал Арон и отшвырнул словарь. — Наши!.. Гляди, Васька! «Академик Сахаров»! «Ленинград»!.. Только не по нашему написано! Ну, надо же!!!

— Ребята!.. — счастливо завопил Василий, и глаза его увлажнились. — Ребята...

Он восторженно схватился за голову, а потом молитвенно воздел руки к небу, бросив штурвал на произвол судьбы.

Яхта тут же отреагировала резким креном вправо — в сторону «Академика Сахарова», на что с мостика сразу же тревожно сказали в мегафон на все Эгейское море:

— Держи штурвал, мудила! А то шваркнешься к нам в борт — костей не соберешь! И никогда свою Хайфу не увидишь!..

Спустя какое-то время на «Опричнике» были убраны паруса, с носа и кормы яхты к «Академику Сахарову» тянулись два швартовых конца, а с судна был спущен шторм-трап.

Притянутый к «Академику Сахарову» «Опричник» продолжал двигаться по морю вместе с судном, нескончаемой вереницей в яхту

спускались канистры с соляжкой и моторным маслом, ящики с фруктами, коробки с провизией, какие-то инструменты...

Часть команды, свободная от несения вахты, торчала у борта, висела на шторм-трапе, помогая передавать в яхту все эти неожиданные и столь необходимые дары водоплавающего братства.

Василий и Арон принимали коробки, ящики и канистры, кричали наверх:

— Спасибо, ребята!.. Ну, куда столько?! Тут же до Австралии хватит!..

А наверху ржали:

— Вы хоть до Хайфы доберитесь, салаги!

— Про вас в газетах такое написано!..

— Нам на политинформации первый помощник читал... Сдохнуть можно!

— Мужики! Вы и вправду плавать не умеете?!

Неподалеку от шторм-трапа у борта стояли капитан «Академика Сахарова» — парень лет тридцати пяти в кремовой форменной фуражке и в белоснежных шортах и первый помощник — человек лет сорока в темно-синей куртке и длинных брюках. На лице у первого помощника было весьма кислое выражение.

Оба разглядывали газету со статьей, которая так и называлась — «Ай гоу ту Хайфа!». Статья была проиллюстрирована фотографиями Арона и Василия и «Опричника» во время скандала в бухте Чанаккале.

— Ах, как мне все это не нравится! — сказал первый помощник.

Капитан усмехнулся, сделал вид, что не понимает истинных причин беспокойства своего первого помощника:

— Кому это может понравиться? Рации — нет, локатора — нет, эхолота нет... Лага простейшего нет! Кошмар какой-то!.. Ни порт запросить, ни сигнал о помощи послать, ни определиться... Фантастика! Один компас, да и тот врет, как сволочь! А они плывут...

Первый помощник нехорошо посмотрел на капитана.

— Вы, Борис Борисович, напрасно делаете вид, что не понимаете меня. Эти люди навсегда покинули Родину! Бросили нашу страну в самый тяжелый момент ее истории! И вот такое, понимаете, братание нашей команды с эмигрантами-сионистами под этим идиотским флагом...

— Вы тоже с наслаждением покидаете свою Родину, — сказал капитан, наблюдая за погрузкой «Опричника». — И домой возвращаетесь с одной мыслью: когда следующий рейс?

— Это мой долг, моя работа! Идеологическое воспитание моряков, поддержание в них настоящего патриотизма...

— Да бросьте вы, — прервал его капитан. — Кому нужна сейчас ваша идеология? Даже вам она — как собаке — здрассте... А в рейс стремитесь только потому, что здесь нам каждые сутки грошовая валютка капает, на которую в нашей стране сейчас хоть как-то прожить можно.

— Но вы же настоящий русский человек, Борис Борисович! — воскликнул первый помощник шепотом. — Неужели вас самого не тошнит от всех этих Циперовичей, Гольдбергов, Рабиновичей?! Пролезли, понимаете, своими лупоглазыми, носатыми мордами во все сферы... Куда ни глянь!.. От районной поликлиники до Политбюро! Довели, понимаешь, страну до ручки, а теперь...

— Точно! — рассмеялся капитан. — Нет, чтобы нам, настоящим русским людям, собраться бы с духом, вспомнить наше славное прошлое, да устроить по всей нашей нищей стране полсотни показательных еврейских погромов — то-то зажили бы! И сытно, и счастливо!..

Первый помощник выпрямился, одернул на себе синюю курточку:

— Борис Борисович! Считаю себя обязанным предупредить вас, что по возвращении в Ленинград я буду вынужден...

— Пишите, пишите, — сказал капитан. — Страна, воспитанная в традициях Павлика Морозова, в повальном доносителе, не может сразу отказать своим верным сынам в возможности нагадить в карман ближнему. Пишите. Я же помню, сколько вы писали во все концы, чтобы наше корыто не переименовали в «Академик Сахаров». Пишите, но если нас с вами после этого уволят из пароходства, то я со своим дипломом смогу хоть детишек по Неве катать на речном трамвайчике, а вот что вы-то будете делать со своим высшим партийным образованием?

— Я могу идти? — напряженно спросил первый помощник.

— Идите, — равнодушно сказал капитан и закричал громовым голосом на все судно: — Боцмана ко мне!!!

Примчался боцман — здоровенный молодой полуголый парняга в стираных-перестиранных джинсах и с каскеткой на голове. Вытянулся перед капитаном в струнку:

— Слушаю, Борис Борисович!

Капитан вытащил из нагрудного кармана рубашки небольшое портмоне, порылся в нем, оставил себе несколько одно— и пятидолларовых бумажек, а двадцатидолларовую купюру протянул боцману:

— Двадцатник передай этим чудакам. Мало ли на что сгодится...

— Борис Борисович... — замялся боцман. — Там ребята уже собрали им по мелочишке...

— Ну и дураки, — спокойно сказал капитан. — Придут в Ленинград — самим жить надо будет. Выполняй!

— Слушаюсь! — боцман расплылся в улыбке.

— Да! И еще... Пошуруй у себя в хозяйстве — какие-нибудь шмотки для мужиков. Гляди, как обтрепались...

— Слушаюсь, Борис Борисович! У меня в заначке есть пара новых тельников. Пойдет?

— Пойдет, — сказал капитан. И дай-ка две бутылки «Столичной» из моего представительского запаса.

Как Клавка и Ривка упустили свое бабское счастье!

Свежий ветер дул в паруса «Опричника». Сильно накренившись, он мчался с добротной скоростью по южным водам Эгейского моря, оставляя за собой короткую белопенную тропу, которая уже в пятидесяти метрах за кормой съедалась мелкими злобными волночками с седыми загривками...

В русских полосатых тельняшках и черных пиратских шапочках с желтыми китайскими иероглифами, в продранных, обтрепанных штанах, с ножами у пояса, под невиданным зеленым шелковым флагом с золотым драконом Арон и Василий выглядели более чем живописно!

Штурвал держать было невероятно тяжело — ветер был сильный, скорость достаточно велика, и от этого нагрузка на руль увеличивалась втрое. Но Василий, сжав зубы, всеми силами, всем небольшим весом своего тела удерживал яхту в нужном направлении.

Арон возился на камбузе, беспокойно выглядывал в кокпит, понимая, как трудно сейчас приходится Василию, стоявшему на вахте. И поэтому с материнскими интонациями в голосе время от времени спрашивал:

— Тебе жареную корейку с чем сделать — с картошечкой или с макаронками?

Василий глубокомысленно задумался, пресыщенно выбирал, прикидывал и наконец отвечал:

— Давай с картошечкой... Макарошки уже малость поднадоели.

— А на сладкое? — спрашивал Арон. — Может, компотику? Есть абрикосовый, сливовый, яблочный!..

И снова Василий раздумывал и в конце концов говорил:

— А может, кофейку покрепче замостыришь?

— Нет вопросов! — радостно кричал Арон. — Тебе со сгущенкой или

с сахаром?..

После обеда на вахте у руля стоял Арон, а Василий в каюте попивал кофе со сгущенкой из большой фаянсовой кружки Марксена Ивановича Муравича.

Над его головой на переборке каюты уже образовывалась некая выставочная экспозиция. Начиналась она с фотографии Марксена Ивановича, за ней следовала вырезка из иностранного спортивного журнала с изображением яхты-ретро стоимостью в двенадцать миллионов долларов, дальше к стене была прикреплена турецкая газета с фотографиями «Опричника» у Стамбульского причала и его владельцев в полицейском участке Среднего порта, затем следовала вырезка из греческой газеты тоже с фотографиями и под английским названием «Ай гоу ту Хайфа!»...

— Ах, дуры, дуры, дуры!.. — прихлебывая кофе сокрушенно проговорил Василий, и от огорчения даже стукнул кулаком по столу.

Арон тревожно заглянул в каюту:

— Ты чего, Вася?!

Василий взял кружку с кофе, вышел в кокпит, уселся рядом со стоявшим Ароном.

— Я говорю, Ривка и Клавка — дуры стоеросовые! Не путались бы со всякой швалью, со шпаной — не попадали бы в разные заморочки... Пошли бы сейчас с нами, мир поглядели бы!.. Увидели бы — какие настоящие мужики бывают на свете...

— Это ты про нас? — спросил Арон.

— Нет. Я про ребят с «Академика Сахарова», — сказал Василий.

Подумал немножко, допил кофе и отнес кружку в каюту.

Вернулся в кокпит и сказал:

— Ну, и про нас в какой-то степени...

— Это точно! — горделиво согласился Арон. — Прошлепали они свою жизнь, курицы несчастные!..

Ветер крепчал. Даже в кокпите, стоя рядом друг с другом, разговаривать было уже трудно, приходилось кричать.

— Васька! Погодка-то того!.. — стоя у штурвала крикнул Арон.

— Пора рифы брать!.. Для такого ветра — парусов слишком много! — прокричал в ответ Василий.

— Надень жилет и привяжись концом к релингу! — крикнул Арон.

— Да ладно тебе...

— Я тебе что сказал, едрена вошь?! — рявкнул Арон.

Василий смотался в каюту, надел там спасательный оранжевый жилет.

Вылез на палубу, привязал себя к носовому релингу и вопросительно посмотрел на Арона.

— Ослабь оттяжку гика, а я попробую одной рукой протралить грота-фал! — крикнул ему Арон.

Василий ослабил оттяжку, и парус сразу заполоскал и слегка обвис. Скорость уменьшилась...

Арон с трудом дотянулся до грота-фала, не выпуская штурвал из рук.

— Порядок? — Арон слегка припустил большой парус, и он захлопал на ветру так пугающе, что Василий с нескрываемой тревогой посмотрел наверх на конец мачты.

— Не бойсь! — крикнул Арон. — Теперь крепи риф-кренгельс! И не мудохайся! Побыстрее!.. Давай сюда — на конец гика!.. И осторожней, жопа с ручкой! Кувыркнешься в воду — спасать некому!.. Так... Молодец! Закладывай риф-шкентель!..

Василий попробовал заложить риф-шкентель, но натяжение паруса было настолько еще велико, что это ему не удалось. Ноги скользили по мокрой палубе, влажный конец вырывался из судорожно сведенных рук...

— Доверни чуток вправо! — крикнул Василий. — Мне шкаторину не оттянуть ни хрена!..

Арон переложил штурвал вправо, и яхта опасно легла на правый борт. Василий мгновенно заложил риф-шкентель и крикнул:

— Хорош! Выравнивай!!!

— Молоток, Васька! Становись к штурвалу, я буду вязать риф-штерты! А то тебе не осилить!..

Они быстро поменялись местами и, уже стоя на руле, Василий крикнул Арону:

— Привязывайся, задрыга! Я лично плавать не умею, чтобы тебя потом из воды вытаскивать!..

Арон кое-как пристегнулся к мачте и стал вязать рифы под гиком.

То, что делали в эти минуты Арон и Василий на такой огромной семнадцатиметровой и тринадцатитонной яхте, с мачтой высотой с четырехэтажный блочный дом постройки времен незабвенного Никиты, было невероятно! Наверное, они делали что-то не так, как того требовала бы строгая наука мореплавания, но площадь парусов они уменьшили, скорость движения яхты снизили, опасности утонуть избежали!..

— Знаешь, Васька, чего нам не хватает? — спросил Арон, спрыгивая в кокпит.

— Ну?

— Еще человек пять команды... Тогда вообще все ни хрена не

страшно было бы! Все успевали бы...

— Боже нас упаси! — крикнул ему Василий. — Представляешь, какая толкотня была бы? Мы вдвоем-то здесь еле поворачиваемся!

— Ну, ты нахал!.. — удивился Арон. — Отдыхай.

Он перехватил у Василия штурвал и крикнул под свист ветра:

— Вот это свежачок! Держись, Васька! Сейчас нас потреплет!

— Главное до Родоса добраться! Там укроемся. А дальше уже Средиземное море, и имели мы все в виду!..

— Еще неизвестно, пустят ли нас в Родосский порт... — пригорюнился Арон. — Мало ли на каких идиотов нарвемся!..

Как нужно давать интервью в Греции

Лавируя среди стоявших на рейде судов, к Родосу подходили при помощи двигателя.

Ветра в бухте почти не было, и Василий читал Арону вслух лоцию:

— «Главное занятие населения острова Родос — земледелие, скотоводство, добыча губок и кораллов, а также рыболовство...»

— Рыбки, охота... — мечтательно проговорил Арон, направляя яхту в бухту порта, где вдалеке была видна причальная стенка для малых судов, около которой торчал лес яхтенных мачт.

— Совсем зажрался, браток, — заметил ему Василий.

Не успел Арон достойно ответить, как от пирса, далеко выдающегося в море, отвалили сразу два катера — большой и средний, и помчались навстречу «Опричнику».

— Начинается!.. — сокрушенно сказал Василий.

В среднем катере стояли четыре человека в служебной полицейской и таможенной униформе, зато в другом, большом катере было по меньшей мере человек десять-двенадцать самой разнообразной публики.

Арон пришел в неопишемую ярость!

— Ну, бляха-муха, все!!! — сказал он. — Сейчас я кому-то рыло начищу! У меня терпение кончилось!.. Я им, бля, и перловку, и гречку припомню, сукам!..

И когда катера приблизились, Арон и Василий злобно заорали хором свое привычное:

— Ай гоу ту Хайфа!!!

Оба катера вдруг совершенно неожиданно разразились

аплодисментами и восторженными разноголосыми криками:

— Ай гоу ту Хайфа!.. Браво!!! Ай гоу ту Хайфа!.. «О-пришник»! «О-приш-ник»!.. Браво!.. Ай гоу ту Хайфа!!!

Василий и Арон растерянно переглянулись. Уже заранее готовые к сопротивлению, скандалу, может быть, даже к драке, со всеми вытекающими из этого полицейскими последствиями, они были потрясены и обезоружены!

А тут еще большой катер стал довольно слаженно скандировать:

— И-ва-нов энд Ра-би-но-виш! И-ва-нов энд Ра-би-но-виш!..

Арон ошалело посмотрел на Василия и тихо сказал ему на ухо:

— По-моему, они здесь все того... Охренели.

Никогда за время своего долгого и многострадального существования, начатого в кровавом тридцать седьмом и возвращенного к жизни спустя пятьдесят три года, на пятом году смутного времени Перестройки, «Опричник» не видел на своем борту такого количества молоденьких роскошных длинноногих красоток!

В вечерних туалетах, в милых домашних платьицах, в купальных костюмчиках и без — с клипсами на торчащих сосочках и узенькой ленточкой на приличном месте полтора десятка манекенщиц и фотомоделек, то и дело меняя позы по возрастающей шкале соблазнительности, лежали на палубе, сидели на крыше рубки, висели на мачте, рискованно оседлывали гик, крутили штурвал, примеряли черные шапочки Арона и Василия на свои прелестные головки, опоясывали свои стройные чресла их ремнями с пиратскими ножами и, томно закатывая глаза, сладострастно открывали хорошенькие ротки, многообещающе облизывали губки и нежно обнимали грязных и заросших, обтрепанных и пропотевших героев этого неожиданного шоу — Василия Петровича Рабиновича и Арона Моисеевича Иванова...

А вокруг бесновались фотографы, репортеры, телевизионщики с видеокамерами, хроникеры с «Арефлексами» и радиожурналисты с микрофонами!..

Обалдевшие от такого напора, Арон и Василий были поставлены на бак «Опричника», на шеи им были повешены гирлянды из живых цветов, головы покрыты лавровыми венками, а в руки каждому были воткнуты по бутылке «Метаксы» и бокалу...

Пирс был украшен огромным плакатом с надписью по-английски — «АЙ ГОУ ТУ ХАЙФА!» и уставлен десятком машин, в том числе и передвижной телевизионной станцией.

Сверкали блицы фотографов, слепили подсветки хроники и

телевидения, маленький оркестрик в национальных костюмах играл, конечно же, «Сиртаки», стоял дикий шум и крик, и ошалевших Арона и Василия при помощи двух переводчиков-синхронистов буквально расстреливали вопросами:

— Что вы сделаете со своими миллионами, когда продадите яхту?

— Купим большой дом, заведем солидное дело... — сказал Вася.

— А вы? — комментатор сунул микрофон в физиономию Арону.

— Я лягу на них и буду трое суток спать без просыпу.

По одной из Стамбульских торговых улочек ехал Яцек Штур на своем «фирменном» грузовичке. Внимание его привлекла группа зевак, глазающих на витрину магазина, где были выставлены работающие телевизоры. С разнокалиберных экранов вещали Арон и Василий в гирляндах цветов и в окружении красоток.

Яцек резко затормозил именно в тот момент, когда комментатор спросил:

— У вас был конфликт в Стамбуле. Чем вам особенно не понравилась Турция?

— Консулами, — ответил Василий. — Советским и израильским.

— А хоть что-нибудь вам там понравилось?

— Да! — твердо сказал Арон. — Шипшандер Яцек Штур!..

В припортовом кабачке у стойки сидели и смотрели телевизор две проститутки — маленькая, спавшая с Ароном на яхте, и большая — любившая Василия в старом американском автомобиле.

На экране телевизора появился крупно флаг «Опричника» — зеленый шелковый платок с золотым драконом. Раздался вопрос:

— Что означает ваш флаг?

— Это флаг любви, — ответил Арон.

Красотки на яхте сладострастно застонали.

— И он нам очень дорог, — добавил Василий.

— В каком смысле? — не понял репортер.

— Он обошелся нам в двести двадцать долларов, — сказал Арон.

Большая проститутка в упор посмотрела на маленькую, и дала ей такую пощечину, что маленькая слетела с высокой табуретки на пол...

В Чанаккале, в огромной редакционной комнате у телевизора торчали несколько сотрудников редакции, в том числе и два репортера, присутствовавших при скандале в бухте. На стене была приколотая статья с фотографиями Арона и Васи.

— Но у вас было столкновение и в Чанаккале!.. — терзал Арона и Василия третий репортер. — Каковы ваши впечатления?

— Власти — говно, а журналисты — отличные ребята, — не задумываясь ответил Арон, к восторгу всей редакции...

В Черном море, на пиратском катере Ши Го-сюна, в строгой и большой кают-компании за столом сидели все пираты во главе со старым бандитом-китайцем, выпускником философского факультета Московского университета.

Делили добычу. За иллюминаторами кают-компании катера в полмиле догорала большая торговая шхуна...

Работал телевизор. На экране в эту секунду Арона и Василия спрашивали:

— Вас подозревают в связях с пиратами Черноморского бассейна. Со знаменитой группой Ши Го-сюна. Какова в этом доля правды?

Пираты затаили дыхание.

— Мы не знаем, о чем вы говорите, — спокойно ответил Василий.

— Может быть, вы нас с кем-то путаете? — спросил Арон.

И старик Ши Го-Сюн поднял вверх большой палец...

Шел по Средиземному морю советский сухогруз «Академик Сахаров».

Сидел в своей каюте одинокий капитан, пил виски со льдом, смотрел телевизор.

На экране репортеры продолжали допрашивать Арона и Василия:

— Но в море вам хоть кто-нибудь помогал?

— Конечно! — сказал Арон. — «Академик Сахаров» и его команда.

— Позвольте! Ведь академик Сахаров, к несчастью, уже умер.

— Но дело его живет! — тут же сказал Василий.

Капитан поднял стакан и грустно чокнулся с экраном телевизора...

А на «Опричнике» Василий и Арон уже совсем освоились. Отдали бутылки и бокалы висевшим на них рекламным девицам, прихлебывали «Метаксу» из их прелестных ручек, и во всю лапали без разбора каждую, кто попадал под руку...

— Как вы решаете на яхте свои сексуальные проблемы?

— Никак... — пожали плечами Василий и Арон.

— Вы гомосексуалисты? — с надеждой спросил комментатор.

— Нет! Нет! Нет!!! — хором закричали манекенщицы и модельки, откровенно щупая Арона и Василия за все мужские места.

— Я могу полагаться на ваше мнение? — немедленно спросил у девиц один из репортеров.

— На все сто процентов!!! Уж мы-то в этом понимаем!.. — уже в разную завизжали девицы и еще сильнее прижались к Василию и Арону.

— Вы впервые в Греции... Что вам здесь особенно симпатично?

Как по команде, Арон и Василий заглянули за пазуху двум ближайшим красоткам и сказали:

— Все!

— Вы хотели бы остаться здесь навсегда?

— Нет. Но очень многое с удовольствием захватили бы с собой в Израиль, — ответил Василий, поглаживая голенькую попку одной из девиц.

— И последнее! — сказал главный комментатор. — Почему для эмиграции вы выбрали именно Израиль?

Вот тут последовала долгая пауза. Все притихли. И наконец Арон сказал совершенно серьезно:

— Там мне никто не скажет — «Жидовская морда».

Как следует плавать в тумане

Средиземное море встретило «Опричник» почти полным безветрием и таким плотным туманом, что, стоя у штурвала, Арон не мог различить нос собственной яхты, а верхушку мачты и вовсе не было видно. Краспица еще угадывалась, да и только...

Набрякшие влагой паруса провисали и еле улавливали слабенькое движение воздуха. От этого «Опричник» тащился медленно-медленно, почти вслепую. Только негромкий ритмичный плеск воды за бортом да заунывное гудение обычной железнодорожной дудочки взамен настоящего «туманного горна» сопровождали это осторожное, томительное плавание.

Одной рукой Арон удерживал штурвал, второй рукой сжимал дурацкую дудочку — подарок все того же Немы Блюфштейна и дул в нее, не переставая, надеясь, что встреченные суда услышат в тумане идущий «Опричник».

Что-то зажевывая и утирая рот рукавом, из каюты вылез Василий с неизменным Бобом Бондом под мышкой.

— Гляди, чего я вычитал!.. — возбужденно сказал он. — Оказывается, уступает дорогу тот, кто видит другое судно с правого борта! Причем, даже если мы кого-нибудь стукнем в правый борт...

— Типун тебе на язык!.. Накаркаешь... — одернул его Арон.

— Ты послушай! Даже если мы кого-нибудь стукнем в правый борт или он нас в левый — он будет виноват! Это даже в «Международных правилах предупреждения столкновения судов» написано! Здорово, да?! И мы сможем требовать компенсацию! Гляди!.. — и Василий стал совать

Арону под нос маленькую книжечку.

— Да пошел ты со своей компенсацией!.. — заорал на него Арон, — лучше дуди в эту хреновину! А то из меня уже весь воздух вышел. У нормальных людей на яхте баллон со сжатым воздухом для этого, а я второй час пердячим паром надрываюсь!

— Это потому, что ты не хочешь мозгами пошевелить. Где насос от тузика?

— Здесь, под банкой, — ответил Арон, тревожно вглядываясь в непроницаемую мглу.

Василий отобрал у Арона дудочку, приподнял скамейку кокпита и вытащил оттуда ножной насос для надувной лодки.

Привязал дудочку к поручню крыши рубки, приладил к ней шланг насоса и положил его на решетку кокпита. И нажал насос ногой.

Дудочка исторгла из себя резкий и противный звук, что привело Василия в полный восторг, и он не преминул сказать Арону:

— Ну, кто из нас Кулибин, он же Ползунов, он же Вестингауз, он же Томас Альва Эдиссон?! — и стал методично нажимать на насос ногой, воспроизводя тревожные звуки «Туманного горна».

— Ты, ты, ты!.. Только, ради всего святого, смотри по сторонам внимательней! Не дай бог, во что-нибудь вляпаемся!..

— Не дрейфь, Арончик! — легкомысленно воскликнул Василий. — Мы теперь в Средиземном море! Как говорится, на последней финишной прямой. Впереди у нас нет даже занюханного островочка, и поэтому нам ничего не грозит! Всего-то четыреста двадцать миль! Или, чтобы тебе было яснее — семьсот шестьдесят километров. Пять суток ходу, и — привет, Хайфа!.. Вперед! Только вперед!..

— Так будем плестись — вся неделя уйдет, — пробормотал Арон. — Может, на якорь стать? Подождать, когда туман разойдется...

— На какой якорь, Арон?! Под нами глубина две с половиной тысячи метров! О каком якорю идет речь? Плюнь, не думай! Вспомни лучше ту, с титечками и кругленькой жопкой!..

— Все они там были с титечками и жопками... — сказал Арон. — Ты давай, гуди!..

Вася нажал пару раз на насос и засмеялся:

— Она мне чего-то шепчет, шепчет... Я — балдею! Ну, думаю, все! Сейчас кончу!..

Арон подозрительно посмотрел на Василия. Тот перехватил его взгляд, непринужденно спросил:

— Выпить хочешь? Тебе чего налить, «Метаксы» или «Столичной»?

— Одурел, что ли?! — закричал на него Арон. — Вона откуда ты такой веселенький! Шлепнул уже?

— В свободное от вахты время имею право...

— В такую погоду?! — возмутился Арон. — Вот я тебе сейчас покажу «право», гад свинячий!

Он бросил штурвал, схватил Василия поперек туловища, силой напялил на него спасательный жилет и стал обвязывать его вокруг пояса длинным фалом, приговаривая:

— «Право» он имеет! Алкоголик чертов!.. Нашел время для поддачи! Компенсации ему захотелось! Я тебе сейчас скомпенсирую... Тут, того и гляди, какой-нибудь мудака тебя сослепу потопит, а он кирять взялся!.. Да еще права качает!.. Правозащитник вонючий!..

Арон туго затянул узел на поясе Василия, а второй конец фала намотал себе на руку. Встал к штурвалу и грозно сказал:

— Чтобы сидел здесь у меня на глазах и дудел без продыху! Понял?!

— А это-то зачем?.. — уже не стараясь казаться трезвым, спросил Василий и подергал фал, обвязанный у него вокруг пояса:

— Чтобы я не сбежал?..

— Чтоб не утоп, дубина!!! — закричал Арон.

ДАЛЬШЕ ПРОИЗОШЛО ЧТО-ТО НЕВЕРОЯТНОЕ.

Неизвестно откуда появившееся белое, огромное, размытое густым туманом чудовище с ревом надвинулось на бедный «Опричник» и страшно ударило его в левый борт!..

— Ой-ой-ой-ой!.. — уже в воздухе заверещал Василий и исчез за бортом.

Затрещала деревянная обшивка старой яхты, загрохотали по палубе и крыше рубки падающие, оборванные блоки, с томительным гитарно-гавайским стоном стали лопаться тонкие стальные ванты...

От ужасного толчка Арон перелетел из кокпита на корму, в последнюю долю секунды ухватился за флагшток, но фал, которым был привязан Василий, из рук не выпустил.

Он встал на колени, уперся плечом в кормовой релинг и с напряжением всех своих могучих сил стал тащить фал наверх, на яхту.

Когда над бортом «Опричника» сначала появились ноги Василия, а затем и весь он сам — мокрый, жалкий, захлебывающийся, Арон перехватил его за шиворот, как котенка втащил в кокпит и упал вместе с ним на решетчатый пол, всхлипывая и причитая:

— Васенька... Васенька... Ты живой, Васенька?..

Василий приоткрыл глаза и тихо прошептал:

— Что это?..

И во внезапно наступившей абсолютной тишине, словно отвечая на вопрос Василия, откуда-то сверху, из плотной молочной мглы тумана раздался совершенно коммунальнокухонный истерический женский голос, кричавший по-русски:

— Опять! Опять ты в кого-то врезался, кретин старый!!! Сволочь пьяная!!!

Как трудно жить на Западе

Все, что может родить буйное, воспаленное завистью воображение небогатого человека, получившего представление о сладкой жизни миллионеров из нескольких фильмов, густо приправленных развесистой голливудской киноклюквой, не шло ни в какое сравнение с тем, что увидели Арон и Василий на громадной океанской яхте, которая так глупо (а может быть, и счастливо!) врезалась в ЛЕВЫЙ борт старенького «Опричника»...

Следует ли описывать то, что не поддается никаким самым разнузданным людским фантазиям, особенно если эти люди прожили почти по полвека более чем в скромных условиях социалистического реализма?

Все было белым и золотым! В огромном салоне (язык не повернулся бы назвать ЭТО кают-компанией!) в белых креслах сидели мокрые и обросшие Арон и Василий в белых купальных халатах на голое тело. Арону халат был мал, Василию велик. На ногах — золотые туфли с загнутыми носами и без задников. Видать, по-ихнему — домашние.

Сидели с бокалами в руках и во все глаза разглядывали очень пьяного босого краснорожего мужика лет шестидесяти пяти в длинных облегающих золотых шортах, в фантастическом белом морском кителе с золотыми шевронами и в сбитой набок белой капитанской фуражке с огромным золотым «крабом» над козырьком.

Справедливости ради следует заметить еще одно цветное пятно, выбивающееся из общей калористической гаммы, если не считать физиономию мужика в кителе и дочерна загорелых Арона и Василия.

Это была высоченная красивая девка лет двадцати семи в короткой распахнутой золотой жилетке, которая никак не могла прикрыть ее роскошный бюст. Вместо юбки у нее на бедрах был небрежно повязан знаменитый русский павловопосадский платок, со стороны узла

позволяющий лицезреть ее ноги от золотых каблуков до загорелой талии.

Даже если бы она — девица, была вся в белом, ее тоже нельзя было бы не заметить, потому что она говорила, не закрывая рот:

— Ну, что?! Ну, что ты с ним будешь делать?! Как нажрется, так обязательно надрючит вот эту форму и в рубку, к пульту управления! Капитана в сторону, всю команду — к чертям собачьим, сам свои пьяные лапы на кнопки, и начинает играть в морского волка! Уже три яхты вдребезги, вы — четвертые... Разборки, заморочки, эксперты, адвокаты!.. В компании Ллойда о нас уже слышать не хотят. Только бабки и выручают!

— Ну, Нюся... — пролепетал краснорожий.

— Сколько раз говорила, что при людях я — Грета?!

— Ну, Грета...

— Заткнись! В одну прессу, чтобы не писали, втюхиваем каждый раз такую кучу денег, что можно было семьсот сорок седьмой «Боинг» купить!.. Хотя «Боинг» у нас и так есть.

— Как вы хорошо говорите по-русски, — робко сказал Вася.

— А чего это я должна плохо говорить? Родилась в Москве, на Большом Толмачевском, у Третьяковки.

— Ну, Нюся?.. — простонал тот.

— Грета!

— Ну, Грета... — послушно повторил мужик и налил себе в стакан чистого виски.

— Разбавляй хоть, алкоголик! — Грета-Нюся вырвала у мужика стакан, сама напихала лед в виски, долила воды и пожаловалась Арону и Васе: — Пятый год так мучаюсь!..

— Неплохо, — огляделся Арон.

— Я так хотел с вами познакомиться... — вполне прилично по-русски сказал краснорожий.

— Хороший способ нашел, идиот пьяный! — сказала Нюся-Грета. — Но говорит правду. Когда мы вас увидели по телевидению, Мишка первый сказал... Вообще-то он — «Майкл», но дома я его зову «Мишкой». Он первый сказал: «Какие потрясающие парни! Хочу с ними познакомиться поближе!»

— Уж куда ближе... — пробормотал Василий.

— Он обожает Россию! Все русское!.. Самих русских! Он за пять лет со мной выучился говорить по-русски так, что его от эстонца не отличить!.. Мы сейчас субсидируем несколько советских совместных предприятий и на свои деньги строим в Подмосковье огромный завод презервативов. Это, конечно, все для нас копейки, но я сказала: «Мишаня! Моя страна сейчас

переживает трудное время. Ты со своими миллионами... — А у него их не меряно! — Ты должен ликвидировать у нас хотя бы дефицит гондонов!» Я-то, слава богу, в этом деле понимаю... Ну, что ты молчишь, пьяная морда? Поговори с людьми! А я пока схожу в рубку к капитану, узнаю, как дела с их яхтой и вообще что почем... — и Грета-Нюся вышла из салона.

Старый Майкл облегченно вздохнул, пьяно улыбнулся Василию и Арону и вполне четко проговорил:

— Ребята!.. Давайте, врежем по стопарю...

Капитан — здоровый, высокий человек лет сорока, стоял в ходовой рубке, напоминавшей Центр управления космическими полетами, и смотрел вниз, наблюдая за ходом восстановительных работ на «Опричнике».

Туман помаленьку рассеивался. «Опричник» был накрепко принайтвлен к миллионерскому судну; и несколько человек в белых комбинезонах с надписью на спине «Майкл Флеминг» натягивали новые ванты, меняли оборванные блоки, заделывали пролом в левом борту...

В рубку вошла Грета-Нюся и закрыла за собой дверь на ключ.

Она подошла вплотную к капитану, привычно расстегнула ему ширинку белых штанов и спросила его по-английски:

— Билли, как по-вашему, во сколько нам обойдется этот удар?

И головой кивнула в сторону «Опричника».

Капитан также привычно взял ее одной рукой за грудь, а вторую руку засунул под павлово-посадский платок, изображавший юбку.

— Трудно сказать, миссис Флеминг. Яхта — подлинное ретро, стоит баснословных денег. Красное дерево, уникальный старинный такелаж, совершенно музейные средства управления...

Капитан повернул Грету-Нюсю к себе спиной и наклонил ее к пульту управления. Нюся-Грета по-кошачьи прогнула спину, оперлась о пульт и, деловито постукивая пальчиками по кнопкам, спросила:

— Может быть, имеет смысл эту яхту просто откупить у них?

Капитан расстегнул ремень и спустил штаны к белоснежным туфлям. Откинул в сторону край Павлова-посадского платка и без малейшего выражения экстаза на лице стал делать свое мужское дело.

— Ну, это был бы идеальный вариант, миссис Флеминг, — ритмично двигаясь в Нюсе-Грете, сказал капитан. — Таким образом мистер Флеминг мог бы избежать всех неприятностей с прессой, экспертами, страховой компанией, с международным арбитражем...

— Сколько она может стоить, Билли? — заинтересованно спросила Грета-Нюся, поглядывая вниз на «Опричника».

— В этом состоянии — не больше пяти-шести миллионов долларов. Но если ее поставить к нам в док и истратить на ее реставрацию еще тысяч двести... — раздумчиво прикидывал капитан, не прекращая своих мужских занятий. — То на любом аукционе она потянет не меньше десяти, двенадцати миллионов.

— О'кей, Билли! Я подумаю. А если они не захотят продавать яхту, во сколько нам может обойтись компенсация? — спросила Грета-Нюся, начиная помогать капитану в его упражнениях. — Сколько может стоить сегодняшняя пьянка мистера Флеминга? Как по-вашему?

— Судя по тому, что о них пишет пресса — в нашем деле они ни черта не смыслят и вряд ли будут претендовать больше, чем на сорок, пятьдесят тысяч долларов. Осторожнее, миссис Флеминг! Не ставьте локти вон ва ту кнопчку. Это включение аварийных двигателей...

— Не смейте мне делать замечаний, Билли! Первый раз, что ли? — огрызнулась Грета-Нюся.

Воспользовавшись отсутствием жены, краснорожий миллионер Майкл разговорился во всю!

— Зачем, зачем вы эмигрируете из России?! — восклицал он, сидя на белом ковре со стаканом в руке. — Что вас всех так тянет на Запад?! Какое-то массовое помутнение умов! Раньше ваши советские идеологи ввали, как на Западе плохо, а у вас хорошо. Теперь они же врут, как на Западе хорошо и как ему нужно подражать! Наливай, Арон!.. Тебе со льдом, Вася?.. Конечно! Первое, что вам бросится в глаза — изобилие в магазинах!.. «Каждому по потребности» — основной принцип реализованного коммунизма... Но это же не даром! Ну-ка, влезайте в нашу шкуру — людей, постоянно живущих на Западе! Мы добываем средства к существованию ценой таких усилий, о каких в России и понятия не имеют!.. Высокий уровень жизни на Западе принудителен. Ты просто обязан хорошо жить, иначе будешь выброшен за борт... Вот отвратительная суть капитализма! В Советском Союзе даже люди, живущие от получки до получки, и то выставляют на стол все, что есть в доме, когда к ним приходят гости. У нас на Западе такое не увидишь! Мы общество жмотов! И это есть один из источников нашего западного благополучия! А частное предпринимательство? Проклятая частная собственность?! Она не менее страшна, чем тоталитарный коммунистический режим! Я абсолютно согласен с критиками капитализма, что отказ от частной собственности и частного предпринимательства освобождает людей от самой страшной формы социального закабаления. Но сегодня в России это закабаление изображается, как подлинная Свобода!.. Слепо перейти на путь Запада

равносильно гибели России!..

Майкл залпом осушил стакан и зарыдал...

Арон и Василий растерянно переглянулись.

Поправляя прическу, в салон вошла Грета-Нюся. Увидела рыдающего Майкла, коротко спросила:

— Плач по гибнущей России?

— Ага... — кивнул Вася.

— Про ужасы западной «системы» было?

— Да, — сказал Арон. — Просто лектор райкома!..

— Это наша обычная программа. Как нажремся, так несем капитализм по всем кочкам. — Грета-Нюся уселась в кресло, закурила длинную коричневую сигарету. — Не обращайтесь внимания.

— Все равно жалко, — Василий осторожно тронул за плечо рыдающего миллионера: — Миша, а Миша... Послушай-ка! Может, тебе эмигрировать в Советский Союз? А, браток?..

— Или попросить там политического убежища, — сказал Арон.

— Точно! — обрадовался Василий. — Ты же часто бываешь в Москве. Как наши за границей делают? Вышел втихаря из гостиницы, и в милицию. Так, дескать, и так — прошу предоставить мне убежище в вашей чудесной стране...

— Только надо обязательно напирать на то, что ты был всю жизнь не согласен с капитализмом, — добавил Арон.

— И кровь мешками проливал в борьбе с собственным классом, — присоветовал Василий.

— Тебя сразу примут! — сказал Арон. — У нас, знаешь, как любят страдальцев из-за бугра?!

— Это у нас на своих насрать, а к зарубежным у нас отношение будьте-нате! — подтвердил Василий.

— Получишь советский паспорт, однокомнатную квартирку в новостройке, — пообещал Арон.

— Эй! Эй! Эй!.. — в панике закричала Нюся-Грета. — А ну, кончайте!.. Он же с пьяных глаз может сейчас такое натворить!.. Я не для того в него пять лет втюхала, чтобы... Все! Закрыли эту тему! Лучше поговорим о деле.

На следующие сутки погода изменилась неузнаваемо! Ярко светило солнце, где-то на дальних островах, материках и вообще — на земле, наверное, стояла удушающая жара, но здесь в самом центре Средиземного моря дул освежающий легкий бриз, и добротный починенный «Опричник» мчался под всеми парусами к долгожданной неизвестной Хайфе...

Вахту нес Арон, а Василий сидел на крыше рубки и возбужденно кричал:

— Как же! Отдадим мы им яхту за три миллиона!.. Держи карман шире! Нашли дураков! Они думают, что они хозяева жизни, а мы такие маленькие дешевые фрайера!.. А на вот, выкуси! «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока...» Три миллиона!.. Да мы за нее у нас в Израиле минимум восемь миллионов возьмем!

— Да... — сказал Арон. — Ушлая баба! Но я ее шпокнул... Что-то, Васька, у меня по этому делу тоска начинается... Сны разные вижу, Клавку вспоминаю...

— Потерпи, Арончик. Продадим яхту, устроимся, купим дом, заведем серьезное, солидное дело — за нами девки будут табуном ходить. Потерпи!..

— Придется, — согласился Арон. — Жаль только, что теперь до самой Хайфы нет ни одного порта... Можно было бы там раскрутиться. Бабки теперь есть...

— Что ты! — воскликнул Василий и счастливо засмеялся.

— Бабок у нас теперь навалом!..

Он стал выгребать из левого кармана штанов доллары:

— Двадцать долларов подарил капитан «Академика Сахарова»... Команда собрала нам — тридцать семь... Это уже пятьдесят семь? И самое главное! За это мы давали расписку, что претензий к мистеру и миссис Флеминг не имеем?

— Компенсация?

— Конечно! Я же говорил тебе — ЛЕВЫЙ борт очень дорого стоит. Итак...

Василий сделал роскошную театральную позу, нагнетающую волнение зрителей, медленно засунул руку в правый карман и с криком:

— От представителей мирового капитала, в компенсацию за нанесенный ущерб бедным советским эмигрантам ровно ОДНА ТЫСЯЧА долларов!!! — и выдернул из кармана десять стодолларовых купюр.

— Ура-а-а-а!!! — закричал Арон на все Средиземное море.

Василий сел, скрестив ноги, развернул доллары веером и стал томно обмахивать ими себя.

— Ну, как? Идут мне доллары? — спросил он у Арона.

— Очень! — искренне восхитился Арон. — Сфотографироваться бы с ними...

Василий сложил все деньги в одну пачку и слез на палубу. Осмотрел бывшее место пролома, по-хозяйски подергал новые ванты:

— И починили они нам все шикарно! Ни хрена не заметно...

— Починили здорово, ничего не скажешь, — согласился Арон.

— Василек! Ты бы не телепался с бабками, а спрятал бы их куда-нибудь от греха подальше. Жратва у нас есть...

Арон оглянулся на корму, улыбнулся зеленому шелковому флагу с золотым драконом:

— Флаг мы уже имеем... Так что до берега нам деньги вроде бы ни к чему.

— Точно! — сказал Василий.

Он спрыгнул в кокпит и направился к дверям каюты. Остановился в проеме, повернулся к Арону, прищурился и сказал:

— Нет! Но как мы этих Флемингов сделали на тысчонку?! А?..

— Гениально! — ответил Арон. — Мне их даже немножко жалко...

Как возникают бунты на корабле

А потом, на смену бурным впечатлениям и событиям, пришло тоскливое, выматывающее, однообразное плавание — без берегов, без островов, без лагун, без заходов в чужие бухты и порты, без единого нового человеческого лица...

В ушах — томительный, ни на секунду не прекращающийся скрип снастей, комариный писк ветра в такелаже, редкое похлопывание парусов, негромкий, надоедливый плеск маленьких, частых волн о борта яхты...

Вокруг только одна вода и вода — то зеленая, то синяя, то серая, то черно-фиолетовая...

А над головой — слепящее солнце, коварное солнце, страшное солнце!..

Видишь только свет его, но под свежим морским ветром не чувствуешь его разящих лучей. Зато к вечеру все тело горит, голова раскалывается, лохмотьями слезает со спины и плеч сожженная кожа, к груди не притронуться...

В ночи холодным светом посверкивают тысячи и тысячи звезд.

Сон свободного от вахты тяжек и удушлив. И короткий. Невероятно короткий! Только уронил многопудовую голову на жесткую, постоянно влажную подушку, как из кокпита несется:

— Эй! Подъем!.. Ветер переменился. Вылезай, мать твою! Берись за паруса!..

А поспал человек всего лишь двадцать минут, не больше...

Матерясь, вылезает из каюты, спит на ходу, но уже тянет шкоты, вяжет узлы на утках, крутит рукоятки лебедек...

Только лег, только прикрыл глаза, — снова крик:

— Проснись!.. Проснись же, тебе говорят!

— Ну, что?.. Что еще?.. — чуть не плачет «отдыхающий».

— Я курс изменил. Нанеси на карту и проставь время! А то опять заблудимся к едрене-фене!..

Зажигается свет в каюте, расстилается на столе карта. Глаза закрываются, ничего не видят, пальцы не держат карандаш, транспортир...

— Ну, что там у тебя за курс, мать-перемать?..

— Сто тридцать пять!

— Время поворота?

— Два десять!

— Скорость?

— Откуда я знаю?! Рассчитай!

— Ой, мама родная...

Рассчитал, нанес на карту, проставил время и лег. Только, казалось бы, глаза прикрыл, опять от штурвала крик несется:

— Ты на вахту собираешься? Или я должен за тебя тут всю ночь уродоваться?!

Под утро красные от бессонницы глаза, обветренные губы потрескались, кровоточат. Тело будто исхлестано, ноги не держат, рук не поднять...

— Жрать будешь?

— Нет. Чайку бы с лимончиком...

— А с эклером не хочешь, гурман хренов?!

— Пошел ты!..

И опять изнуряющее солнце, солнце, солнце... Скрипят блоки, подвывают ванты, плещет о борт волна — все одно и то же, одно и то же! Небо и вода... Вода и небо...

Редко-редко, где-то на горизонте появится и исчезнет что-то водоплавающее, но так далеко, что и не разобрать — пароход ли, яхта ли, а может, ничего не было — просто пригрезилось от усталости...

— Посуду будешь мыть за собой? — Да так раздраженно, будто с кровным врагом!

— Обойдешься... Сам помоешь, не сдохнешь.

— Ну, гад!..

— На себя посмотри...

Все раздражает! Все выводит из себя!.. Не так повернулся, не так посмотрел, недостаточно быстро что-то сделал... Ответил не так, спросил не тем тоном!.. Слишком слабо затянул какой-то узел!.. Слишком сильно затянул узел — теперь не распутать ни черта! И руки у тебя не тем концом вставлены, а у тебя мозги не работают!..

— И вообще, на кой хрен ты мне сдался?!.. Что, я один не мог?!

— Ты — один?! Ха-ха-ха! Что ты можешь один? Бездарность!..

В глубине души оба ощущают всю меру своей неправоты и несправедливости, но уже не остановиться — момент уже упущен! И растет глухая бесконтрольная ненависть, рожденная дикой усталостью и однообразием, бессонницей, постоянным нервным ожиданием конечной цели плавания — где почти в пятьдесят лет все надо будет начинать сначала, заново. И сразу! Без времени на раскачку и раздумья!

И от этого в голову все чаще и чаще вползает одна и та же мыслишка: «А надо ли было?..» И становится так страшно, так жутко, так хочется найти виноватого!..

На четвертые сутки происходит взрыв!

— На кой черт ты вообще плывешь?! — кричит Василий, придравшись к какому-то пустяку. — Сидел бы себе в Ленинграде, крутил бы колеса, жлоб с деревянной мордой!

— Я плыву к себе на историческую родину! А вот ты что тут делаешь, говнюк?! Ты — вообще не еврей!!! — орет Арон.

— А кто учил иврит?! Ты, что ли? Я не еврей?! Да, я в сто раз больше еврей, чем ты! Я — «Рабинович»!!!

— Ты — «Рабинович»?! Засранец! У тебя фамилия моей родной сестры Ривочки! Ты просто бежишь от Советской власти! — Арон стоит у штурвала и орет это все, автоматически поглядывая на компас и бессознательно корректирует курс штурвалом. — А я плыву к себе! В свою страну!.. Я чистокровный еврей...

— Ты?! Ха-ха-ха! Какой ты еврей?! Дерьмо несчастное! — кричит Василий. — Еврей!.. Водка литрами, мат-перемат, чуть что — в морду! Еврей!.. Кто тебе поверит?.. Ни один нормальный еврей себе такого не позволяет! Он — еврей!.. Смотрите на него! Ты — «Фоня-квас» — вот ты кто, уголовная твоя морда!..

— А ты?.. Ты кто??? — Арон в беспамятстве от ярости бросает штурвал, поворачивается к Василию и протягивает к нему свои огромные натруженные лапища: Я — работяга! Я всю жизнь вот этими своими руками... А ты — жулик! Торгаш несчастный!.. Ворюга!!!

— Я — ворюга?! Ах, ты блядь толстомордая!!!

Василий, не раздумывая, бьет Арона в челюсть — раз, другой, третий!..

Ошеломленный Арон отлетает назад к рубке, сильно ударяется затылком о лебедку и замертво падает в кокпит...

Паруса спущены, валяются кое-как на палубе и крыше рубки...

За штурвалом никого нет, и «Опричник», повинаясь только течению, болтается на воде, покачивая голой мачтой...

В каюте, по одну сторону стола, тесно прижавшись друг к другу, обнявшись, сидят Арон и Василий и горько плачут...

У Арона перевязана голова, у Василия забинтована правая кисть руки.

На столе, на ненужной уже карте Эгейского моря пустая бутылка из-под греческого коньяка «Метакса» и почти пустая бутылка «Столичной». Два стакана, немудрящая закусочка — одна тарелка на двоих и два пиратских ножа в сливочном масле.

— Прости меня, Арончик... — всхлипывает Василий и кладет повинную голову на широкое плечо Арона.

Арон гладит Василия по голове, говорит сквозь слезы:

— Господи... Да что же это с нами такое, Васечка?..

Василий разливает остатки «Столичной» по стаканам. Пытается сделать себе бутерброд для закуски, но рука, разбитая о челюсть Арона, плохо слушается.

Арон мягко отбирает у Василия кусок хлеба и нож, сам делает ему бутерброд и поднимает стакан:

— Ну?.. Ай гоу ту Хайфа? — спрашивает он и вытирает рукавом слезы с лица.

У Василия дрожат губы. Он пытается благодарно улыбнуться Арону, тоже поднимает стакан и, всхлипывая, тихо говорит:

— Ай гоу ту Хайфа, Арончик...

Как «...слава — яркая заплата на ветхом рубище» и т.д.

На следующий день их догнало французское пассажирское круизное

судно.

— Ай гоу ту Хайфа!!! — кричали им сотни полторы пассажиров, облепив борт, со стороны которого параллельным курсом шел «Опричник». — Ай гоу ту Хайфа!..

Чтобы уравнять скорость, судно застопорило машины и по всем международным законам морской вежливости даже приспустило флаг в знак приветствия Арона и Василия!

Вася тоже быстренько опустил зеленый платок маленькой стамбульской проститутки до середины древка от швабры, верно служившему «Опричнику» флагштоком.

С французского судна грянули аплодисменты!

— Нужна ли вам какая-нибудь помощь, продукты, деньги? — крикнули им по-английски с мостика в мощный мегафон.

— Ноу! Ноу!.. — благодарно отмахивались Василий и Арон.

Арон бойко вопил в рупор, свернутый из старой отработанной карты:

— Айм вери глэд ту си ю!!! Айм вери глэд ту си ю!.. Тенк ю вери мач!.. Тенк ю вери мач!!!

— Не хотите ли подняться к нам на борт, принять ванну и пообедать с капитаном? — спросили с мостика.

— Тенк ю! Тенк ю вери мач!.. Айм сори! Сори, говорю!.. Времени нет! — отвечал Арон в рупор, разводил руки в стороны и показывал на часы дескать, «нет ни одной свободной минутки...»

С яхты было хорошо видно, как пассажиры вдруг засуетились, стали что-то запихивать в большой пластиковый мешок и привязывать к нему веревку. При этом пассажиры хохотали и что-то кричали вразнобой по-французски.

— Чего это они, Арон? — спросил Василий.

— А кто их знает... Ни по нашему вопят, ни по-английскому. Ни черта не разберешь!..

Тем временем пассажиры перекинули мешок за борт и стали осторожно опускать его в «Опричник». Арон и Василий приняли пластиковый мешок, и как только пассажиры убедились в том, что теперь мешку не грозит никакая опасность, они тут же сбросили на яхту и веревку.

Лайнер гуднул на прощание так, что Арон и Василий чуть не попадали от испуга и, постепенно набирая скорость, двинулся вперед.

— Аллон з, анфан де ля патри-и-и... — пело несколько десятков пассажиров.

Когда французское пассажирское судно стало совсем-совсем маленьким, Василий сказал Арону:

— Посмотри, чего в мешке-то. Мне его никак не развязать, – и стыдливо объяснил: – Рука совсем запухла...

— Я тебе на ночь компресс сделаю, — пообещал ему Арон, и сам взялся развязывать пластиковый мешок.

Первое, что он оттуда вынул — была бутылка «Курвуазье».

— Годится! — сказал Василий. — А то мы по этому делу — на исходе. Чего там дальше?

Арон удивленно посмотрел в мешок и вытащил целую кипу газет и журналов. Полистал их, взгляделся и всплеснул руками:

— Батюшки светы!.. Ну, дают капиталисты!..

Греческие и французские, турецкие и испанские, английские и немецкие, американские и шведские, итальянские и израильские газеты и журналы пестрели уже известными и еще не виденными фотографиями «Опричника» и его владельцев — Василия Рабиновича и Арона Иванова!

Все статьи о них, независимо от языка, на котором была выпущена газета или издан журнал, назывались по-английски:

— «АЙ ГОУ ТУ ХАЙФА!»...

Как Вася и Арон ввязались в морской бой с двумя самыми могучими военными флотами в мире и с честью выиграли это историческое сражение

Теперь в каюте не было живого места от газетно-журнальных вырезок!

Когда Василий кончил приклопывать к стенке последнюю вырезку из американского журнала со своей собственной фотографией крупным планом, от штурвала раздался голос Арона:

— Вась, а Вась! Выйди, глянь-ко, что еще за чудо такое?!

Василий вылез из каюты и увидел метров в ста от яхты странное плоское серебристое сооружение типа огромной площадки с многочисленными сверкающими мачточками.

— Давай, подворачивай поближе. Разберемся, — сказал Василий.

— Становись к штурвалу, а я уберу паруса. Может, чего-нибудь там и пригодится...

Сооружение действительно оказалось большим — метров двадцать в длину и метров десять в ширину, — красивым плотом из гофрированного блестящего металла. Из него торчали в небо тонкие высокие мачты с какими-то радиоштуковинками на верхушках.

Плот стоял неподвижно — ни вперед, ни назад. Только покачивался слегка. То ли на якоре, то ли еще каким другим способом.

Арон и Василий вылезли из яхты на плот, накинули швартовый конец «Опричника» на одну из мачточек и стали расхаживать по этому плоту, прикидывая, нет ли на нем чего-нибудь такого, что может пригодиться их «Опричнику» или вообще в хозяйстве...

Пока они разглядывали крепление мачт на плоту и соображали, каким способом легче всего эту мачту выкрутить, откуда ни возьмись из-за горизонта к плоту и яхте примчался большой военный катер с американским флагом.

— Ай гоу ту Хайфа! — тут же гордо представились Василий и Арон, уже привычно рассчитывая на свою популярность и на продолжение приятной беседы с такими симпатичными американскими военными моряками.

— Знаем! Знаем!.. Видели вас, дураков, по телевизору, читали про вас в прессе! — прокричали им с катера по-английски. — А теперь убирайтесь отсюда ко всем чертям! И немедленно!!! Это район совместных учений военно-морских сил Соединенных Штатов Америки и Советского Союза! Через двадцать минут начнутся ракетные стрельбы, а так как вы, кретины, стоите на Главной мишени, от вас даже пара не останется!

— Что он сказал? — спросил Василий у Арона.

Приветливо улыбаясь и приветственно помахивая рукой американскому катеру, Арон разобрал только про телевизор и прессу, а больше не понял ни единого слова. Но нахально сказал Василию:

— Говорит, что видел нас по телевизору и читал про нас в прессе. И спрашивает, не нужно ли нам чего.

— Да пошли ты его подальше. Я уже понял, как можно слямзить эти мачты... Пусть уплывают скорее! — сказал Василий.

— Вери, вери гуд!.. — крикнул Арон катеру. — Тенк ю вери мач!

— Вы разве не слышали по радио предупреждения о стрельбах, идиоты?! — рявкнули на них с катера.

— Чего он сказал? — снова спросил Василий, уже свято уверовав в Арона, как в знатока английского языка.

— Айм ноу радио!.. — радостно сообщил катеру Арон и перевел Василию: — Хочет, бедняга, поговорить с нами по радио, а я ему говорю, что радио у нас нет!..

— Вам осталось жить всего двадцать минут, болваны!!!

— Шурли!.. Тенк ю! Бай-бай, ребята! — расточая улыбки, помахал катеру Арон. Вася тоже улыбнулся и тоже помахал рукой.

С катера посмотрели на них круглыми глазами, покрутили пальцем у виска, запустили двигатель и умчались опять за горизонт...

...откуда вдруг стали появляться далекие силуэты каких-то кораблей.

— Смотри, парходиков сколько!.. — удивился Василий. — То пусто, то густо!

— И вон! Гляди, гляди!.. — прокричал Арон, указывая в противоположную сторону.

Василий развернулся на сто восемьдесят градусов и увидел еще одну группу судов, появившихся из-за горизонта, но с другой стороны света.

...Когда одна из мачточек была уже почти вывинчена и Арон радостным голосом обещал Василию сделать из нее для «Опричника» такой флагшток, что с ним будет не стыдно войти в любой порт мира...

...со стороны одной группы «парходиков» и со стороны другой противоположной раздалось далекое тревожное уханье, воздух наполнился душераздирающим свистом и гулом и вокруг серебристого плота, на котором возились Арон и Василий, море стало вдруг вспучиваться гигантскими фонтанами ракетных взрывов!..

Пришвартованный к плоту тринадцатитонный «Опричник», словно пушинка, подпрыгнул в воздух, ударился концами и кормой о плот, снова отскочил на длину швартового конца и снова ударился!..

От приближающихся разрывов серебристый плот бросало из стороны в сторону. Василий и Арон, из последних сил поддерживая друг друга, цеплялись за тоненькие мачточки...

— Вот теперь нам, кажется, пришел полный пиздец... — в отчаянии простонал Арон.

— погоди, Ароша... Может, выгребемся... — прохрипел Василий.

Арон изловчился и перекинул Василия в яхту. Впрыгнул в нее сам, выхватил из чехла свой пиратский нож и одним взмахом отхватил швартовый конец, удерживавший яхту у главной мишени совместных боевых действий двух самых могучих в мире флотов.

А с военного американского катера, на бешеной скорости летевшего к своим кораблям, истерически кричали в микрофон:

— Прекратите огонь!!! Прекратите огонь!.. Радируйте русским, чтобы прекратили огонь!!! В районе главной мишени — деревянная яхта с двумя психопатами!!! Прекратите огонь! Сообщите русским! Немедленно сообщите русским!..

На американском флагмане все схватились за головы!

— Прекратите огонь!!! — понеслось по всем службам.

— Деревянная яхта в районе главной мишени!..

— Вот почему ее не было видно на локаторе!..

Советский ракетный крейсер успел сделать еще три залпа прежде, чем с мостика раздалась команда:

— Прекратите огонь! Коллеги сообщают, что у главной мишени болтается какая-то яхта!..

— Ну, так пусть пеняет на себя! Всех предупреждали...

После короткого разбега с огромного американского авианосца в воздух взмыли сразу три самолета...

С флагманского корабля американцев поднялись два вертолета — разведчик и санитарный.

— Постарайтесь выловить хотя бы трупы!.. — кричали им вслед по радио.

На советском флагмане адмирал приказал капитану первого ранга:

— Поднимите вертолет, узнайте в чем дело.

— Слушаюсь! — сказал каперанг и пожал плечами: — Накрыли, как пить дать. Только горючее будем зря жечь...

— Выполняйте, — сухо сказал адмирал.

«Опричник» стоял с наполовину поднятыми парусами, а вокруг него плавали рваные остатки гофрированной платформы — главной мишени для ракетных морских стрельб. На некоторых больших кусках сохранились облюбленные Ароном и Васей мачточки — шесты с радиолокационными отражателями, сообщавшими военным кораблям о местонахождении мишени...

В воздухе стоял рев реактивных двигателей. Это совсем рядом садились на свой авианосец три американских самолета. Разведывательный вертолет военно-морских сил США тоже усаживался на палубу своего флагмана.

Над «Опричником» остались висеть только два вертолета — американский санитарный и русский — посланный по приказанию советского адмирала.

Все военные корабли — и русские, и американские, подошли чуть ли не вплотную к яхте и встали, окружив «Опричника» широким грозным кольцом.

Рядом с авианосцем, ракетными крейсерами, эсминцами, противолодочными кораблями и прочей военной водоплавающей техникой под государственными флагами самых сильных держав планеты, от киля до клотика упиханные смертоносным оружием, способные уничтожить полмира за десять минут...

...маленький, деревянный «Опричник» казался жалкой и робкой

козявкой, которую окружило стадо слонов и гиппопотамов.

А два вертолета, почти касающиеся его мачты, очень напоминали двух кондоров, которые только и ждут, чтобы броситься сверху на эту козявку и растерзать ее в клочья!..

Тем более, что с советского вертолета летчик откровенно грозил кулаком Арону и Василию и, с нотками сожаления в голосе, докладывал своему флагману:

— Живы, сволочи! Это те два жида, про которых нам еще на прошлой неделе говорили!..

— Возвращайтесь на базу! — последовал приказ.

Вертолет взмыл вверх и пошел к своему кораблю...

Американский санитарный вертолет тоже докладывал своему начальству:

— Все о'кей, сэр! Живы-здоровы! Яхта на плаву, сэр! Кажется, наша помощь не нужна. Но я вижу только двоих, а на такой яхте...

— Их всегда было только двое. Вы уверены, что им не нужна помощь?

— Да! Я отлично вижу, как они возятся на яхте и что-то кричат. Скорее всего, это обычный шок. Для этого у меня есть прекрасное лекарство, сэр!

А на «Опричнике» разъяренные Василий и Арон поднимали паруса и злобно орали на огромные военные корабли, окружившие их яхту:

— Засранцы!!!

— Чего вылупились, подлюги?!

— Делать вам не хрена, гадам!!!

— Стрелять они учатся, падлы!..

— Вам надо учиться в мире жить, а не стрелять, суки рваные!!!

Но вот паруса уже подняты и наполнены ветром.

— Врубай еще и двигатель! — кричит Василий. — В гробу мы их всех видели и в белых тапочках!!!

Арон завел дизель и завопил всем кораблям — и советским, и американским:

— А ну, разойдись, дерьмо собачье! Вперед, Васька!!!

Послушно повинуясь штурвалу, на хорошей скорости «Опричник» стал выходить из этого страшного военного кольца. Гордо трепетал на ветру зеленый, уже порядком выгоревший и выцветший, ничейный флаг «Опричника»...

Американский санитарный вертолет немного проводил их, сбросил им в кокпит пластмассовый тубус с вымпелом и улетел.

— С кораблей не добили, решили с воздуха доклевать, — пробормотал Арон. — Васька! Посмотри, чего там...

Василий поднял тубус, отвинтил крышку и вытащил оттуда... большой красочный журнал «Луи» с роскошными голыми и полуодетыми девками!

— Елочки точеные!.. — сказал он и сунул журнал под нос Арону. — Гляди-ка, Ароша! Ничего себе уха?..

Не отрываясь от штурвала, Арон скосил глаза на раскрытый журнал, обалдело покачал головой и сказал:

— С этого надо было и начинать, а не пулять в нас!

Как обычно доплывают до Хайфы

И еще они плыли День, Ночь и День...

И, слава богу, им никто больше не встретился на их нелегком пути!..

Но во вторую Ночь их все-таки догнал злой и беспощадный шторм.

Снова разлетались снасти!.. Рвались мокрые веревки, разваливались блоки, трещали по всем швам паруса!..

Большой парус — почти в сто квадратных метров, разлетелся в клочья! Не сладить было с ним на такой волне, при таком ветре — ни рифы взять, ни убрать его вовсе!.. Рук не хватало, сил человеческих...

Бултыхались в черной, пенной воде под одним стакселем. Может быть, это и спасло, что грот разлетелся ко всем чертям...

Штурвал в четыре руки удерживали. Молились, только бы не заклинила цепная передача! Только бы не потерять управление!..

А вокруг — ни одной живой души!..

Правда, под утро, когда ветер уже стал слегка стихать, осторожно подошло какое-то суденышко (так и не разобрали в предрассветных сумерках кто, что, откуда?..), предложило помощь — все конец толстого каната с кормы показывали, дескать, «не взять ли вас на буксир, господа хорошие?..»

Но Василий сказал Арону:

— Пошли они... За этот буксир они у нас потом все карманы вывернут! А нам еще жить на что-то надо... Когда мы еще яхту продадим? Когда свои миллионы получим!.. Точно?

— Точно, — ответил ему Арон. — Не маленькие. Сами выгребемся.

А утром — будто ночью ничего и не было!

Тишь, гладь, да божья благодать... Вода — зеркальная, без единого барашка. Чуть парит, и от этого в усталых, провалившихся глазах горизонт дрожит, размывается, теряет четкость и смотреть на него подолгу трудно.

От напряжения слезы наворачиваются, в висках начинает стучать...

Шли под одним рваным и излохмаченным стакселем и верным двигателем. Под мерный стук дизеля пили кофе из термоса.

Со встречного курса прилетел маленький самолетик. Снизился, покружил над «Опричником», помахал крылышками, развернулся и улетел обратно.

— Наверное, Хайфа близко, — сказал Арон.

— С чего это? — спросил Василий.

— А такие маленькие далеко не летают...

— Не скажи. Вспомни пацана немецкого — Руста. Откуда он прилетел, чтобы на Красную площадь усесться? А самолетик такой же!

Арон пожал плечами, ничего не ответил.

Во всю пекло солнце. Наверное, уже израильское... И на долгие разговоры просто не было сил.

Когда солнце стояло в зените и жара стала несусветной — показалась Хайфа.

Вернее, не столько Хайфа, сколько мыс Рас-эль-Курум, как сообщил Василий, держа в руках последний том лоции Юго-Восточной части Средиземного моря, изданный в одна тысяча девятьсот семьдесят шестом году Министерством обороны Союза ССР и Главным управлением навигации и океанографии.

Прямо по курсу уже виднелось большое белое здание госпиталя, неподалеку от него угадывался высоченный элеватор...

Справа торчал в небо позолоченный купол храма, а в глубине мыса, на вершине горы еще одно приметное здание. Как сказал всезнающий Василий, гостиница.

Василий приволок из каюты крупномасштабную карту «Подходы к порту Хайфа» — в одном сантиметре пятьдесят метров, поглядел на нее внимательно, прикинул на глаз новый курс и сказал Арону:

— Ароша... Лево руля градусов на пятнадцать-двадцать. Как говорят в Одессе — теперь это без разницы. Этот мыс — Рас-эль-Курум все равно обходить. — Заход в порт со стороны бухты Акко. А здесь у них главная набережная. Здесь ни рыбы не половишь, ни на якорь не станешь. Сплошные запреты!.. Как у нас...

Арон молча повернул и повел «Опричник» параллельно берегу. Минуты через три откашлялся и неуверенно сказал:

— Знаешь, Васька... А может, не будем продавать яхту?.. Я чего-то к ней так уже привык... Да и насобачились мы на ней вроде. Неужели мы с тобой без этих миллионов на житуху не заработаем? А по первости на ней

даже жить можно...

Василий отложил в сторону карту и лоцию, уселся на банку кокпита и уставился на Арона. Покачал головой удивленно и сказал:

— Телепат хренов...

<p><i>Как Арон и Вася бросили якоря в теплые прибрежные израильские воды на глазах у всей Хайфы</i></p>
--

А еще через минуту от мыса Рас-эль-Курум к ним наперерез примчался большой белый катер, в котором были три человека — двое в незнакомой Арону и Василию форме, а третий — лет пятидесяти, в белых брюках и белой рубашке без воротничка.

Он так темпераментно махал руками и что-то кричал, что Арон невольно сбросил газ и вопросительно уставился на него. А Василий сплюнул в сердцах и уже отработанно гаркнул:

— Ай гоу ту Хайфа!!!

— А это что?! — простонал человек в рубашке и показал на мыс Рас-эль-Курум. — Господин Рабинович и господин Иванов!.. Я — Шапиро из Мелитополя! Я пока буду ваш переводчик!.. Немедленно повертайте к набережной!!! Вас же там вся Хайфа ждет!..

— Но там нет причала!.. — крикнул Арон.

— Для кого?! Для вас?! Мишугине! Следуйте за мной! — распорядился Шапиро и что-то на иврите сказал людям в форме.

Те рассмеялись, развернули катер и, стараясь не уходить далеко от «Опричника», неторопко повели катер к берегу — туда, где виднелся белый госпиталь, золотой купол храма, элеватор и гостиница на горе.

Арон прибавил обороты двигателю и повел яхту за катером с Шапиро из Мелитополя на борту.

Когда до набережной оставалось метров сто пятьдесят, Василий и Арон увидели огромную толпу встречающих — человек триста, не меньше!

Над набережной висел длинный белый транспарант, на котором по-английски было написано метровыми буквами:

«АЙ ГОУ ТУ ХАЙФА!»

— Ничего себе... — пробормотал Василий. — Мамочка родная!..

— Попали!.. — сказал Арон и резко замедлил ход яхты, переведя двигатель на реверсивный режим.

— Ты что?.. Ты что?! — испугался Василий.

— Ничего! — отрезал Арон. — Я пока себя в порядок не приведу, близко не подойду к берегу!

— Неудобно, Арончик... — прошептал Василий, поглядывая на рукоплещущую толпу.

— Неудобно в таком виде на глаза людям показываться, — сказал Арон. — Ты на себя посмотри! Это же кошмар какой-то!..

Арон оглядел Василия с головы до ног и будто увидел его впервые: обросшего длинными неопрятными космами, с двухнедельной щетиной, грязного, измученного, в пропотевшей и уже продранной тельняшке, в разорванных шортах, сделанных из обычных старых рабочих брюк при помощи одного взмаха ножниц, с грязными заскорузлыми руками, колени в ссадинах, черная пиратская шапочка смотрела сломанным козырьком куда-то вбок, на ногах вместо бывших баскетбольных кедров чудовищные опорки...

— Ужас... — сказал Арон. — Просто тихий ужас!.. А теперь посмотри на меня. Что ты видишь?

Василий пожал плечами:

— Наверное, то же самое... Только в два раза больше.

— Тем более! — сказал Арон. — Вали на бок, убирай стаксель к чертовой матери и становись на носовой якорь. А я отдам второй якорь с кормы.

Шапиро из Мелитополя углядел, что «Опричник» остановился и в панике закричал с катера:

— Что случилось, господин Иванов?! Что такое, господин Рабинович?!

Ловко и очень профессионально Василий убирал стаксель. Арон выключил двигатель и крикнул в ответ Шапиро:

— Не волнуйтесь! Сейчас встанем на якорь, а через тридцать минут подойдем к стенке! О'кей?

— Никакого «о'кея»!.. — в ужасе закричал Шапиро из Мелитополя. — Вы сошли с ума! Люди уже второй час ждут встречи с вами!

— Подождут еще полчаса, — ответил ему Арон. — Мы почти пятьдесят лет ждали встречи с ними!..

Шапиро в отчаянии схватился за голову, а катер умчался к причальной стенке набережной, где стояла толпа местных жителей в ожидании героев всемирной прессы, радио и телевидения — легендарных Василия Рабиновича и Арона Иванова. Цветы, оркестр, восторженные крики!..

На «Опричнике» Василий уже отпустил стаксель и даже успел аккуратно сложить его в мешок. И теперь, охая и кряхтя, подтаскивал

тяжеленный якорь с толстой железной цепью к носовому релингу.

Точно то же самое, но на корме делал Арон. Только без охання и кряхтения. Он просто поднял стокилограммовый якорь с провисающей цепью и теперь держал его в руках в ожидании, когда Василий будет в состоянии опрокинуть свой якорь за борт.

— Держись, Васюся! Сейчас мы им покажем, как это делается! — крикнул Арон. — Готов?

— Готов!.. — сдавленным от напряжения голосом откликнулся Василий.

— Отдать якоря!!! — прогремел Арон.

Оба якоря с носа и кормы упали в воду одновременно.

Толпа на берегу зааплодировала!

Загрохотали якорные цепи...

По мере погружения якорей в пучину Средиземного моря грохот цепей все усиливался и усиливался, становился почему-то все громче, все страшнее!..

Затихла на берегу толпа...

Арон и Василий недоуменно переглянулись и вдруг почувствовали, как «Опричник» затрясло, залихорадило!..

Вибрация стала такой мощной, что им поневоле пришлось уцепиться за что попало, чтобы не свалиться в воду!

Жутко грохотали якорные цепи!.. Тряска достигла невероятного предела и вдруг...

...БЕДНАЯ СТАРАЯ ЯХТА С НЕЛЕПЫМ И НЕЗАСЛУЖЕННЫМ НАЗВАНИЕМ, ПОСТРОЙКИ ОДНА ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО ГОДА, СОРОК ПЯТЬ ЛЕТ ПРОЛЕЖАВШАЯ В СЫРОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЗЕМЛЕ, КУПЛЕННАЯ АРОНОМ И ВАСИЛИЕМ ЗА ПЯТЬ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ, ВОССТАНОВЛЕННАЯ ЗА ДВАДЦАТЬ, ЛЕТАВШАЯ ПО ВОЗДУХУ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В ОДЕССУ, НЕ ПОТОПЛЕННАЯ БОЕВЫМИ РАКЕТАМИ РОССИИ И АМЕРИКИ, ПРОШЕДШАЯ ПО МНОГИМ МОРЯМ ПОЛТОРЫ ТЫСЯЧИ МОРСКИХ МИЛЬ, ВЫСУШЕННАЯ БЕЗЖАЛОСТНЫМ СОЛНЦЕМ, ИСТРЕПАННАЯ БЕСПОЩАДНЫМИ ШТОРМАМИ, НЕ ВЫДЕРЖАЛА ОБЫЧНОЙ ЯКОРНОЙ ВИБРАЦИИ И НА ГЛАЗАХ У ИЗУМЛЕННОЙ ХАЙФЫ РАЗВАЛИЛАСЬ НА МЕЛКИЕ ЩЕПКИ!..

Несчастный «Опричник» рассыпался просто в прах!..

В прах рассыпалась и мечта о десяти миллионах долларов...

Мечта проплыла по теплой прибрежной израильской воде обломками досок, обрывками парусов, кусками мачты, каюты, карт, вырезками из газет

всего мира и фотографией Марксена Ивановича Муравича.

Набережная застонала, закричала, зарыдала!..

— Васька... Где ты?.. — захлебываясь тонущий Арон и беспомощно бил своими сильными руками по воде...

— Арончик!.. — Василий уже наглотался воды и с выпученными глазами пытался ухватиться за что-то, выныривал и снова погружался в воду...

От причальной стенки уже мчались спасательные катера, уже летели в воду пробковые круги...

Теряя сознание, Арон ухватился за спасательный круг и вдруг совсем рядом услышал захлебывающийся голос Василия:

— Не трогай, Арон!.. Минимум — пятьсот долларов...

Арон в ужасе отдернул руку от круга и неожиданно для себя вдруг поплыл по-собачьи, приговаривая:

— За такие бабки пошли они в жопу...

И откуда силы взялись — он даже умудрился подплыть к Василию, который уже уходил на дно, держа в зубах выловленную фотографию Марксена Ивановича, подтянул его повыше над водой и прохрипел:

— Гребь, Васенька... Гребь, родненький!..

А толпа на набережной вопила, кричала, неистовствовала...

И если бы Василий и Арон не были бы сейчас так заняты спасением собственных жизней и не разучивали бы, несколько запоздало, азы элементарного плавания, а взгляделись бы в толпу на набережной, они наверняка смогли бы увидеть среди встречающих приодетых и сильно похорошевших Клавку в Ривку — своих бывших жен и настоящих сестер!

А рядом с Клавкой и Ривкой они наверняка увидели б Нему Блюфштейна с двумя детьми, женой и старенькой одесской мамой...

Но если бы Арон и Василий еще смогли бы и прислушаться к тому, что вопила толпа, они обязательно услышали бы, как Клавка и Ривка орали на весь Израиль:

— Арончик!.. Васечка!!!

— Васечка!!! Арончик!..

— Ой-ой-ой!.. Они же никогда не умели плавать!..

— Арончик!.. Васечка!..

Думается, что Арон и Василий могли бы услышать и бывшего инженера-майора Нему Блюфштейна, который причитал, словно синагогальный служака:

— Боже мой... Боже мой!.. Хоть бы они выгреблись!..

И уж конечно Василию и Арону было бы очень приятно услышать, как

Ривка и Клавка, не сговариваясь, одновременно показали пальцами на своих плывущих бывших мужей и настоящих братьев и со знанием дела сказали Неме хором:

— За этих — не волнуйтесь! Эти — выгребутся!..

Но ничего этого Вася и Арон не слышали и не видели.

Они плыли... Впервые, на исходе пятого десятка лет своей нелегкой и путаной жизни, задыхаясь и захлебываясь, помогая друг другу из последних сил, по-собачьи, но плыли!..

Плыли к берегу Хайфы.